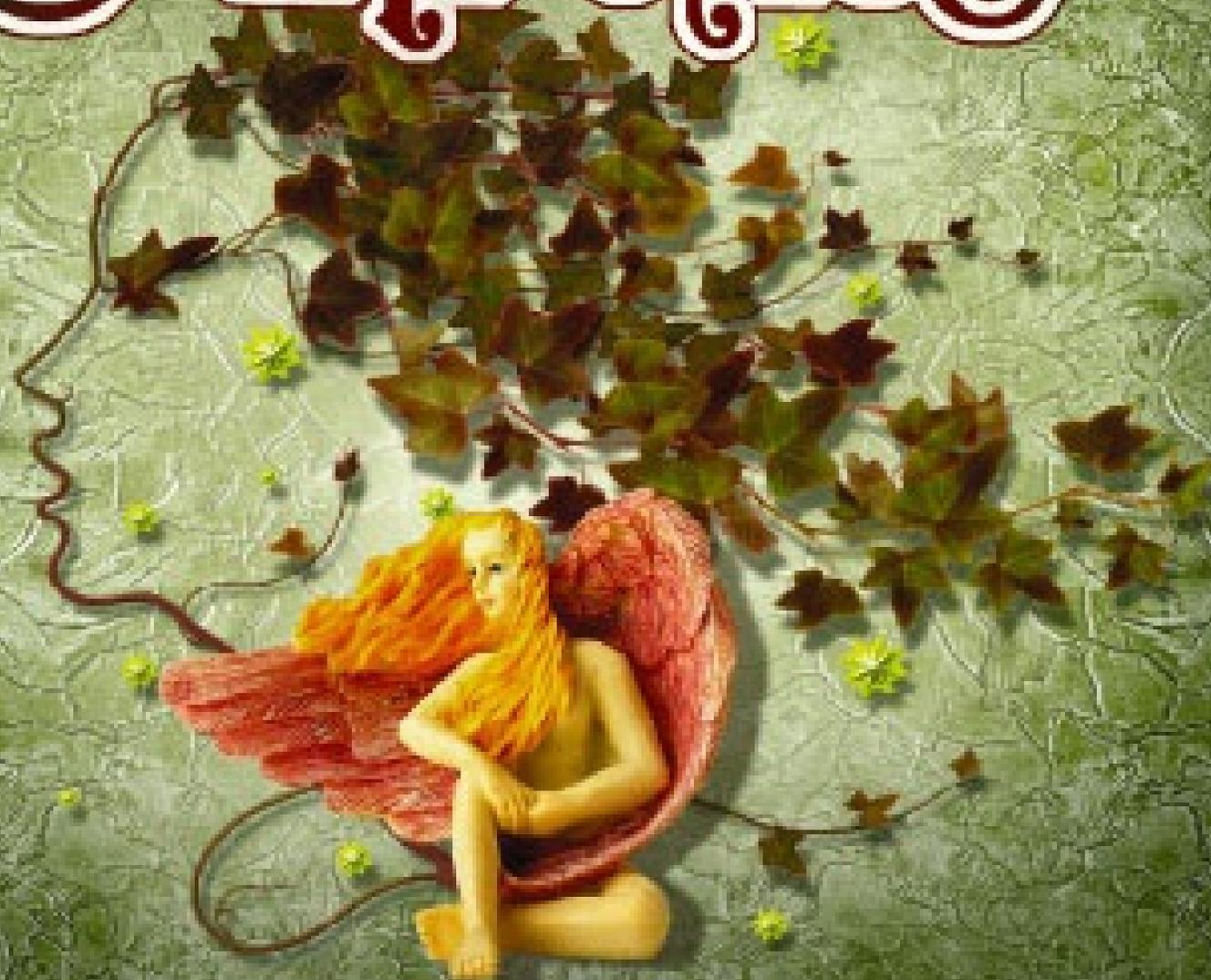

Элизабет Чандлер

Подслушай Ангела

АНГЕЛ-УРАНИТЕЛЬ

...когда поможет только первая любовь...

Annotation

Большая и искренняя любовь вспыхнула в сердцах старшеклассников Айви и Тристана совершенно неожиданно, изменив их судьбы.

Даже когда злой рок разлучает их, Тристан делает все, чтобы смягчить горе любимой, став ее ангелом-хранителем. Неожиданно он понимает, что его гибель была не случайной, а Айви по-прежнему грозит опасность.

Элизабет Чандлер
Ангел — хранитель

Посвящается Пэт и Дэннису
15 октября, 1994

— Никогда не думала, что здесь может быть так романтично, — заявила Айви, откидываясь на заднее сиденье машины и с улыбкой глядя на Тристана. Потом девушка перевела взгляд на кучу валявшегося на полу мусора и добавила: — Знаешь, по-моему, твоему галстуку совсем нечего делать в использованном стаканчике из «Бургер Кинг».

Брезгливо сморщившись, Тристан выудил галстук из стакана, перекинул мокрую тряпку в переднюю часть машины и снова плюхнулся на сиденье рядом с Айви.

— Ой!

В салоне запахло раздавленными цветами.

Айви весело расхохоталась.

— Что смешного? — проворчал Тристан, вытаскивая из-под себя изуродованные розы. Потом не выдержал и тоже рассмеялся.

— Ты не забыл, что мы в машине твоего отца? — спросила Айви. — Вдруг кто-нибудь пройдет мимо и заметит на бампере пасторскую наклейку?

Тристан перебрал цветы на переднее сиденье и снова притянул Айви к себе. Сдвинул шелковую бретельку ее платья, нежно поцеловал в плечо и прошептал:

— Придется сказать им, что я здесь с ангелом.

— Ну, ты даешь!

— Айви, я люблю тебя, — сказал Тристан, мгновенно посерьезнев.

Несколько секунд она молча смотрела на него, потом прикусила губу.

— Для меня это не игра. Я люблю тебя, Айви Лайонс, и когда-нибудь ты в это поверишь.

Тогда Айви обняла его и крепко прижала к себе, еле слышно шепнув ему в шею:

— Люблю тебя, Тристан Каррутерс.

Она верила ему, она доверяла ему, как никому на свете. Когда-нибудь она решится сказать все это вслух, в полный голос. Да-да, когда-нибудь она так и скажет: «Я люблю тебя, Тристан Каррутерс!» Или даже не скажет, а прокричит из окна. Или напишет огромными буквами на перетяжке и вывесит над школьным бассейном.

Им понадобилось несколько минут, чтобы привести себя в порядок и снова пересесть на передние сиденья.

Айви снова тихонько рассмеялась. Тристан повернулся к ней и тоже улыбнулся, глядя, как она пытается привести в порядок золотистую пряжу своих тонких волос.

«Напрасные старания!»

Он завел мотор и поехал по корням и камням, вырвав на узкую дорогу.

— Бросим последний взгляд на реку, — предложил Тристан перед крутым поворотом.

Июньское солнце, опускаясь за отроги далеких гор на западе сельских просторов Коннектикута, бросало косые лучи на верхушки деревьев, осыпая их хлопьями расплавленного золота. Петляющая дорога вскоре влилась в тенистый туннель из кленов, тополей и дубов. Айви почудилось, будто они с Тристаном нырнули под воду: закатное солнце сверкало где-то высоко вверху, а они вдвоем плыли в глубоком ущелье, пестревшем синими, алыми и темно-зелеными красками. Тристан включил фары.

— Не торопись, — сказала Айви. — Мне уже расхотелось есть.

— Я испортил тебе аппетит?

Она покачала головой.

— Наверное, я просто слишком счастлива, — тихо сказала девушка.

Машина понеслась быстрее, потом резко вильнула.

— Тристан, не надо торопиться.

— Забавно, — пробормотал Тристан. — Не пойму, почему... — Он обескураженно посмотрел вниз, на педали. — Такое впечатление, что...

— Помедленнее, пожалуйста! Ничего страшного, если мы немного опоздаем, ведь... Ой! — вскрикнула Айви, указывая на что-то впереди. — Тристан!

Что-то выскочило из кустов прямо на дорогу. Она не успела разглядеть, что это было — просто какое-то движение в темноте. В следующий миг перед ними замер олень. Он повернул голову и уставился на яркие фары машины.

— Тристан!

Они мчались прямо в сияющие глаза животного.

— Тристан, ты что, не видишь?

Машина продолжала нестись.

— Айви, тут что-то...

— Олень! — закричала она.

Глаза оленя сверкнули. Внезапно за его спиной полыхнул свет, и ослепительная вспышка на миг высветила черный силуэт. Навстречу неслась машина.

Со всех сторон стеной высились деревья. Свернуть было некуда.

— Остановись! — надрывалась Айви.

— Я...

— Остановись, почему ты не тормозишь? — умоляюще прорыдала девушка. — Остановись, Тристан!

Лобовое стекло взорвалось ливнем осколков. Впоследствии Айви не могла вспомнить ничего, кроме водопада битого стекла.

Айви вздрогнула от звука выстрела. Она терпеть не могла бассейны, особенно крытые. Они с подругами сидели в десяти шагах от воды, но Айви все равно казалось, будто она плывет. Внутри было сумрачно, в воздухе стоял влажный, голубовато-зеленый туман, едко пахнувший хлоркой. Каждый звук отдавался гулким эхом — выстрел стартового пистолета, крики болельщиков, громкий плеск воды, взбаламученной прыжками спортсменов.

Стоило Айви войти в куполообразное помещение бассейна, как ей сразу стало не хватать воздуха. И захотелось поскорее выйти наружу, в солнечный и ветреный мартовский день.

— Покажите еще раз, — попросила она. — Где он?

Сюзанна Голдстайн посмотрела на Бет ван Дайк. Бет посмотрела на Сюзанну. Потом обе покачали головами и хором вздохнули.

— Слушайте, ну как я могу его узнать? — устало спросила Айви. — Они же все совершенно безволосые — с бритыми руками, бритыми ногами и бритой грудью. Целая команда лысых парней в резиновых шапочках и очках для плавания. И не надо мне говорить, что на них плавки цветов нашей школы — с тем же успехом это может быть отряд пришельцев в резиновых шапочках и форменных плавках!

— Если пришельцы выглядят, как они, — сказала Бет, лихорадочно щелкая шариковой ручкой, — то я немедленно покупаю билет на звездолет и переезжаю на их планету!

Сюзанна забрала у Бет ручку и тихо промурлыкала:

— Обожаю состязания по плаванию!

— Но как только пловцы входят в воду, ты сразу перестаешь на них смотреть, — едко заметила Айви.

— Потому что в воде ничего не видно, — со знанием дела прокомментировала Бет. — Она рассматривает парней, ждущих своей очереди у стартовых тумб.

— Тристан на центральной дорожке, — подсказала Сюзанна. — Лучшие пловцы всегда идут в центре.

— Он наша гордость! — добавила Бет. — Лучший пловец в стиле баттерфляй. Между прочим, во всем штате.

Айви прекрасно все это знала. В конце концов, она была не слепая, а плакаты с изображением команды пловцов висели по всей школе. И на всех этих плакатах был изображен Тристан. Фотограф запечатлел его в тот момент, когда он выныривал из воды, выставив вперед плечи и, как крылья, отбросив назад обе руки.

Девушка, отвечавшая за рекламу школьных достижений, не случайно выбрала именно эту фотографию. И она знала, что делала, когда заказала огромное количество копий, поскольку приклеенные скотчем плакаты с изображением Тристана постоянно исчезали со стен, переключиваясь в шкафчики учениц.

В разгар этого плакатного помешательства Бет и Сюзанна вдруг вообразили, что Тристан интересуется Айви. Доказательная база состояла из двух эпизодов в школьном коридоре, произошедших на одной неделе, однако этого оказалось вполне достаточно для Бет, будущей великой писательницы, перечитавшей всю коллекцию любовных романов издательства «Арлекин».

— Бет, ну что за глупости? — пыталась протестовать Айви. — Ну вспомни, сколько раз налетала на тебя в коридоре? Ты же знаешь, какая я бываю рассеянная!

— Мы прекрасно это знаем! — ответила на это Сюзанна. — Вечно витаешь в облаках подруга. На высоте трех миль над землей. В зоне ангелов. И все-таки мне кажется, что на этот раз Бет права. В конце концов, *он* ведь врезался не в кого-нибудь, а в *тебя!*

— Возможно, он просто неуклюжий на суше. Как лягушка, — упрямо возразила Айви, хотя в глубине души отлично знала, что Тристан мог быть каким угодно, но только не неуклюжим.

Ей впервые показали его в январе, в холодный снежный день, когда она впервые переступила порог средней школы Стоунхилла. Чирлидерше школьной команды поручили познакомить новенькую со школой, и та первым делом привела ее в столовую.

— Высматриваешь самых красивых спортсменов? — спросила она, поймав сосредоточенный взгляд Айви.

На самом деле Айви в этот момент пыталась сообразить, что за волокнистую зеленую массу подают ученикам на обед в этой школе.

— В твоей старой школе, в Норуолке, девчонки, наверное, без ума от футболистов. Но у нас, в Стоунхилл...

«Все без ума от *него*», — закончила про себя Айви, проследив за остекленевшим взглядом чирлидерши. Та смотрела на Тристана.

— Вообще-то, я предпочитаю парней с мозгами, — сообщила Айви своей рыженькой провожатой.

— Так у него этого дела хоть отбавляй! — воскликнула Сюзанна, когда Айви

пересказала ей этот разговор.

Сюзанна была единственной, кого Айви знала в Стоунхилл, и просто удивительно, как они смогли встретиться в школьной толпе в первый же день.

— Я имею в виду мозги, не пропитанные хлорированной водой, — пояснила Айви. — Знаешь, мне никогда не нравились спортсмены. Мне важно, чтобы с парнем было о чем поговорить.

— Зачем? — пренебрежительно фыркнула Сюзанна. — Ты ведь разговариваешь с ангелами!

— Не начинай, — устало попросила Айви.

— С ангелами? — переспросила Бет, сидевшая за соседним столиком и с любопытством подслушивавшая их разговор. — Ты беседуешь с ангелами?

Сюзанна возмущенно закатила глаза и снова повернулась к Айви.

— Надеюсь, в твоей коллекции крылатых красавчиков есть хоть один ангел любви?

— Есть.

— И о чем ты с ними разговариваешь? — снова влезла в разговор Бет. Она уже открыла свой блокнот и деловито занесла над ним карандаш, намереваясь дословно запротоколировать слова Айви.

Сюзанна сделала вид, что не замечает ее присутствия.

— Знаешь, Айви, если у тебя и есть ангел любви, то он явно ворон считает, — решительно объявила она. — Пора напомнить этому лодырю о его непосредственных обязанностях.

Айви молча пожала плечами. Нельзя сказать, чтобы она совсем не интересовалась мальчиками, просто ее дни и так были заполнены до предела — музыка, работа в магазине, подготовка к экзаменам, забота о восьмилетнем братишке Филиппе. Кроме того, последние месяцы выдались особенно непростыми для нее, Филиппа и их матери. Тут без помощи ангелов было не обойтись.

После того январского дня Бет все-таки заставила Айви рассказать ей об ангелах, а потом показала ей несколько своих коротких любовных рассказов.

Айви нравилось болтать с Бет. Будущая королева любовных романов была румяной и круглолицей, с прямыми волосами до плеч, которые она упрямо красила в цвет искусственной седины; Бет одевалась в причудливом стиле, представлявшем собой нечто среднее между безумием и безвкусицей, и прожила множество жизней, исполненных страсти и романтики, — в своем воображении, разумеется.

Красавица Сюзанна, с роскошными длинными черными волосами, выразительными бровями и выступающими скулами, тоже без устали гонялась за сердечными переживаниями. Она стремительно загоралась и так же быстро гасла, поэтому успела пережить множество мимолетных увлечений в школьных классах и коридорах, оставляя за собой разбитые сердца парней из средней школы Стоунхилл. Бет и Сюзанна никогда раньше не дружили, однако в феврале они стали союзницами в одном общем деле — сведения Айви с Тристаном.

— Я слышала, что он очень умный, — как-то заметила Бет за обедом в столовой.

— Мега-мозг, — решительно поддержала Сюзанна. — Лучший ученик в классе.

Айви вопросительно приподняла брови.

— Ну, или типа того.

— Видишь ли, плаванье — это очень сложный вид спорта, — продолжала Бет. — Это

только со стороны кажется, что пловцы только и делают, что снуют взад-вперед, но у такого парня, как Тристан, всегда есть особый план, и перед каждым заплывом он составляет сложную выигрышную стратегию.

— Ну да, ну да, — покачала головой Айви.

— Мы тебя просим сходить только на одно соревнование! — настойчиво заявила Сюзанна.

— И сесть в первом ряду, — добавила Бет.

— И позволить мне одеть тебя для этого дня, — закончила Сюзанна. — Ты прекрасно знаешь, что я подбираю тебе одежду гораздо лучше, чем ты делаешь это сама.

Айви только головой покачала. На протяжении всех этих дней она уже не раз задумывалась над тем, как ее подругам вообще могло прийти в голову, что такой парень, как Тристан, может обратить на нее внимание.

Но когда Тристан, взяв слово на общешкольном собрании, стал говорить о том, как важна школьной команде поддержка болельщиков на последних состязаниях, и при этом все время смотрел только на Айви, она поняла, что ей просто не оставили выбора.

— Если мы проиграем эти соревнования, — грозно сказала Сюзанна, — то это будет на твоей совести!

И вот теперь, в ясный солнечный день в конце марта, Айви сидела и смотрела, как Тристан машет руками и ногами. Что ж, она готова быть объективной и признать, что у этого парня идеальная атлетическая фигура — широкие мускулистые плечи, красивая грудь, узкие бедра. Резиновая шапочка скрывала его волосы — насколько Айви помнила, они у него были густые, прямые и короткие.

— «Каждый дюйм его роскошного тела состоял из сплошных мускулов, — отрешенно прошептала Бет. Поцелкав ручкой, которую она уже успела отобрать у Сюзанны, она принялась быстро строчить в блокноте: — Он напоминал сверкающую скалу. Твердую и грубую в руках скульптора, мягкую и податливую под руками возлюбленной...»

Айви заглянула в блокнот Бет.

— Что на этот раз? — поинтересовалась она. — Стихи или роман?

— Какая разница? — отмахнулась подруга.

— Пловцам приготовиться! — погромел голос стартера, и участники заплыва взобрались на тумбы.

— Вот это да! — промурлыкала Сюзанна. — Эти крошечные плавки не оставляют никакого простора воображению, просто беда. Хотела бы я посмотреть, как в них выглядит Грегори.

— Тише, — пихнула ее локтем Айви. — Он тут рядом.

— Я знаю, — громко ответила Сюзанна, запуская пальцы в волосы.

— Но твои замечания...

Бет наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть Грегори Бэйнса.

— «Его худощавое тело, холеное и хищное...» — забормотала она, строча в блокноте.

Бах!

— У тебя все прилагательные начинаются на букву «х», — сухо заметила Сюзанна.

— Так и задумано, — кивнула Бет. — Аллитерация этой согласной дает сходство с тяжелым, сбивающимся, дыханием. Разве ты не слышишь — хриплый, хищный, холодный...

— Вы вообще будете смотреть на соревнования? — перебила ее Айви.

— Айви, это заплыв на четыреста метров. Туда-сюда и обратно. На что тут смотреть?

— Ах, вот в чем дело! А я-то все жду, когда же Тристан продемонстрирует свой мега-мозг, разработав безупречную выигрышную стратегию в этом сложнейшем виде спорта! — сострила Айви.

Бет снова схватила ручку.

— «Он парил над водой, как ангел, отчаянно мечтая о том, чтобы его холодные водяные крылья превратились в теплые руки, готовые обвиться вокруг Айви...» Сегодня у меня определенно прилив вдохновения!

— У меня тоже, — многозначительно заметила Сюзанна, переводя глаза с шеренги пловцов, выстроившихся перед тумбами, на Грегори.

Проследив за ее взглядом, Айви поспешно отвернулась к бассейну. Последние три месяца Сюзанна вела охоту — *хищную, хитроумную и хваткую* — на Грегори. В глубине души Айви страстно мечтала, чтобы ее подруга переключилась на какой-нибудь другой объект, и сделала это как можно быстрее, по крайней мере, до первой субботы апреля.

— А это еще что за брюнеточка? — спросила Сюзанна. — Терпеть не могу миниатюрных девчонок! Грегори плохо смотрится рядом с такой пигалицей. Маленькое личико, маленькие ручки, маленькие изящные ножки...

— Большие сиськи, — заметила Бет, отрываясь от блокнота.

— Кто она такая? Ты ее раньше видела, Айви?

— Сюзанна, ты учишься в этой школе намного дольше, чем...

— Ты на нее даже не посмотрела! — возмущенно перебила ее Сюзанна.

— Потому что все мое внимание приковано к нашему герою, как мы и договаривались. Кстати, что значит — *таран*? Почему, когда Тристан разворачивается, все орут: «Таран»?

— Это его прозвище, — ответила Бет. — Так его прозвали за стиль плавания. Разве ты не заметила, что он все время бросается головой вперед, словно пытается пробить бетонную стену?

— Понятно, — вздохнула Айви. — Первый признак мега-мозга — со всей дури бодать головой бетонную стену. Кстати, как долго обычно длятся эти состязания?

— Айви, да отвлекись ты на минуточку! — умоляюще застонала Сюзанна, дергая ее за рукав. — Посмотри вон туда и скажи, кто эта брюнетка!

— Твинки.

— Ты это только что придумала! — возмутилась Сюзанна.

— Это. Твинки Хаммонде, — повторила Айви. — Она учится в старшем классе нашей музыкальной школы.

Устав от назойливого разглядывания, Твинки резко повернулась и смерила Сюзанну неприязненным взглядом. Сидевший рядом с ней Грегори заметил выражение ее лица и тоже обернулся через плечо. В тот же миг лицо его озарилось ослепительной улыбкой.

У Грегори Бэйнса была очаровательная улыбка, темные волосы и серые глаза.

«Очень красивые серые глаза», — честно призналась себе Айви.

Грегори был высоким, однако вовсе не рост выделял его из толпы. Его делала особенным уверенность в себе. Он был словно актер, звезда большого кино, который даже после завершения карьеры чувствует себя частью великого искусства и держится особняком, считая себя лучше всех остальных. Бэйнсы были самыми богатыми обитателями богатого городка Стоунхилл, но Айви знала, что вовсе не деньги, а крутизна и равнодушие делают Грегори столь привлекательным в глазах Сюзанны. Дело в том, что ее подруга всегда хотела именно того, чего не могла получить.

Чтобы отвлечь Сюзанну, Айви легонько обняла ее за плечи и указала на шеренгу пловцов. А когда Тристан пошел на последний заплыв, она вместе со всеми громко завопила: «Таран!»

— Кажется, я вхожу во вкус, — сказала Айви, но мысли Сюзанны, похоже, были заняты совершенно другим.

«Уж не влюбилась ли она по-настоящему?»

— Он смотрит на нас! — взволнованно зашептала Сюзанна. — Он идет к нам!

Айви напряглась.

— И его чихуа-хуа семенит следом.

Зачем он идет к ним? Что Грегори собирается ей сказать после долгих трех месяцев, в течение которых он старательно игнорировал ее?

Еще в январе Айви быстро поняла, что Грегори не рад ее обществу. По какому-то молчаливому уговору они оба никому не говорили о том, что отец Грегори собирается жениться на матери Айви. Всего несколько человек знали о том, что с апреля Айви и Грегори будут жить в одном доме.

— Привет, Айви! — первой заговорила Твинки, протиснувшись к ней поближе. Сюзанну она проигнорировала, словно пустое место, а Бет едва удостоила взглядом. — Я только что говорила Грегори о том, что мы с тобой всегда сидим рядом на занятиях по музыке.

Айви удивленно посмотрела на Твинки. Честно говоря, она никогда не замечала, где сидит Твинки.

— Представляешь, Грегори даже не слышал, как ты играешь на фортепиано! Он сам мне только что признался. Я просто ушам своим не поверила, честное слово! Просто поразительно, правда? Разумеется, я ему рассказала, что ты просто чудо и весь наш класс от тебя в восторге!

Айви открыла рот, но так и не придумала, что сказать. В последний раз, когда она играла перед классом композицию собственного сочинения, Твинки выразила свой восторг тем, что полировала ногти пилочкой.

Айви почувствовала, что Грегори разглядывает ее в упор. Когда она подняла глаза, он лукаво ей подмигнул. Опомнившись, Айви поспешно указала на подруг и сказала:

— Грегори, ты знаком с Сюзанной Голдстейн и Бет ван Дайк?

— Не слишком, — ответил Грегори, по очереди вежливо улыбаясь девочкам.

Сюзанна просияла от счастья. Бет смотрела на Грегори с любопытством исследователя и судорожно щелкала авторучкой.

— Знаешь что, Айви? Я только что узнала, что с апреля ты будешь жить неподалеку от моего дома. Совсем рядом, — продолжала щебетать Твинки. — Теперь нам с тобой будет намного проще заниматься вместе!

«Проще? Заниматься вместе?»

— ...ведь я смогу подвозить тебя до школы. До твоего дома мне намного быстрее доехать!

«Быстрее?»

— Надеюсь, мы еще больше сблизимся!

«Еще больше?»

К счастью, Сюзанна поспешила прийти ей на помощь. Кто-кто, а она никогда не лезла за словом в карман!

— Какая ты скрытная, Айви! — воскликнула Сюзанна, наивно хлопая своими длинными черными ресницами. — Почему ты никогда не рассказывала нам о том, что вы с Твинки такие близкие подруги? Надеюсь, мы все сможем как следует «сблизиться»! Скажи, ведь ты хотела бы побывать дома у Твинки, Бет?

Грегори с трудом спрятал улыбку.

— Мы могли бы ходить друг к другу в гости с ночевкой, Твинки! — продолжала щебетать Сюзанна.

Судя по вытянувшемуся лицу Твинки, эта идея не вызвала у нее особого энтузиазма.

— Мы могли бы до утра болтать о мальчиках и спорить, кто самый крутой парень в школе, — добавила Сюзанна.

Переведя взгляд на Грегори, она с нарочитой медлительностью осмотрела его с головы до ног, не упустив ни одной детали. Грегори, сохраняя полную невозмутимость, продолжал насмешливо смотреть перед собой.

— Мы знаем и других девчонок из старой школы Айви, в Норуолке, — в упоении продолжала Сюзанна, прекрасно понимавшая, что богатые жители Стоунхилла, каждый день ездившие на работу в Нью-Йорк, не имеют ничего общего с голубыми воротничками из Норуолка. — Они бы тоже с удовольствием приехали погостить. Мы могли бы крепко сдружиться, правда? Тебе нравится эта идея, Твинки?

— Вряд ли, — ответила та, поворачиваясь спиной к Сюзанне. — Было приятно поболтать, Айви. Надеюсь, мы скоро снова увидимся. Идем, Грэг, здесь слишком тесно, — заторопилась Твинки, дергая Грегори за рукав.

Как только Айви отвернулась от бассейна, чтобы попрощаться с ними, Грегори кончиками пальцев взял ее за подбородок и, повернув к себе, заглянул в глаза. Потом улыбнулся.

— Чистая Айви, наивная Айви, — медленно проговорил он. — У тебя смущенный вид. Почему? Между прочим, у этой медали две стороны. В последнее время множество парней, которых я едва знаю, стали заговаривать со мной, как с лучшим другом. Они все рассчитывают заглянуть ко мне домой в первую неделю апреля. Ты не знаешь, с чем это может быть связано?

Айви неопределенно пожала плечами и осторожно ответила:

— Наверное, все дело в том, что ты — член узкого круга, в который многие хотят попасть.

— А ты и в самом деле невинна, — со смехом воскликнул Грегори.

Айви хотелось, чтобы он поскорее отпустил ее. Она посмотрела ему за плечо на трибуны, где сидели друзья Грегори. Эрик Гент и еще один парень о чем-то разговаривали с Твинки и хохотали. Всегда замкнутый и бесстрастный Уилл О'Лири в упор разглядывал Айви.

Грегори разжал пальцы. Коротко кивнув подругам Айви, он пошел прочь, и в его глазах прыгали искорки смеха.

Когда Айви снова повернулась к бассейну, то увидела, что трое парней в одинаковых плавках и резиновых шапочках смотрят прямо на нее. Она не знала, кто из них Тристан, и был ли он вообще среди этой троицы.

— Я чувствую себя полным придурком, — заявил Тристан, выглядывая в ромбовидное стекло двери, отделявшей кухню от столовой Клуба выпускников колледжа.

Канделябры уже зажгли, столовый хрусталь проверили. На длинных столах в огромной кухне, где томились в ожидании Тристан и Гарри, выстроились ряды сияющих фруктов, овощей и *hors d'oeuvres*. Тристан понятия не имел о том, что это за *hors d'oeuvres* такие, с чем их едят и, самое интересное, как их подавать. Ладно, главное, чтобы эти хитрые французские штучки не посыпались с подноса вместе с бокалами для шампанского, а остальное уже неважно.

Гарри отважно сражался с запонками. Широкий кушак взятого напрокат смокинга на его талии постоянно развязывался, потому что липучка решительно отказывалась держаться. Лакированные туфли оказались ему чудовищно малы, да еще, за неимением лучшего, пришлось в последний момент зашнуровать их ярко-красными шнурками от кроссовок. В который раз за этот вечер Тристан подумал, что только настоящий друг мог пойти на такие муки ради него.

— Не забывай, тут платят неплохие деньги, — напомнил он Гарри. — А деньги нам очень понадобятся для соревнований Среднего Запада.

— Еще посмотрим, сколько останется этих денег после того, как с нас вычтут за ущерб, — проворчал Гарри.

— Все останется! — уверенно ответил Тристан. Неужели трудно обносить гостей подносами? Они с Гарри были пловцами. Превосходное спортивное чувство равновесия позволило им выдать себя за опытных официантов на собеседовании с представителем фирмы, обслуживавшей банкеты. Что и говорить, пустяковая работенка.

Взяв со стола серебряный поднос, Тристан придирчиво посмотрел на свое отражение.

— Я не просто чувствую себя идиотом, я и выгляжу, как полный идиот.

— Потому что ты и есть идиот, — сварливо ответил Гарри. — Только заруби себе на носу — я не такой дурак, чтобы поверить, будто ты ввязался в это дело ради денег для соревнований.

— Что ты хочешь этим сказать?

Гарри схватил стоящую в углу швабру и поднял ее так, чтобы веревочные прядки упали ему на голову.

— Ах, Тристи, — пропищал он противным тоненьким голосом. — Какая приятная неожиданность встретить тебя на свадьбе моей мамочки!

— Заткнись, Гарри.

— Ах, Тристи, поставь свой поднос и потанцуй со мной! — Гарри сладко улыбнулся и затряс веревочной насадкой швабры.

— У нее совсем не такие волосы.

— Ах, Тристи, я поймала мамочкин букет невесты! Давай убежим вдвоем и поженимся!

— Я не собираюсь на ней жениться! Я просто хочу, чтобы она узнала о моем существовании. Хочу пригласить ее на свидание. Хотя бы один раз! Если я ей не нравлюсь, тогда... — Тристан небрежно пожал плечами, как будто самое страшное поражение в его жизни, о котором он боялся даже подумать, было всего лишь пустяком, который мог запросто забыться наутро.

— Ах, Тристи...

— Я сейчас надеру тебе...

Дверь кухни широко распахнулась.

— Джентльмены, — сухо объявил мсье Помпиду, — новобрачные и их гости прибыли и ждут обслуживания. Надеюсь, теперь фортуна улыбнется нам, и двое опытейших *garçons* соблаговоят, прервав беседу, приступить к исполнению своих непосредственных обязанностей?

— Это был сарказм? — дослушав, уточнил Гарри. Тристан молча закатил глаза, и оба самозванных официанта послушно поплелись в банкетный зал.

Первые десять минут Тристан внимательно наблюдал за работой других, пытаясь запомнить, что нужно делать. Он знал, что девушкам и женщинам нравится его улыбка, поэтому использовал ее на полную катушку, особенно в тот щекотливый момент, когда икра вдруг вообразила себя живой рыбой и плюхнулась на колени пожилой дамы.

Обходя огромный банкетный зал, Тристан постоянно искал глазами Айви, и даже когда солидные пузатые мужчины, остановив его, принялись наполнять свои тарелки, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу и вертел головой. Двое гостей взяли у него с подноса бокалы и отошли, недовольно бурча себе под нос, но Тристан этого даже не заметил. Он думал только об Айви.

Что он ей скажет, если они столкнутся лицом к лицу? «Возьмите крабовых шариков»? Или лучше так: «Могу я предложить вам *le bailee de crabbe*»?

Да, так он точно произведет на нее впечатление!

Господи, в кого он превратился? С какой стати он, Тристан Карруттерс, портреты которого висят в шкафчиках у сотен девчонок (хорошо, пусть это преувеличение, но все-таки очень небольшое), должен производить впечатление на девушку, которая, насколько ему известно, совершенно не стремится украсить своим лицом ни его шкафчик, ни чей-либо еще?

Тристан обратил на Айви внимание в первый же день, когда она появилась в Стоунхилл. Но не только ее необычная красота, пышная копна вьющихся золотистых волос и сине-зеленые глаза заставили его забыть обо всем, кроме желания смотреть на нее, касаться ее. Прежде всего его поразила ее абсолютная свобода от всего, что интересовало большинство знакомых ему людей. Ему нравилось, что когда Айви с кем-то разговаривала, она внимательно смотрела на своего собеседника, а не шарила глазами по толпе, выискивая кого-нибудь еще; ему нравилось то, как она одевалась и как полностью растворялась в пении. Однажды Тристан, словно зачарованный, несколько минут стоял в дверях музыкального класса, не сводя с нее глаз. Разумеется, она его даже не заметила.

Тристан сомневался, что она вообще догадывается о его существовании. Возможно, затея с обслуживанием свадьбы была не лучшим способом обратить на себя ее внимание.

Тристан с тоской посмотрел на жирный крабовый шарик, закатившийся между двумя высокими каблуками-шпильками, и всерьез усомнился в правильности своего решения.

В следующий миг он увидел ее. Она была вся в розовом — розовом-прерозовом. Ярды блестящей ядовито-розовой материи спадали с ее плеч и колыхались вокруг талии: должно быть, юбка у нее держалась на обруче.

Гарри как раз проходил мимо с подносом. Тристан повернулся так быстро, что они столкнулись локтями. Восемь бокалов задрожали на тонких ножках, расплескав по подносу рубиновое вино.

— Вот это платье, — скривившись, шепнул Гарри.

Тристан пожал плечами. Он и сам видел, что платье просто ужасное, но какое это имело значение?

— Когда-нибудь она его снимет, — резонно ответил он.

— А ты самонадеян, приятель, — хохотнул Гарри.

— Я не это имел в виду! Просто я...

— Помпиду, — шепнул Гарри, и друзья поспешно разошлись в разные стороны. Однако распорядитель все-таки поймал Тристана и погнал его на кухню.

Когда Тристан снова появился в зале, в руках у него был поднос с плоской кучкой овощей и самым мелким соусником, из которого ничего не могло пролиться даже при землетрясении. Он заметил, что часть гостей уже узнает его и старается поскорее отойти при его приближении. Что ж, это было к лучшему. Теперь Тристан мог просто ходить кругами со своим подносом, не обращая внимания на гостей, и искать ее.

— Зд-дорово, п-пловец. П-п-п-плов-вец.

Это был кто-то из школы, кажется, один из дружков Грегори. Тристан никогда не любил парней и девчонок из кружка Грегори. Все они были богаты и страшно этим гордились. Они то и дело затевали какие-то глупости и находились в вечном поиске острых ощущений.

— Оглох, п-плов-вец? — снова крикнул парень.

Теперь Тристан узнал его. Эрик Гент, неприятный блондин с длинным узким лицом, лениво привалился к стене, держась одной рукой за канделябр.

— Простите, — сказал Тристан. — Вы ко мне обращаетесь?

— Я тебя узнал, Таран. Я тебя знаю. Так вот чем ты занимаешься в перерывах между 3-3-заплывами? — Эрик отпустил канделябр и слегка пошатнулся.

— Это то, чем я занимаюсь, чтобы позволить себе заплывы, — холодно ответил Тристан.

— Отлично. В т-т-таком случае, я куплю тебе несколько 3-3-заплывов.

— Прости?

— Принеси мне с-с-стаканчик выпивки и не пожалеешь.

Тристан внимательно посмотрел на Эрика.

— Похоже, несколько стаканчиков ты уже выпил.

Эрик показал ему четыре растопыренных пальца и безвольно уронил руку.

— Четыре, — поправился Тристан.

— Это частная вечеринка, — сказал Эрик. — Тут обязаны обслуживать всех, несмотря на возраст. А вообще неважно, частная это вечеринка или нет, здесь обслуживают всех, кого старый Бэйнс п-п-просит обслужить. Этот старик может купить все и всех, да ты сам знаешь.

«Теперь понятно, с кого Грегори берет пример», — подумал про себя Тристан.

— Прекрасно, — сказал он вслух. — Бар находится вон там. — Он хотел отойти, но Эрик преградил ему дорогу.

— Вся п-п-проблема в том, что меня там больше не обслуживают.

Тристан глубоко вздохнул.

— Мне нужно в-в-выпить, Таран. А тебе нужны бабки.

— Я не беру чаевых, — ответил Тристан.

Эрик отрывисто захохотал.

— Наверное, потому, что тебе их никто не дает. Я наблюдал 3-за тобой и видел, как ты

т-т-тут в-выступал. Но я тебе честно з-з-заплачу.

— Прости.

— Мы нужны друг другу, — не отставал Эрик. — У нас есть выбор. Мы можем или помочь друг другу — или навредить.

Тристан промолчал.

— Ты понял, о чем я говорю, Таран?

— Я понял, о чем ты говоришь, но ничем не могу тебе помочь.

Эрик сделал шаг к нему. Тристан отступил на шаг назад. Эрик шагнул еще ближе.

Тристан напрягся. Говоря спортивным языком, приятель Грегори выступал в легком весе. Он был почти такого же роста, как Тристан, однако гораздо слабее и уже в плечах. Однако у Эрика было целых два преимущества — он был пьян, и ему нечего было терять. А Тристану было что, начиная с огромного подноса, нагруженного овощами.

«Ничего страшного», — решил Тристан. Один быстрый шаг в сторону — и Эрик грохнется на колени, а потом опрокинется навзничь.

Но Тристан не учел того, что как раз в этот момент по залу проходила невеста в сопровождении гостей. Заметив краем глаза процессию, он вынужден был в последний момент изменить направление — и врезался в пошатнувшегося Эрика. Сельдерей и цветная капуста, грибы и наструганный перец, брокколи и стручковый горошек опрокинулись на канделябр, а оттуда дождем хлынули на гостей.

И вот тогда она посмотрела на него. Айви, ослепительная Айви. На миг их взгляды встретились, и Тристан увидел ее глаза, круглые, как помидорки-черри, сыпавшиеся на процессию невесты.

Тристан не сомневался, что теперь она, наконец, узнала о его существовании.

А еще он не сомневался в том, что теперь она ни за что не захочет пойти с ним на свидание. Никогда.

— Вероятно, ты была права, Айви, — прошептала Сюзанна, не сводя глаз с россыпи сырых овощей. — На суше наш Тристан просто ходячее недоразумение.

«Что он здесь делает? — сокрушенно подумала Айви. — Почему не остался в бассейне, где чувствует себя, как рыба в воде?»

Айви знала, что ее подружки уверены, будто Тристан преследует ее, и готова была провалиться сквозь землю от смущения.

Бет пробилась к ним через толпу, раздавив каблуком помидор.

— Наверное, он так зарабатывает деньги, — сказала она, взглянув в расстроенное лицо Айви.

— Швыряясь брокколи в новобрачную? — насмешливо покачала головой Сюзанна. — Оригинальный способ заработка.

— Этот симпатичный рыжий пловец тоже здесь, — продолжала Бет. Сегодня вечером ее седые волосы были высоко зачесаны вверх, придавая Бет еще большее сходство с очаровательной круглолицей совой.

— Похоже, бедный Тристан очень нуждается, — вздохнула Бет.

— В деньгах или в Айви? — уточнила Сюзанна, и они обе расхохотались.

— Не переживай, Айви, — улыбнулась Бет, ласково дотрагиваясь до ее руки. — Это же весело! Я уверена, он едва не ослеп, когда увидел, во что ты одета!

Сюзанна вытаращила глаза и принялась с закрытым ртом напевать мелодию из

«Унесенных ветром».

Айви поморщилась. Она и сама прекрасно знала, что выглядит, как Скарлетт О'Хара которую окунули в ведро с блестками. Но мама специально выбрала для нее это платье.

Сюзанна продолжала гудеть.

— Я уверена, что Грегори тоже чуть не ослеп, когда увидел, чего ты *не* надела, — сказала Айви, надеясь заткнуть ей рот своей колкостью. Этим вечером Сюзанна была в облегающем черном платье-футляре, не предполагавшем наличие нижнего белья.

— Очень на это надеюсь!

— Кстати, о птичках... — негромко заметила Бет.

— Вот ты где, Айви! — ласково, почти вкрадчиво проговорил Грегори. Сюзанна с готовностью обернулась, но он, даже не посмотрев на нее, галантно подал Айви руку. — Мы ждем тебя за главным столом.

Едва касаясь руки Грегори, Айви последовала за ним, мечтая о том, чтобы Сюзанна оказалась на ее месте.

Когда они вдвоем подошли к столу, мама подняла глаза и просияла, любуясь на Айви в вульгарном платье сумасшедшей дочери плантатора.

— Спасибо, — поблагодарила Айви, когда Грегори отодвинул для нее стул.

Он улыбнулся ей той странной загадочной улыбкой, которую она впервые увидела на его лице во время соревнований по плаванию. С того самого дня Грегори постоянно подшучивал над ней и всячески пытался проявлять дружелюбие. Айви знала, что должна радоваться этой перемене, но в глубине души предпочитала прежнего, холодного и неприступного Грегори.

Она прекрасно понимала, почему он оказал ей такой ледяной прием, когда она в первый раз появилась в новой школе. Она могла себе представить, каким ужасным потрясением было для Грегори узнать, что Мэгги перевозит свое потомство из дешевых апартаментов в Норуолке в квартиру, которую его отец снял для них в Стоунхилле, и что это делается в рамках подготовки к будущей свадьбе.

Роман Эндрю и Мэгги длился уже несколько лет. Но, как говорится, романы бывают разные, а Эндрю и мать Айви с самого начала были чрезвычайно странной влюбленной парой — очень богатый и невероятно влиятельный президент колледжа и парикмахерша его жены. Кто бы мог подумать, что через столько лет после начала их любовной интрижки и спустя несколько лет после развода Эндрю влюбленные все-таки решат пожениться?

Это было потрясением даже для Айви. Ее отец умер, когда она была совсем маленькой. С тех пор ее мать постоянно меняла мужчин, поэтому Айви давно привыкла к этому, воспринимала, как должное и думала, что так будет всегда.

Подавшись вперед, Айви посмотрела через стол на свою маму. Эндрю перехватил ее взгляд и улыбнулся, подтолкнув локтем жену. Мэгги, сияя от счастья, подняла глаза на дочь. Она вся светилась от радости.

«Ангел любви, — беззвучно прошептала Айви, — храни маму. Храни всех нас. Пусть мы будем любящей семьей — крепкой и счастливой».

— Извини, дорогая, но твои... хм... блестки только что обмакнулись в суп.

Айви поспешно выпрямилась, а Грегори со смехом предложил ей салфетку.

— Это платье доведет тебя до беды, — пошутил он. — Смотри, ты буквально ослепила Тристана Каррутерса.

Айви почувствовала, как кровь прилила к ее щекам. Она хотела ответить, что во всем

был виноват Эрик, а не она, но...

— Мне искренне жаль гостей стола, который обслуживает этот недотепа и его приятель, — с усмешкой продолжал Грегори. — Надеюсь, нас минует чаша сия.

Они одновременно обвели глазами зал.

«Я тоже надеюсь», — подумала про себя Айви.

Сразу же после овощного фонтана Тристану сообщили, что он не только может уходить, но должен сделать это немедленно. Усталый и униженный, Тристан был бы рад поскорее убраться восвояси, однако он обещал довести Гарри домой. Поэтому он долго рыскал в коридорах за кухней, пока не отыскал кладовую, в которой можно было затаиться и просидеть до окончания банкета.

В кладовой было темно и спокойно, на полках ровными рядами стояли огромные банки и коробки. Но не успел Тристан удобно устроиться на одной из коробок, как услышал какой-то шорох за спиной.

«Мыши или крысы? Впрочем, какая разница!»

Чтобы хоть немного утешиться, Тристан стал воображать, как он стоит на верхней ступеньке пьедестала почета, за спиной у него развевается флаг Соединенных Штатов, звучит гимн, а Айви смотрит трансляцию награждения по телевизору и горько жалеет о том, что упустила возможность встретиться с таким замечательным парнем.

— Я просто придурок! — простонал он, роняя голову на руки. — Я могу запросто получить любую девчонку, но...

Чья-то рука дотронулась до его плеча.

Тристан резко вскинул голову — и увидел бледное, худое детское лицо. Перед ним стоял мальчик лет восьми, парадно одетый, с туго завязанным галстуком и прилизанными темными волосами. Должно быть, кто-то из гостей.

— Что ты тут делаешь? — рявкнул Тристан.

— Ты бы не мог раздобыть мне поесть? — попросил мальчик.

Тристан насупился, раздраженный тем, что мальчишка нарушил его уединение в этом укромном местечке, словно нарочно созданном для грез об Айви.

— А почему ты сам не возьмешь себе еды?

— Потому что тогда они меня увидят! Бледные губы мальчика сжались в узкую прямую полоску. Он крепко стиснул зубы, но глаза его глядели умоляюще, а между бровей залегла смешная морщинка.

— Кажется, у нас с тобой есть нечто общее, — гораздо мягче сказал Тристан. — Нам обоим приходится прятаться.

— Я ужасно голодный. Я не завтракал и не обедал, — сообщил мальчик.

Через щелку полуприкрытой двери Тристан видел снующих туда-сюда официантов. Наверное, они только что начали подавать блюда к ужину.

— Давай посмотрим, что у меня есть в кармане, — вздохнул Тристан, вытаскивая раздавленный крабовый шарик, несколько креветок, три стебля сельдерея с начинкой, горстку орешков кешью и нечто неопределенное.

— Это суши? — спросил мальчик.

— Слушай сюда. Все это валялось на полу, прежде чем перебраться в мой карман. Причем, смокинг я взял напрокат, так что понятия не имею, кто и где носил его до меня.

Мальчик мрачно кивнул, изучая предложенные лакомства.

— Я люблю креветки, — сказал он, наконец. Взяв первую креветку, он поплевал на нее,

а потом старательно вытер пальцем. Эту же операцию он проделал со всеми остальными креветками, а потом с крабовым шариком и сельдереем.

«Интересно, на кешью он тоже будет плевать? — подумал Тристан. — И еще интересно, что могло заставить восьмилетнего мальчика не есть целый день и прятаться в темной кладовке».

— Я так понял, — заметил Тристан, — что ты не любишь свадьбы?

Мальчик посмотрел на него и откусил кусочек чего-то неопределенного.

— У тебя имя есть?

— Есть.

— И у меня есть. Меня зовут Тристан. А тебя? Отложив непонятную *hors d'oeuvre*, мальчик переключился на орехи.

— Я бы хотел поужинать, — сказал он. — Я ужасно голодный.

Тристан выглянул в щелку. Официанты то и дело вбегали и выбегали из кухни.

— Слишком много народу, — сообщил он.

— У тебя неприятности? — поинтересовался мальчик.

— Типа того. Ничего серьезного. А у тебя?

— Пока нет, — ответил мальчик.

— Но будут?

— Наверное. Когда они меня найдут.

Тристан кивнул. Помолчав, он осторожно сказал:

— Думаю, ты уже сообразил, что не можешь вечно прятаться здесь?

Мальчик задумчиво обвел глазами полки в темной кладовой, словно в самом деле обдумывал эту возможность.

Тристан осторожно дотронулся до его руки.

— В чем дело, приятель? Хочешь рассказать мне?

— Я, правда, очень хотел бы поужинать, — повторил мальчик.

— Ладно, ладно, — раздраженно процедил Тристан.

— И десерт я тоже люблю, — добавил мальчик.

— Будешь есть то, что я смогу достать! — огрызнулся Тристан.

— Ладно, — покладисто ответил ребенок.

— Не обращай внимания, — вздохнул Тристан. — Я всегда ворчу.

— Я и не обращаю, — заверил его мальчик.

— Ну вот что, дружок, — сказал Тристан. — Сейчас там только один официант и куча еды. Идешь со мной? Отлично! Он уходит. Мародеры — вперед! Отдаю вам кухню на разграбление!

— Где Филипп? — спросила Айви.

Ужин был в самом разгаре, когда она заметила, что стул брата пустует. — Вы не видели Филиппа? — спросила она, поднимаясь со своего места.

Грегори усадил ее обратно.

— Не о чем беспокоиться, Айви. Наверное, бежит где-то.

— Но он целый день ничего не ел, — сказала Айви.

— В таком случае, он на кухне, — равнодушно ответил Грегори.

Он ничего не понимал! В последние недели Филипп постоянно грозил сбежать из дому. Айви, как могла, пыталась объяснить братишке, что происходит; она снова и снова

расписывала ему, как хорошо им будет жить в новом большом доме с теннисным кортом и видом на реку, и как здорово иметь такого старшего брата, как Грегори. Но Филипп не купился на эти обещания. Честно говоря, она и сама в них не верила.

Решительно отодвинув стул, так что Грегори не успел ее остановить, Айви вскочила из-за стола и бросилась на кухню.

— Налетай! — скомандовал Тристан.

Они с мальчиком сидели на коробках, а на большом ящике между ними высилась целая куча еды: поджаренные на гриле филе-миньон, креветки, самые разные овощи, салаты и булочки со взбитым сливочным маслом.

— Вот это здорово, — обрадовался мальчик.

— Здорово? Что ты понимаешь! Это настоящий пир, — заявил Тристан. — Ешь, давай. Нам понадобятся силы, чтобы расправиться с десертом.

Слабая тень улыбки появилась на бледном лице мальчика, но тут же исчезла.

— А ты от кого прячешься? — с любопытством спросил он.

Некоторое время Тристан молча жевал, а потом признался:

— С распорядителем, мсье Помпиду. Я работал под его руководством и немного прокололся. Облил кое-кого из важных гостей, а потом немного посыпал их овощами.

На этот раз мальчик улыбнулся гораздо шире.

— А ты попал в мистера Левра?

— А надо было? — уточнил Тристан.

Мальчик кивнул, и лицо его радостно озарилось при одной мысли о такой возможности.

— Короче, сначала Помпиду велел мне заниматься блюдами, которые не проливаются. Представляешь?

— Знаешь, что бы я ему на это сказал? — перебил мальчик. Морщинка между его бровей полностью разгладилась. Он жадно поглощал еду и говорил с полным ртом. Проще говоря, теперь он был гораздо больше похож на нормального ребенка, чем пятнадцать минут назад.

— Что?

— Я бы сказал: засуньте эти блюда себе в ухо!

— Отличная мысль! — одобрил Тристан, беря с ящика кусок сельдерея. — Засуньте его себе в ухо, Помпиду!

Мальчик громко расхохотался, а Тристан вставил палку сельдерея себе в ухо.

— Засунь это в другое ухо, Помпиду! — скомандовал мальчик.

Тристан повторил операцию со вторым стеблем.

— Засунь это себе в волосы, Помидори-ду! — завопил мальчик, совершенно захваченный игрой.

Тристан зачерпнул горсть зеленого салата и высыпал себе на голову. К сожалению, он слишком поздно догадался, что зелень была щедро полита салатной заправкой.

Мальчик откинулся назад, давясь от хохота.

— Засунь это себе в нос, Ду-би-ду!

Ладно, почему бы нет? Тристану тоже когда-то было восемь лет, и он помнил, как веселит маленьких мальчиков все, что связано с носом и козявками. Отыскав на ящике два креветочных хвостика, он засунул их себе в ноздри.

Мальчик так смеялся, что в изнеможении свалился со своей коробки.

— Засунь... это... себе в зубы, Бу-ди-ду!

На этот раз в дело пошли две маслинки, и вскоре Тристан обзавелся двумя черными клыками.

— Засунь это...

Все внимание Тристана было сосредоточено на том, чтобы удержать на месте стебли сельдерея и креветочные хвостики. Неудивительно, что он не заметил, как полоска света между дверью и косяком стала шире. Он не заметил и того, как изменилось лицо мальчика.

— Куда это засунуть, Биббиди, боббиди, ду?

Тристан поднял глаза.

Айви остолбенела. Она просто дара речи лишилась, увидев Тристана с торчащими из ушей стеблями сельдерея, салатными листьями на голове, чем-то черным в зубах и — ну разве можно поверить, что человек, старше восьми лет способен на такое? — розовыми креветочными хвостиками, выглядывавшими из ноздрей.

Тристан, казалось, был ошеломлен ничуть не меньше, чем она.

— У меня неприятности? — деловито спросил Филипп.

— Кажется, неприятности у меня, — негромко поправил его Тристан.

— Ты должен быть в столовой, за столом вместе со всеми нами, — напомнила Филиппу

Айви.

Она взглянула на груды еды, лежавшей на тарелках между едоками, и улыбнулась краешком рта.

— Не злись, Айви! Мама сказала, что мы можем пригласить на свадьбу любых друзей, каких захотим.

— А ты ей ответил, что тебе некого приглашать, помнишь? Ты сказал, что в Стоунхилле у тебя нет ни одного друга.

— А теперь есть.

Айви посмотрела на Тристана. Но тот старательно прятал глаза. Казалось, его интересовали только сельдереи, креветки и раздавленные маслины, которые он аккуратно раскладывал перед собой на ящичке. Фу какая гадость!

— Мадемуазель!

— Это Ду-би-ду! — вскрикнул Филипп. — Закрой дверь, Айви! Пожалуйста!

Вопреки благоразумию, она послушалась. А что еще ей оставалось делать, если братишка впервые за последние недели выглядел таким довольным? Прислонившись спиной к двери кладовки, Айви посмотрела на приближающегося метрдотеля.

— Какие-то проблемы, мадмуазель?

— Нет.

— Вы *tres certaine*

— *Tres*, — ответила Айви и, опершись на предложенную руку мсье Помпиду, отвела его подальше от двери.

— Вас ожидают в зале, — холодно сообщил метрдотель. — Наступает время тостов за новобрачных. Все ждут.

Айви поспешно бросилась в зал. Разумеется, все ее ждали, и она не могла избежать церемонии. Раскрасневшись от спешки, она прошла на свое место.

Грегори со смехом обнял ее и отсалютовал бокалом шампанского.

Один из друзей Эндрю начал произносить тост. Он говорил и говорил, и Айви казалось, что этому не будет конца.

— Ура! Ура! — наконец, хором прокричали гости.

— Ура, сестренка, — воскликнул Грегори, опрокидывая содержимое своего бокала. Допив, он протянул его за добавкой.

Айви пригубила свое шампанское.

— Ура, сестренка, — повторил Грегори, только на этот раз тихо и вкрадчиво, при этом глаза его сверкнули каким-то странным блеском. Он звонко чокнулся с Айви и осушил

второй бокал.

А потом он прижал девушку к себе так крепко, что она чуть не задохнулась, и впился поцелуем в ее губы.

Айви сидела за фортепиано, рассеянно глядя на ноты, открытые пять минут назад. Она на мгновение прижала пальцы к губам, потом уронила руку на пожелтевшие клавиши и пробежалась по ним, извлекая волны нестройной мелодии. Потом провела по губам языком. Разумеется, они вовсе не распухли и не посинели, это ей только казалось.

И все-таки Айви была очень рада, что уговорила маму позволить им с Филиппом остаться в старой квартире до окончания медового месяца. Целых шесть дней в огромном доме на горе наедине с Грегори — нет, этого бы она точно не выдержала. Особенно, когда Филипп ведет себя, как несносный поросенок.

Филипп, который в их тесной Норуолкской квартирке занавешивал свою кровать старыми портьерами, чтобы отгородиться от «девчонок», последние две недели требовал, чтобы Айви разрешала ему спать у себя в комнате. В ночь перед свадьбой Айви позволила ему принести спальный мешок в ее спальню. Проснувшись среди ночи, она обнаружила, что Филипп и кошка Элла спят на ней сверху. Наверное, после утомительного сегодняшнего дня ей придется разрешить братишке снова спать в ее комнате.

Сейчас Филипп сидел на полу у нее за спиной и сосредоточенно возился со своими бейсбольными карточками, составляя на потертом ковре команду мечты. Элла, как всегда, изъявила желание валяться посреди импровизированной бейсбольной площадки. В результате подающий гарцевал на ее черном пузе, вверх и вниз, вверх и вниз.

Время от времени Филипп что-то тихо приговаривал себе под нос.

— Высоко отбитый мяч на центральном поле, — пробормотал он, — это когда Дон Мэттингли делал пробежку по всем базам поля.

Айви понимала, что нельзя позволять ему засиживаться так долго. Но она сама не могла уснуть, поэтому была рада обществу братишки. Кроме того, Филипп съел такую кучу самой разной еды и столько сладкого — благодаря все тому же Тристану — что его запросто могло стошнить прямо на спальный мешок. А чистое постельное белье, как и большая часть других вещей из квартиры, были уже упакованы для переезда.

— Айви, я все решил, — неожиданно объявил Филипп. — Я не буду переезжать.

— Что? — она сняла ноги с педалей и повернулась к нему на крутящемся табурете.

— Я останусь здесь. Вы с Эллой согласитесь жить со мной?

— А как же мама?

— Она может стать мамой Грегори, — великодушно разрешил Филипп.

Айви болезненно сморщилась, как делала каждый раз, когда ее мама начинала изливаться на Грегори свою заботу. Мэгги по природе была доброй и любящей, кроме того, она очень старалась — пожалуй, даже чересчур. Ей даже в голову не могло прийти, что Грегори находит ее нелепой и смешной.

— Мама всегда будет *нашей* мамой, и сейчас мы с тобой очень нужны ей.

— Ладно, — легко согласился Филипп. — Вы с Эллой можете переезжать. А я попрошу Тристана пожить со мной.

— Тристана?

Филипп кивнул и тихо пробормотал себе под нос:

— Выходит бэттер. Разыгрывается ничейное очко...

Было очевидно, что с высоты своего восьмилетнего опыта жизни он уже принял решение и не считал нужным дальнейшее обсуждение. Филипп постоянно играл. Просто поразительно, что, придя домой после буйного веселья с Тристаном, он тут же снова включился в игру.

Интересно, какие волшебные слова сказал Тристан маленькому восьмилетнему мальчику, чтобы ему вдруг сразу стало лучше? Скорее всего, никакого чуда не было. Возможно, вместо того, чтобы целых три недели снова и снова объяснять Филиппу причины маминого замужества, Айви нужно было просто засунуть себе в нос пару креветок?

— Филипп, — резко окликнула она брата.

Но ей пришлось подождать, пока ничейное очко не будет разыграно.

— Чего?

— Тристан что-нибудь спрашивал у тебя обо мне?

— О тебе? — он ненадолго задумался. — Нет.

— Ну да...

«Впрочем, мне совершенно все равно!» — подумала она.

— А ты его знаешь? — спросил Филипп.

— Нет. Просто подумала, что после того, как я тебя нашла в кладовой, он мог что-то сказать обо мне.

Филипп наморщил брови.

— Ага, сказал. Он спросил, нравится ли тебе твое розовое платье и правда ли, что ты веришь в ангелов. Я ему рассказал о твоей коллекции статуэток.

— А что ты ему сказал о моем платье?

— Да.

— Что да? — вскрикнула она.

— Что тебе очень нравится. Ты же сама сказала маме, что оно просто прелесть.

И мама ей поверила. Так почему же Филипп должен был не поверить?

— Тристан сказал тебе, почему он работал у нас сегодня вечером?

— Угу.

Иннинг завершился. Филипп готовил новую игру в защите.

— И почему? — теряя терпение, спросила Айви.

— Ему нужны деньги на соревнования по плаванию. Он пловец, поняла? Он ездит по разным штатам и плавает. И скоро ему опять нужно куда-то лететь, только я забыл, куда.

Айви кивнула. Ну конечно. Тристану просто нужны деньги, он должен зарабатывать. Зачем только она слушала болтовню Сюзанны?

Филипп вдруг вскочил с пола и бросился к ней.

— Айви, не заставляй меня переезжать в тот огромный дом! Не заставляй, слышишь? Я не хочу ужинать с ним!

Айви обняла брата и прижала к себе.

— Все новое поначалу кажется страшным, — сказала она. — Но Эндрю всегда хорошо к тебе относился, с самого начала. Разве ты забыл, как он купил тебе первую карточку Дона Мэттингли, выпущенную, когда тот только начал играть?

— Я не хочу ужинать с Грегори!

Айви не знала, что ответить брату на это.

Тогда Филипп встал рядом с ней и тихонько провел пальцами по клавишам старого фортепиано. Когда он был помладше, то часто делал так, распевая разные мелодии, которые

как будто играл.

— Меня нужно срочно обнять, — сказала Айви. — Ты не против?

Филипп вяло обнял сестру.

— Давай сыграем наш новый дуэт, хочешь? Филипп пожал плечами. Они начали играть, но Айви видела, что радость, еще совсем недавно переполнявшая Филиппа, бесследно исчезла.

Они сыграли пять тактов, когда Филипп вдруг резко ударил руками по клавишам. Потом еще раз, еще и еще.

— Не поеду! Не поеду! Нет, нет, нет!

Он разрыдался, и Айви прижала его к себе, давая выплакаться. Когда рыдания Филиппа иссякли, превратившись в судорожную икоту, она спокойно сказала:

— Ты устал, Филипп. Ты просто устал.

Но Айви знала, что это не совсем правда.

Выплакавшись, Филипп обессиленно привалился к ней, а она стала играть подряд все его любимые песни, незаметно перейдя к колыбельным. Вскоре Филипп стал клевать носом, но он был уже слишком большой, чтобы Айви могла отнести его в постель.

— Идем, — сказала она, помогая брату встать с табуретки. Элла побежала в комнату следом за ними.

— Айви.

— А?

— Можно я сегодня возьму в постель одного твоего ангела?

— Конечно. Какого?

— Тони.

Тони был темно-коричневым, вырезанным из дерева. Это был ангел отца Айви. Она поставила Тони рядом со спальным мешком, где уже лежала карточка Дона Мэттингли. Филипп забрался в мешок, и Айви застегнула молнию.

— Помолимся ангелу? — предложила она, и они вместе произнесли:

«Ангел света, ангел небесный, храни нас этой ночью. Храни всех, кого я люблю».

— Тебя, Айви, — пробормотал Филипп, закрывая глаза.

Всю неделю после свадьбы Айви казалось, будто она плывет из одного дня в другой, и эти дни запомнились ей только мучительными разговорами с Филиппом. Сюзанна и Бет шутили над ее рассеянностью, но делали это гораздо мягче, чем обычно. Грегори пару раз останавливал ее в школьном коридоре, отпуская шуточки по поводу того, что ему непременно нужно привести свою комнату в человеческий вид до пятницы. Тристан за всю неделю ни разу не попался ей на глаза — по крайней мере, она его не видела.

Теперь вся школа уже знала о свадьбе Эндрю и ее матери. Про нее написали не только в местных газетах, но и в «Нью-Йорк Тайме». В этом не было ничего удивительного: об Эндрю часто писали в прессе, но странно было увидеть в газете фотографии мамы.

Как бы то ни было, утро пятницы все-таки наступило, и когда Айви вывела свой маленький ржавый «додж» с подъездной дорожки, ее вдруг охватила острая тоска по всем тесным, шумным, ветхим съемным квартирам, в которых когда-либо жила ее семья. После школы она должна направиться уже по совсем другой дороге — той, что взбегала на гору, возвышавшуюся над рекой и вокзалом, и вела к горделивому дому, обнесенному низкой каменной стеной. Эта дорога серпантинном обвивала гору, петляя среди роц, нарциссов и лавровых кустов. Роц Эндрю, нарциссов Эндрю и лавра, принадлежавшего Эндрю.

Днем Айви забрала Филиппа из школы. Он больше не спорил и не хныкал, он просто молча ехал рядом. Они были уже на полпути к вершине горы, когда Айви услышала сверху приближающийся рокот мотоцикла. Айви даже опомниться не успела, как мотоциклист вдруг выскочил из-за поворота прямо на них. Она, как могла, прижалась вправо, но мотоцикл несся ей в лоб. Айви нажала на тормоз. Мотоцикл пронесся в опасной близости к ним, а затем умчался прочь.

Филипп повернул голову ему вслед, но не сказал ни слова. Айви посмотрела в зеркало заднего вида. Кажется, это был Эрик Гент. Хорошо бы Грегори тоже был с ним.

Но Грегори ждал их в доме, вместе с Эндрю и мамой, которые только что вернулись из свадебного путешествия.

Мама приветствовала их с Филиппом крепкими объятиями, напомаженными поцелуями и облаком каких-то новых духов. Эндрю взял обе руки Айви в свои руки. Он был достаточно умен, чтобы ласково улыбнуться Филиппу, не прикасаясь к нему. Затем Айви и Филипп были переданы Грегори.

— Я буду вашим гидом, — объявил он и прибавил, нагнувшись к Филиппу: — Никуда не убегай, понял? В некоторых комнатах этого дома живут привидения.

Филипп быстро огляделся по сторонам и посмотрел на Айви.

— Он шутит.

— Я серьезен, как никогда, — отрезал Грегори. — Здесь жили очень несчастные люди, только и всего.

Филипп снова посмотрел на Айви, а она отрицательно покачала головой.

Снаружи дом представлял собой просторный дощатый особняк, выкрашенный в белый цвет, с тяжелыми черными ставнями. По обеим сторонам от главного здания располагались флигели. Говоря по секрету, Айви с удовольствием поселилась бы в одной из этих пристроек с высокими косыми крышами и мансардными окошками наверху.

Некоторые комнаты в главной части дома по площади превосходили квартиры, в

которых в разное время жила семья Айви. Просторный центральный холл с широкой лестницей отделял гостиную, библиотеку и солярий от столовой, кухни и малой гостиной. За малой гостиной начиналась галерея, ведущая в западное крыло, где находился кабинет Эндрю.

Поскольку мама и Эндрю о чем-то беседовали в кабинете, осмотр нижнего этажа пришлось прервать в галерее перед тремя портретами. На первом был изображен Адам Бэйнс, некогда очень выгодно вложивший свой капитал в рудники и прииски. Художник изобразил его в военной форме времен Первой мировой войны, с мужественным лицом и суровым взглядом. Далее следовали Энди Бэйнс в судейском облачении и сам Эндрю, одетый в цветную мантию академика. Рядом на стене зияло пустое пространство.

— Попробуйте угадать, чей портрет должен висеть здесь, — сухо заметил Грегори, кивая на стену. При этом он улыбнулся, но улыбка у него получилась мрачной, а в глазах под полуприкрытыми веками мелькнул какой-то затравленный взгляд. Айви вдруг стало его жалко. Грегори был единственным сыном Эндрю и, должно быть, находился под постоянным грузом ответственности.

— Твой, — мягко ответила она.

Грегори посмотрел ей в глаза и расхохотался, но в его смехе Айви послышалась горечь.

— Идем наверх, — скомандовал он, подавая ей руку, чтобы проводить по задней лестнице в свою комнату. Филипп молча плелся за ними следом.

Комната Грегори оказалась размером с футбольное поле, и с комнатами других мальчиков его возраста ее роднили только разбросанные по полу археологические слои одежды, белья и носок. Все остальное говорило о больших деньгах и хорошем вкусе — темные кожаные кресла, стеклянные столики, рабочий стол, компьютер и огромный домашний кинотеатр. На стенах висели музейные эстампы с изображением ярких геометрических фигур. В центре комнаты возвышалась огромная кровать с водяным матрасом.

— Попробуй, какая классная, — предложил Грегори.

Айви наклонилась и осторожно покачала матрас ладонью.

— Чего ты боишься? — со смехом спросил Грегори. — Давай, Фил, покажи своей сестре, как надо! Забирайся на нее и как следует попрыгай!

Филиппа никто и никогда не называл Филом, но откуда Грегори мог об этом знать?

— Не хочу, — буркнул Филипп.

— Нет, хочешь! — Грегори улыбался, но в голосе его слышалась угроза.

— Нет, — ответил Филипп.

— Это же так весело! — Грегори схватил Филиппа за плечи и силой потащил к кровати.

Мальчик сначала упирался, а потом запнулся и упал на кровать, но тут же быстро соскочил на пол.

— Мне ни капельки не нравится! — завопил он.

Грегори сжал губы. Увидев это, Айви присела на краешек постели.

— Это, правда, весело, — сказала она, осторожно попрыгав на матрасе. — Попробуй со мной вместе, Филипп. — Но ее брат поспешно попятился в коридор.

— Приляг, Айви, — предложил Грегори, ласково понизив голос.

Когда Айви легла, он растянулся на постели рядом с ней.

— Нам нужно распаковывать вещи, — воскликнула Айви, поспешно садясь.

Пройдя низким коридором над галереей, они попали в ту часть дома, где находились

спальни Айви и Филиппа.

Как только Айви открыла дверь в свою комнату, Филипп тут же бросился к Элле, вальяжно развалившейся на кровати.

«О, нет!» — молча простонала Айви, обводя глазами чудовищно обставленную и декорированную спальню. С тех пор, как мама с улыбкой сказала, что ее ожидает огромный сюрприз, она ожидала самого худшего. К сожалению, ее надежды полностью оправдались. Здесь были сплошные кружева и белое дерево с золотом, а венчала ансамбль огромная кровать под пышным балдахинном.

— Комната принцессы, — пробормотала Айви.

Грегори усмехнулся.

— Ну что ж, по крайней мере, Элла чувствует здесь себя, как дома. Она всегда считала себя настоящей королевой. Ты любишь кошек, Грегори?

— Конечно, — ответил он, присаживаясь на кровать возле Эллы. Кошка решительно встала и перешла на другой конец постели.

Грегори раздраженно закусил губу.

— Настоящая королева, — поспешила разрядить обстановку Айви. — Спасибо за экскурсию, Грегори. А теперь мне нужно заняться вещами.

Но Грегори только поудобнее растянулся на ее кровати.

— Когда я был маленьким, это была моя комната.

— Вот как?

Вытащив из мешка первую охапку одежды, Айви распахнула дверь, которую приняла за дверь гардеробной. К своему изумлению, она увидела еще один ряд ступеней.

— Это была моя потайная лестница, — сообщил Грегори.

Айви с любопытством заглянула в темноту.

— Когда мои родители ссорились, я обычно прятался на чердаке. А ссорились они каждый день, — прибавил Грегори. — Ты когда-нибудь видела мою мать? Ты должна была ее видеть, она же постоянно перекрашивала волосы!

— В нашем салоне красоты? Да, конечно, — ответила Айви, открывая дверь в гардеробную.

— Потрясающая женщина, ты не находишь? — с откровенной насмешкой спросил Грегори. — Любит всех кругом. Никогда не думает о себе.

— Я была маленькой, когда познакомилась с ней, — тактично заметила Айви.

— Я тоже.

— Грегори... Я давно хотела сказать тебе это. Я понимаю, тебе, наверное, очень тяжело смириться с тем, что моя мама не только поселилась в комнате твоей мамы, но еще привезла сюда нас с Филиппом, и мы теперь займем место, которое когда-то принадлежало тебе одному. Честное слово, я не осуждаю тебя за...

— За то, что я рад вашему приезду? — перебил он. — Но я рад! Я рассчитываю на то, что вы с Филиппом заставите моего старика быть паинькой. Он знает, что сейчас все вокруг с интересом наблюдают за ним и его новой семьей. Так что теперь ему волей-неволей придется быть хорошим и любящим папочкой. Давай помогу!

Айви как раз подняла с пола свою коробку с ангелами.

— Нет, Грегори, не нужно. Я сама, правда. Грегори достал из кармана перочинный нож и разрезал скотч, которым была заклеена коробка.

— Что там?

— Ангелы Айви, — ответил Филипп.

— Гляди-ка, этот мальчик, оказывается, умеет говорить!

Филипп крепко сжал губы.

— Очень скоро тебе будет трудно заставить его замолчать, — улыбнулась Айви. Она открыла коробку и начала осторожно доставать завернутые в бумагу статуэтки.

Первым она вынула Тони. Следом за ним ангела, вырезанного из мягкого серого камня. Потом своего любимого ангела воды — хрупкую фарфоровую фигурку, расписанную синезелеными завитками.

Грегори внимательно смотрел, как Айви разворачивает все пятнадцать статуэток и расставляет их на полке. Глаза его насмешливо сверкали.

— Только не говори, что ты всерьез в это веришь!

— Верю, — ответила Айви.

Грегори схватил Ангела воды и принялся с жужжанием крутить его по комнате.

— Поставь! — завопил Филипп. — Это любимая статуэтка Айви!

Закончив вираж, Грегори совершил мягкую посадку, ткнув ангела лицом в подушку.

— Ты гадкий!

— Грегори просто играл, Филипп, — сказала Айви, спокойно забирая ангела с кровати.

Грегори снова растянулся на покрывале.

— Ты им молишься? — спросил он.

— Да. Ангелам, а не статуэткам, — кивнула Айви.

— И какие же чудеса они для тебя сотворили? Помогли покорить сердце Тристана?

Айви удивленно посмотрела на Грегори.

— Нет. Впрочем, я их об этом и не просила.

Грегори негромко рассмеялся.

— Ты знаешь Тристана? — спросил Филипп.

— С первого класса, — ответил Грегори, лениво протягивая руку к кошке. Элла перекатилась подальше от него.

— Он был хорошим участником команды моей Малой лиги, — ответил Грегори, приподнимаясь, чтобы добраться до Эллы. Кошка вскочила и перешла на другой конец кровати. — Впрочем, он был хорошим участником любой команды, — продолжал Грегори, не прекращая преследование Эллы.

Кошка зашипела. Айви увидела, как скулы Грегори слегка порозовели.

— Не обижайся на нее, Грегори, — попросила она. — Дай ей время привыкнуть. Кошки часто строят из себя недотрог.

— Как и некоторые девчонки, — заметил Грегори. — Иди сюда, девочка, — позвал он, протягивая руку. Элла оборонительно подняла черную лапу с выпущенными когтями.

— Не хватай ее! — предупредила Айви. — Подожди, пока она сама подойдет!

Но Грегори сграбастал Эллу за шкурку и приподнял над кроватью.

— Не надо! — вскрикнула Айви.

Грегори запустил вторую руку под мягкий живот Эллы, но та изо всех сил цапнула его зубами за запястье.

— Черт! — вскрикнул Грегори, швырнув кошку через всю комнату.

Филипп бросился к Элле. Та помчалась к Айви и вскарабкалась ей на руки. Судя по тому, как бешено раскачивался черный кошачий хвост, Элла была больше разгневана, чем напугана.

Грегори молча смотрел на нее, и на скулах его отчетливо проступили красные пятна.

— Наша Элла — бывшая уличная кошка, — объяснила Айви, изо всех сил стараясь сдерживаться. — Когда я нашла ее, она была крошечным черным комочком. Какой-то здоровенный драный кот загнал ее к кирпичной стене, но она все равно шипела и не сдавалась! Это я и пыталась тебе сказать. С ней нужно обращаться осторожно. Она не привыкла доверять людям.

— Тебе следует научить ее этому полезному качеству, — заметил Грегори. — Ты ведь доверяешь мне, правда? — И он улыбнулся ей своей особенной, вопрошающей улыбкой.

Айви опустила кошку на пол. Та мгновенно шмыгнула под кресло и из своего укрытия злобно уставилась на Грегори. Заслышав громкие шаги в коридоре, Элла перебежала под кровать.

В дверях появился Эндрю.

— Ну, как тут у вас дела? — спросил он.

— Отлично, — солгала Айви.

— Погано, — ответил Филипп.

Эндрю растерянно поморгал, потом понимающе кивнул и сказал:

— Ну что ж, тогда попробуем немного улучшить ситуацию. Как ты думаешь, получится у нас или нет?

Филипп молча смотрел на него. Эндрю повернулся к Айви.

— Ты уже открывала эту дверь? — Проследив за его взглядом, Айви поняла, что Эндрю говорит о потайной лестнице Грегори. — Свет наверху зажигается слева, — подсказал Эндрю.

Очевидно, он хотел, чтобы она отправилась на разведку.

Что ж, Айви послушно открыла дверь и зажгла свет. Сгоравший от любопытства Филипп проскользнул у нее под рукой и помчался по ступенькам.

— Ух ты! — донесся сверху его восторженный вопль. — Ух ты!

Покосившись на Эндрю, Айви увидела, что он весь просиял от удовольствия, услышав радостный голос Филиппа. Грегори с деланным интересом смотрел в окно.

— Айви, иди сюда! Ты только посмотри!

Она бросилась вверх по лестнице. Честно говоря, она ожидала увидеть приставку «Нинтендо», или «Могучих рейнджеров», или, на худой конец, фигуру Дона Мэттингли в натуральную величину. Вместо этого она увидела кабинетный рояль, огромный CD-плеер, магнитофон и целых два шкафа с ее нотами. Стену украшала обложка альбома с портретом Эллы Фитцджеральд. Здесь же, рядом с большим проигрывателем вишневого дерева были расставлены джазовые пластинки ее отца.

— Если чего-то не хватает... — начал Эндрю. Он стоял рядом с ней, слегка отдуваясь после подъема по крутым ступенькам, и с надеждой смотрел на Айви. Грегори поднялся только на середину лестницы, так что Айви видела лишь его голову.

— Спасибо! — только и смогла проговорить она. — Спасибо!

— Это просто круто, Айви! — оценил Филипп.

— И это все для нас троих, — сказала она брату, радуясь тому, что он перестал дуться.

Но когда Айви повернулась к Грегори, то увидела, что он уже исчез.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Айви казалось, что ужин в этот вечер будет тянуться вечно. Роскошные подарки Эндрю, музыкальная комната для Айви и совершенно фантастическая игровая комната для

Филиппа, оснащенная по самому последнему слову техники, одновременно подавляли и смущали обоих.

Филипп снова надулся и решил, что не будет ни с кем разговаривать за ужином.

«А может быть, и вообще не буду», — мрачно сообщил он Айви, которой пришлось благодарить Эндрю за них обоих. Однако и здесь были свои подводные камни: когда Эндрю во второй раз спросил Айви, не нужно ли им с Филиппом чего-нибудь еще, она заметила, как Грегори судорожно стиснул кулаки.

За десертом позвонила Сюзанна. И тут Айви совершила большую ошибку, взяв трубку в холле позади столовой. Сюзанна, разумеется, рассчитывала напроситься в гости этим же вечером. Айви сказала, что лучше перенести визит на следующий день.

— Но я же полностью одета! — жалобно проскулила Сюзанна.

— Ну конечно, — рассеянно ответила Айви. — Ведь сейчас только половина восьмого вечера.

— Я имела в виду, что я одета к выходу.

— Ну что ты, Сюзанна, — проговорила Айви, пытаясь прикинуться дурочкой, — не стоит специально одеваться для того, чтобы навестить меня.

— Что Грегори делает сегодня вечером?

— Не знаю. Я его не спрашивала.

— Так разузнай! Выясни, как ее зовут и где она живет, — приказала Сюзанна. — И еще, во что она одета и куда они пошли. Если мы ее не знаем, выясни, как она выглядит, поняла? Я сердцем чую, что у него свидание! — простонала она. — Наверняка, вот увидишь!

Айви была к этому готова. Но так устала от идиотского поведения Филиппа и Грегори, что не могла больше слышать причитания Сюзанны.

— Извини, мне нужно идти.

— Я умру, если это Твинки Хаммонде, слышишь? Как ты думаешь, это Твинки Хаммонде или нет?

— Я не знаю, Сюзанна. Грегори мне ничего об этом не говорил. Слушай, я должна идти.

— Подожди, Айви! Ты ведь еще ничего мне не рассказала.

Айви тяжело вздохнула.

— Слушай, завтра на работе у меня будет перерыв на обед. Позвони Бет и давай встретимся в молле, договорились?

— Ладно, но послушай...

— А сейчас я должна идти, — перебила ее Айви, — иначе я не успею тайком спрятаться в багажнике у Грегори. Ты же этого хочешь, правда? — с этими словами она повесила трубку.

— Как дела у Сюзанны? — спросил Грегори. Он стоял, привалившись к косяку двери, ведущей в столовую, и насмешливо улыбался.

— Прекрасно.

— И чем она занимается сегодня вечером?

Откровенная насмешка в его глазах подсказала Айви, что Грегори подслушал ее разговор и спрашивает только для того, чтобы поддразнить ее.

— Я ее не спрашивала, а она мне ничего не говорила. Но если вы с Сюзанной хотите обсудить этот вопрос, то...

Грегори расхохотался и дотронулся пальцем до кончика носа Айви.

— Ты забавная, — сказал он. — Надеюсь, ты такой и останешься.

Какое же счастье было пойти на работу в субботу утром, и вновь очутиться на знакомой территории! Молл «Гринтри» находился в соседнем городке, однако притягивал к себе школьников со всей округи. Большая часть молодежи шлялась по магазинчикам или болталась в огромной закускойной. Бутик «У вас праздник», в котором уже полтора года работала Айви, находился как раз напротив ресторанного дворика в центре молла.

Магазинчик держали две пожилые сестры, и представленная на полках пестрая коллекция костюмов, украшений, бумажной посуды для пикников и прочих безделушек в полной мере отражала их эксцентричный стиль ведения бизнеса. Лиллиан и Бетти редко возвращали поставщикам нераспроданный товар, поэтому у покупателя создавалось впечатление, будто в этом крошечном уголке мироздания все праздники и времена года существуют одновременно. Костюмы вампиров соседствовали со звездно-полосатыми флагами, пасхальные курочки сидели на гнездах рядом с пластиковыми менорами, индейками из сосновых шишек и остроконечными ушами вулканцев, оставшимися от последнего слета фанатов «Звездного пути».

Было около часа дня, когда Айви, чтобы чем-то занять себя до прихода подруг, решила просмотреть список особых заказов на этот день. В лавке «У вас праздник» заказы писались на разноцветных стикерах и клеились прямо на стену магазина.

Айви дважды перечитала одну из бумажек и наконец оторвала ее. Этого не может быть. Нет, этого просто не могло быть! Возможно, у него есть полный тезка? Тоже Тристан и тоже Каррутерс?

— Лиллиан, что это значит: «Собрать: Син. над. кит и 25 тсч»?

Лиллиан краем глаза заглянула в бумажку. Она носила бифокальные очки, но обычно они просто болтались на шнурке у нее на груди.

— Ну что тут непонятного? Двадцать пять тарелок, салфеток и чашек, что же еще! Да, это для Тристана Каррутерса, он сделал заказ для вечеринки команды по плаванию. И еще синий надувной кит.

Я уже все приготовила. Сегодня утром он звонил, чтобы справиться о своем заказе.

— Трист... Мистер Каррутерс звонил?

На этот раз Лиллиан нацепила на нос очки и внимательно посмотрела на Айви.

— Мистер Каррутерс? Хм-хм... Между прочим, он не называл тебя мисс Лайонс, — сказала она.

— А почему он должен был меня как-то называть? — вслух изумилась Айви. — То есть при чем тут вообще я?

— А при том, что он спросил, когда ты работаешь. Я сказала ему, что у тебя обед с часу до часа сорока пяти, а так ты остаешься в магазине до шести. — Лиллиан лукаво улыбнулась и подмигнула Айви. — Не волнуйся, разумеется, я этим не ограничилась! Я сказала ему несколько добрых слов о тебе.

— Несколько добрых слов?

— Я ему сказала, что ты просто прелесть, и мне стыдно за наш мир, в котором такая славная девушка никак не может найти себе достойного, благородного юношу.

Айви сморщилась от стыда, но Лиллиан уже снова сняла свои очки, поэтому ничего не заметила.

— Он приходила к нам на прошлой неделе, чтобы сделать заказ, — продолжала старушка. — Он просто молодец, вот что я тебе скажу.

— Жеребец!

— Прости?

— Этот Тристан просто жеребец!

— Наконец-то она это признала! — со смехом воскликнула Сюзанна, вбегая в магазинчик. Бет семенила за ней следом. — Отличная работа, Лиллиан!

Старушка озорно подмигнула, а Айви поспешно приклеила стикер обратно на стену. Потом сунула руки в карманы в поисках денег.

— На еду можешь не рассчитывать, — предупредила ее Сюзанна. — Тебя ждет допрос с пристрастием.

Через двадцать минут Бет уже закончила свой бурито, Сюзанна истребила цыпленка под соусом терияки, а пицца на тарелке Айви так и осталась нетронутой.

— Откуда я знаю? — повторяла она, сокрушенно всплескивая руками. — Я же не заглядываю в его аптечку! — Все это время подруги обсуждали, перебирали, толковали и перетолковывали каждую деталь, которую Айви успела запомнить в комнате Грегори.

— Я понимаю, что ты провела там всего одну ночь, — нехотя согласилась, наконец, Сюзанна. — Но сегодня-то ты не должна оплошать! Разузнай, куда он идет сегодня вечером. У него в доме есть комендантский час или отец разрешает Грегу возвращаться, когда вздумается? Он...

Айви схватила со стола блинчик с овощами и сунула его Сюзанне в рот.

— Теперь очередь Бет сказать свое слово, — заявила она.

— Да ничего, не беспокойся, — рассеянно ответила Бет. — Мне было очень интересно.

Айви открыла папку, которую всегда носила с собой Бет.

— Может быть, ты прочтешь нам свои новые рассказы? — с надеждой спросила она. —

А то Сюзанна скоро совсем сведет меня с ума.

Покосившись на Сюзанну, Бет с радостью вытащила кипу листов.

— Вот эту новую вещицу я хочу опробовать в нашем театральном клубе в понедельник. Сейчас я экспериментирую с художественным приемом *in medias res*. Суть в том, что начинать нужно не с начала, а прямо с середины интриги.

Айви одобритительно кивнула и откусила первый кусочек своей пиццы.

— «Она прижала пистолет к своей груди, — начала Бет. — Черный и твердый, холодный и непреклонный. Его фотографии. Хрупкие выцветшие фотографии, на которых запечатлен он — он и она! — порванные, залитые слезами, просоленные отчаянием, небрежной россыпью валялись на кресле. Очень скоро она зальет их своей собственной кровью...»

— Бет! Бееееет, — перебила ее Сюзанна. — Между прочим, мы обедаем. Нельзя выбрать что-нибудь поаппетитнее?

Бет покладисто пролистнула страницы и снова начала:

— «Она прижала его руку к своей груди. Теплая и влажная, мягкая и податливая...»

— Это рука или ее грудь? — с интересом переспросила Сюзанна.

— Хватит, — нахмурилась Айви.

— «...рука, которая могла удержать ее душу, рука, которая могла поднять...»

— ...Кит, голубой надувной кит. Что же это еще может быть?

Стремительно обернувшись, Айви посмотрела в сторону магазина. Бетти, держа в руках

кусок голубого пластика, болтала с Тристаном. Лиллиан стояла в дверях рядом с ним и яростно махала рукой Айви.

Айви посмотрела на часы. Двадцать пять минут второго, у нее еще ровно двадцать минут.

— Она тебя зовет, — сказала Бет.

Айви отрицательно покачала головой, но Лиллиан продолжала махать.

— Иди к нему, детка, — пропела Сюзанна.

— Не пойду.

— Айви, кончай глупить!

— Ты ничего не понимаешь! Он знает, что у меня обед, и нарочно пришел в это время.

Он не хочет меня видеть.

— А если бы даже и так? — беспечно отмахнулась Сюзанна. — Лично меня такие пустяки никогда не останавливали.

Теперь Тристан тоже обернулся. Заметив жесты Лиллиан, размахивавшей руками, как регулировщик, он обвел глазами толпу, пока не остановился на Айви. Тем временем Бетти уже удалось подсоединить надувного кита к баллону с гелием.

— Есть! — завопила Бет, когда кит вдруг ожил и начал раздуваться, как синяя туча, за спиной у Тристана и Лиллиан. Вскоре Бетти полностью скрылась за его упругим боком. Должно быть, она неожиданно выпустила игрушку, потому что кит радостно взлетел к потолку. Тристан подпрыгнул, чтобы схватить его. Бет и Сюзанна весело захихикали. Лиллиан укоризненно погрозила Айви пальцем и принялась что-то оживленно втолковывать Тристану.

— Интересно, что она ему говорит? — спросила Бет.

— Несколько добрых слов, — еле слышно пробормотала Айви.

Через несколько минут Тристан вышел из магазинчика, держа в руках огромный пакет с праздничными причиндалами, который сестры специально для него перевязали роскошной голубой ленточкой. Кит гордо реял у него за спиной. Глядя прямо перед собой, Тристан направился к выходу из молла. Но Сюзанна не могла позволить ему так просто уйти.

Она его окликнула. Точнее сказать, заорала во всю глотку, так что Тристан никак не мог притвориться, будто не услышал.

Обернувшись, он с мрачным видом направился к их столику. Несколько ребятишек помладше хвостом бежали за ним, словно дети за Крысоловом.

— Привет, — смущенно поздоровался Тристан. — Привет, Сюзанна. Бет. Айви. Рад вас видеть.

— Мы тоже рады видеть *тебя*, — пропела Сюзанна, переводя взгляд на кита. — Это кто же такой? С виду симпатичный мальчик. Новый член вашей команды?

Айви заметила, что Тристан так крепко вцепился в бечевку своего кита, что у него побелели костяшки пальцев. И еще она обратила внимание на то, какая у него сильная рука с крепкими, выступающими мышцами. Ребятишки весело прыгали за спиной у Тристана, колотя ладошками по киту.

— Вообще-то это новый участник моей программы, — сообщил Тристан, поворачиваясь к Айви: — Ты ведь уже видела часть моего выступления — коронный номер с сельдереем и креветочными хвостиками? Просто не знаю, в чем дело, но восьмилетние граждане находят меня неотразимым, — он обернулся на скачущих детей. — Извините, мне пора.

— Не-е-е-ет! — хором завыли дети. Тристан позволил им ударить кита еще несколько

раз, а потом ушел, быстро прокладывая себе дорогу через субботнюю толпу.

— Ну, знаешь! — взорвалась Сюзанна. — Ну, знаешь! — повторила она, целясь в Айви палочкой для еды. — Между прочим, могла бы и сказать что-нибудь, не развалилась бы! Если честно, то иногда я просто не понимаю, что с тобой творится.

Айви судорожно сглотнула. Она и сама не понимала, почему Тристан так на нее действует. В его присутствии она просто умирала от застенчивости.

— Поначалу все стесняются, — сказала Бет, словно прочитав ее мысли. — Не расстраивайся. Рано или поздно ты поймешь, как вести себя с ним.

— Твоя проблема в том, что ты все воспринимаешь слишком серьезно, — подытожила Сюзанна, наклоняясь к Айви. — Любовь — это игра, просто игра!

Айви со вздохом посмотрела на часы.

— У меня осталось еще десять минут. Бет, ты успеешь дочитать свою любовную историю?

Но Сюзанна с серьезным видом похлопала ее по руке и заявила:

— Ты уже целых два месяца учишься в нашей школе, подруга. Не пора ли замутить собственную?

Айви стояла босиком на холодном влажном полу, поджав пальцы ног. Из бассейна в раздевалку просачивалась влажность и всепроникающий запах хлорки. Хлопки металлических дверок гулким эхом отражались от стен, сложенных из шлакоблоков. Все в этом проклятом бассейне наводило на нее ужас.

Остальные девочки из театральной студии весело хихикали, обсуждали купальники или повторяли свои стихи.

Сюзанна положила руку на плечо Айви.

— Ты в порядке?

— Я справлюсь.

— Уверена? — с сомнением спросила Сюзанна.

— Свои стихи я знаю наизусть, — ответила Айви. — Все, что от нас требуется — это немного попрыгать вверх-вниз на трамплине.

«На самом высоком трамплине, — добавила она про себя. — Над самой глубокой частью бассейна. И еще нужно постараться туда не свалиться».

— Слушай, Айви, — не отставала Сюзанна. — Я, конечно, понимаю, что ты восходящая звездочка нашего Маккарделла, но может быть, тебе стоило хотя бы намекнуть ему о том, что ты не умеешь плавать и боишься воды?

— Я уже сказала тебе, что справлюсь, — отрезала Айви, выходя из раздевалки. Ей казалось, будто пол под ее ногами превратился в мягкую резину.

Вместе с другими одиннадцатью девочками и тремя мальчиками она заняла свое место в шеренге у края бассейна. Бет стояла с одной стороны от нее, Сюзанна — с другой.

Айви, не отрываясь, смотрела на светящуюся лазурно-голубую поверхность. Это же обыкновенная вода, ничего особенного. Жидкость для питья. И совсем не глубокая, по крайней мере, в этом месте.

Бет осторожно тронула ее за руку.

— Мне кажется, Сюзанна сегодня должна быть довольна. Ты все-таки пригласила Грегори!

— Грегори? Никуда я его не приглашала! — изумилась Айви, оборачиваясь к Сюзанне.

Та пожала плечами.

— Я решила устроить мальчику предварительный просмотр будущих представлений, — довольно хмыкнула она, выставляя вперед бедро. — Уверена, что на вашем склоне у меня будет немало возможностей позагорать.

— В этом купальнике ты выглядишь просто сногшибательно, — оценила Бет.

Айви вспыхнула от досады. Сюзанна прекрасно знала, какое это для нее тяжелое испытание, так что могла бы не приплетать сюда еще и Грегори! Неужели нельзя было хотя бы раз обойтись без него?

К сожалению, Грегори был на трибунах не один. Его друзья, Эрик и Уилл, тоже были здесь, вместе с кучей других учеников старших и младших классов, бросивших свои тренировки на время проведения мероприятия. Все парни с неподдельным интересом наблюдали за тем, как девочки из театральной студии выполняют разминку.

Тем временем студийцы засеменяли по периметру бассейна, исполняя на ходу вокальные упражнения.

— Я хочу слышать каждую согласную, особенно звуки «п», «д» и «т», — кричал мистер Маккарделл, и его голос звучал особенно отчетливо в гулком пространстве бассейна. — Маргарет, Кортни, Сюзанна! Это не конкурс красоты, — провозгласил он. — Просто ходите! Это замечание вызвало неодобрительное шиканье на трибунах.

— Сэм, ради всего святого, перестань подпрыгивать!

Зрители заржали.

Описав несколько кругов вокруг бассейна, ученики собрались возле глубокого края, под самой высокой вышкой для прыжков.

— Все глаза на меня, — скомандовал учитель. — Вы не здесь, не со мной. Я не чувствую вашего внимания. — Наклонившись к своим слушателям, он продолжил: — Это урок не только дикции, но и концентрации. Будет непростительно, если вы позволите зрителям отвлечь себя!

При этих словах все ученики, как один, повернулись к трибунам. Дверь снова распахнулась, и в бассейн хлынули новые зрители, сплошь мальчишки.

— Мы готовы? Мы сосредоточились?

К сегодняшнему дню им всем было задано выучить не меньше двадцати пяти строчек стихов или прозы, на тему любви или смерти — «двух величайших сюжетов жизни и драматургии», по словам мистера Маккарделла.

Айви решила объединить вместе два старых английских стихотворения, одно веселое, второе грустное. Сейчас она мысленно повторила их про себя. Айви была уверена, что знает свои стихотворения наизусть, но когда первый ученик начал подниматься по хлипкой металлической лестнице, все слова разом вылетели у нее из головы. Пульс зачастил так, словно она сама карабкалась по ступенькам. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов.

— Ты как? — прошептала Бет.

— Скажи ему, Айви, — настойчиво прошипела Сюзанна. — Объясни Маккарделлу, что с тобой творится.

Но Айви упрямо покачала головой.

— Я в порядке.

Первые трое учеников механически отбарабанили свои строчки, однако все сумели сохранить равновесие, подпрыгивая на помосте. А потом Сэм сорвался вниз. Нелепо размахивая руками, он как огромная птица пролетел по воздуху и с шумом плюхнулся в воду.

Айви судорожно сглотнула.

Мистер Маккарделл выкрикнул ее имя.

Она карабкалась по лестнице медленно и размеренно, перекладина за перекладиной, а сердце ее колотилось так, что ребрам было больно. Странное дело, руки у нее вдруг оказались гораздо сильнее ног. Подтянувшись на последней перекладине, Айви вышла на помост и остановилась. Внизу колыхалась вода — темная рябь, усеянная ослепительными бликами.

Словно в тумане, Айви сделала три шажка вперед, стараясь глядеть на дальний конец помоста, как ее учили на уроках гимнастики во время упражнений на бревне. Помост предательски прогибался под ее тяжестью. При каждом шаге сердце у Айви ухало вниз вместе с ним, но она продолжала идти.

— Можешь начинать, — скомандовал мистер Маккарделл.

Айви сосредоточилась, пытаясь вспомнить заученные строки и вновь увидеть образы, которые вставали перед ее глазами, когда она впервые прочитала эти стихотворения. Она

знала, что у нее ничего не получится, если она будет относиться к поэзии, как к обычному упражнению. Ей нужно было переживать то, о чем она говорит, растворяться в чувствах, заключенных в строки.

Наконец, она вспомнила первые слова веселого стишка, и перед ее мысленным взором послушно замелькали нужные картинки: нарядная новобрачная, ошеломленные гости и лавина падающих овощей. Когда она дочитала стихи о глупости любви, снизу раздался одобрителный смех зрителей. Затем, не переставая прыгать, Айви поймала ритм более медленного и минорного стихотворения:

*О ветер запада, приди,
Чтоб дождик моросил,
А я бы, Боже помоги,
В постели с милой был!*

Подпрыгнув еще два раза, Айви замерла на краю доски, выравнивая дыхание. Внезапно снизу послышались аплодисменты. Она все-таки справилась! Она сделала это.

Дождавшись окончания овации, мистер Маккарделл громко крикнул:

— Совсем неплохо.

Надо сказать, что в его устах это была высшая похвала.

— Спасибо, — ответила Айви, поворачиваясь, чтобы сойти вниз.

И тут она почувствовала, что у нее подгибаются коленки. Айви напряглась.

«Не смотри вниз! — беззвучно приказала она себе. — Только не смотри вниз».

Но ведь она должна была видеть, куда идет. Глубоко вздохнув, она сделала еще одну попытку развернуться.

— Айви, в чем дело? — спросил мистер Маккарделл.

— Она боится воды! — выпалила Сюзанна. — И не умеет плавать.

Лежащий внизу бассейн вдруг закачался перед глазами Айви, его края предательски расплылись. Она пыталась сосредоточиться на помосте, но у нее ничего не получалось. Вот вода стремительно понеслась ей навстречу, готовая проглотить без остатка. Потом бассейн вдруг поехал обратно, дальше, дальше, еще дальше... Айви пошатнулась. Одна коленка у нее подогнулась.

— Ой! — раздался из толпы зрителей усиленный эхом крик.

Вторая коленка, подломившись, соскользнула с помоста. Айви с кошачьим упорством вцепилась в край доски. Половина ее тела оставалась на помосте, половина болталась в воздухе.

— Да помогите же ей, кто-нибудь! — завопила Сюзанна.

«Ангел воды! — молча взмолилась Айви. — Ангел воды, не дай мне упасть. Однажды ты уже помог мне... Пожалуйста, ангел...»

В тот же миг она почувствовала какое-то движение на помосте. Доска под ее руками вдруг зашаталась. Ладони мгновенно стали влажными и скользкими.

«Ничего, просто упали, и все, — беззвучно приказала она себе. — Доверься своему ангелу. Он не даст тебе утонуть. *Ангел воды!*» — в третий раз взмолилась она, но сведенные судорогой пальцы никак не хотели разжиматься. Помост продолжал раскачиваться.

Вот ладони ее заскользили...

— Айви.

Обдирая щеку о доску, она повернула лицо на звук голоса.

Тристан взбежал по лестнице и теперь стоял на другом конце помоста.

— Все будет хорошо, Айви.

Он сделал шаг к ней. Помост из стеклопластика прогнулся под его весом.

— Не надо! — завизжала Айви, отчаянно цепляясь пальцами в опору. — Не наклоняй его! Пожалуйста, прошу тебя. Я боюсь.

— Я помогу тебе. Доверься мне.

У нее страшно болели руки. Голова кружилась, кожа покрылась мурашками. Далеко внизу плескалась и рябила вода, вызывая накатывающие приступы тошноты.

— Слушай меня, Айви. Ты не сможешь продержаться долго, понимаешь? Перевернись на бок, чуть-чуть. Просто перевернись, хорошо? Освободи правую руку. Давай, Айви. Я знаю, что ты сможешь.

Айви медленно перераспределила свой вес. На миг ей показалось, что она сейчас кубарем скатится с помоста, но этого не произошло. Высвободив руку, она судорожно замахала ею.

— Вот видишь, у тебя все получилось. Все получилось, — сказал Тристан.

Он был прав. Теперь Айви могла как следует ухватиться за оба края помоста.

— А теперь медленно ползи. Втягивай себя на доску. Вот так, — голос Тристана звучал спокойно и уверенно. — Какая коленка у тебя любимая?

Айви непонимающе уставилась на него.

— Какая коленка у тебя самая надежная? Правая или левая?

— Ну... Наверное, правая.

— Значит, освободи правую руку. А потом втащи наверх правую коленку и подтяни ее под себя, поняла?

Она молча повиновалась. Вскоре обе ее коленки были уже на помосте.

— А теперь ползи ко мне.

Айви посмотрела вниз на колышущуюся чашу воды. Ее снова замутило.

— Ко мне, Айви.

Расстояние между ними было не больше восьми футов — но Айви оно показалось восемью милями. Она медленно ползла по доске.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем сильные руки схватили ее за локти. Тристан выпрямился, поднял ее и быстро развернул к лестнице. От облегчения у Айви подогнулись колени.

— Ну вот, теперь я буду прямо под тобой. Мы будем спускаться по лестнице вместе. Шаг за шагом. Я все время буду здесь, — и он полез вниз.

«Шаг за шагом, шаг за шагом», — твердила про себя Айви. Все было бы хорошо, если бы у нее так не дрожали ноги... Но сильная рука твердо взяла ее за лодыжку и поставила ее ногу на металлическую перекладину. Дальше дело пошло проще, и вскоре они оба уже стояли на полу.

Мистер Маккарделл старался на нее не смотреть, ему явно было не по себе.

— Спасибо, — еле слышно прошептала Айви, обращаясь к Тристану.

Потом она развернулась и бросилась в раздевалку, чтобы он и все остальные не видели ее слез.

После уроков Сюзанна тщетно уговаривала Айви заехать к ней в гости.

— Спасибо, но я очень устала, — ответила Айви. — Наверное, мне лучше поехать... домой. — Она до сих пор не привыкла считать особняк Бэйнса своим домом.

— Но давай хотя бы немного прокатимся? — не отставала Сюзанна. — Я знаю отличное местечко, где подают просто гениальный капучино. И про это кафе не знает никто из ребят, по крайней мере, из нашей школы. Там нам никто не помешает поговорить по душам!

— Я не хочу разговаривать, Сюзанна. Я в полном порядке. Честное слово. Но если тебе непременно нужно куда-нибудь сходить, то можем ко мне домой.

— Ну, даже не знаю... Это как-то неудобно.

Айви склонила голову к плечу.

— Что-то с тобой странное творится. Такое впечатление, будто это ты, а не я опозорилась перед всей школой на этой вышке!

— Честно говоря, я чувствую себя именно так.

— Знаешь, Сюзанна, мне кажется, будто ты свалилась с лестницы и ударилась головой о бетонный пол. Эй, проснись! Я приглашаю тебя в дом Грегори.

Вытащив губную помаду, Сюзанна принялась задумчиво выкручивать и закручивать ее в туб.

— В этом-то все и дело. Ты же знаешь, какая я сейчас — настоящая борзая на охоте. Я ничего не могу с собой поделаться. Если Грегори будет дома, то я совершенно не смогу сосредоточиться. А это будет некрасиво по отношению к тебе. Я должна помочь тебе пережить этот день. Сегодня тебе нужно все мое внимание, целиком.

— Да не нужно мне ничье внимание! Было бы о чем говорить, Сюзанна. Ну да, я опозорилась на уроке драматического искусства и...

— И была спасена.

— И была спасена...

— Тристаном.

— Ну да, Тристаном, и теперь...

— Вы будете счастливы друг с другом! — закончила Сюзанна.

— Нет! Теперь я еду домой, и если ты хочешь поехать со мной и начать охоту на Грегори, то милости прошу. Это развлечет всех нас.

Несколько мгновений Сюзанна колебалась, потом угрожающе раздвинула только что накрашенные губы.

— Посмотри, я зубы не испачкала?

— Если бы ты не болтала без остановки, у тебя бы не было этой проблемы, — проворчала Айви, касаясь пальцем пятнышка помады. — Вот тут.

Когда девушки подъехали к дому, то первым делом заметили на подъездной аллее «BMW» Грегори.

— Кажется, удача улыбнулась нам, — заметила Айви.

Но не успели они переступить порог, как Айви услышала высокий срывающийся голос матери, изредка прерываемый короткими репликами Грегори.

Переглянувшись с Сюзанной, они поспешили на крики в кабинет Эндрю.

— Что-то случилось? — спросила Айви.

— Вот, что случилось! — взвизгнула мать, указывая на обтянутое шелком кресло. Вся спинка кресла была изодрана в клочья.

— Ой, — воскликнула Айви. — Что с ним такое?

— Должно быть, мой папочка точил коготки, — предположил Грегори.

— Это любимое кресло Эндрю, — сказала Мэгги. Щеки ее пылали, прядки щедролитых лаком волос выбились из узла на затылке и свисали по обеим сторонам лица, как пучки травы. — Между прочим, ткань совсем не дешевая, Айви.

— Но мама, я тут ни при чем! Я этого не делала.

— Покажи-ка ноготки, — ухмыльнулся Грегори.

Сюзанна расхохоталась.

— Это сделала Элла, — рявкнула Мэгги.

— Элла? — ахнула Айви, качая головой. — Этого не может быть! Элла никогда в жизни ничего не рвала и не царапала!

— Элла не любит Эндрю, — заявил Филипп, до сих пор молча стоявший в углу комнаты. — Она это сделала, потому что не любит Эндрю.

Мэгги в бешенстве обернулась, но Айви схватила мать за руку.

— Успокойся, — сказала она. Потом внимательно осмотрела заднюю спинку кресла. Какое-то время Грегори молча наблюдал за ней, а потом тоже подключился к осмотру. Ткань была располосована слишком ровно, Филипп так сделать явно не сумел бы. Значит, это все-таки дело лап Эллы.

— Нам придется обрезать ей когти, — заявила Мэгги.

— Нет!

— Айви, в этом доме слишком много дорогой мебели. Нельзя допустить, чтобы кошка все испортила. Элле придется удалить когти.

— Я не позволю!

— Она всего лишь кошка!

— А это — всего лишь мебель, — холодно и твердо ответила Айви.

— В таком случае, избавься от нее.

Айви решительно скрестила руки на груди. Она была на целых два дюйма выше матери.

— Айви... — Она увидела, как материнские глаза заблестели от слез. В последние месяцы Мэгги все чаще была такой: чувствительной, готовой в любой момент разрыдаться. — Айви, это наша новая жизнь, новые возможности для всех нас. Вспомни, как ты сама мне говорила: «Несмотря на все чудесные перемены, это все-таки не сказка со счастливым концом». Нам всем придется потрудиться, чтобы воплотить сказку в жизнь.

— Где Элла? — спросила Айви.

— В твоей спальне. Я закрыла дверь в холл и на чердак, чтобы она больше ничего не испортила.

Айви повернулась к Грегори.

— Ты не мог бы предложить Сюзанне что-нибудь выпить?

— Разумеется, — галантно ответил он.

Айви поднялась в свою комнату. Здесь она долго сидела, глядя свернувшуюся у нее на коленях Эллу, и смотрела на своего Ангела воды.

— Что мне делать, ангел? — шептала она. — Что мне теперь делать? Только не советуй мне отдать Эллу! Я не могу ее предать, понимаешь! Не могу.

И все-таки ей пришлось это сделать. В конце концов Айви поняла, что не может вечно держать Эллу взаперти. Но она не могла и бросить свою маленькую уличную разбойницу в доме, где было столько искушений.

Это решение разбило ее сердце и сердце Филиппа, однако во вторник днем Айви

повесила на школьную доску объявление о том, что отдаст кошку в хорошие руки.

Вечером во вторник в доме раздался звонок. К телефону подошел Филипп, который делал уроки в комнате у Айви. Выслушав сообщение, он мрачно протянул трубку Айви.

— Это какой-то парень, — сказал он. — Хочет забрать нашу Эллу.

Нахмурившись, Айви подошла к телефону.

— Да?

— Привет. Как поживаете? — спросил голос в трубке.

— Прекрасно, — сухо ответила Айви. Какая разница, как она поживает? Она мгновенно невзлюбила говорившего — просто за то, что тот хотел забрать у нее Эллу.

— Отлично. Хм... Вы... уже нашли новый дом для вашей кошки?

— Нет.

— Я бы хотел взять ее.

Айви захлопала ресницами. Она не хотела, чтобы Филипп видел, как она плачет. И все-таки она была страшно рада, что нашелся человек, который хочет взять домой взрослую кошку.

— Вы слушаете? — спросил звонивший.

— Да.

— Я буду хорошо заботиться о ней, кормить, купать и все такое.

— Кошек не нужно купать.

— Я научусь всему, что нужно делать, — ответил голос. — Надеюсь, ей у меня понравится. У нас очень уютно.

Айви молча кивнула.

— Алло?

Повернувшись спиной к Филиппу, она быстро заговорила в трубку:

— Слушайте... Элла очень много для меня значит, поэтому, если вы не возражаете, я бы хотела сама посмотреть на ваш дом и лично поговорить с вами.

— Нисколько не возражаю! — весело ответил ее невидимый собеседник. — Записывайте адрес.

Айви записала.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Тристан.

— Но ведь ты собачник, — сказал Гарри в пятницу. — И всегда был собачником.

— Мне кажется, мои родители будут рады кошке, — ответил Тристан. Он быстро обходил гостиную, убирая с кресел груды самых разных вещей: мамины журналы по педиатрии, отцовские расписания служб в больничной часовне и стопки отскерокопированных молитв, свои спортивные программы, старые номера «Спорт Иллюстрейтед» и вчерашнюю упаковку из-под жареного цыпленка. Он знал, что его родители никогда не поймут, зачем он устроил весь этот переполох. Обычно они все трое читали и ели, сидя прямо на полу.

Гарри задумчиво наблюдал за метаниями друга.

— Значит, ты полагаешь, что твои родители будут рады кошке? Интересно, с какой стати? Разве эта кошка больна? Или у нее есть религиозные убеждения? Но поскольку твоя мама-врач не может вылечить эту кошку, а папа-священник не в силах помолиться за нее и утешить в ее кошачьих горестях, то...

— Во всех домах живут кошки, — перебил его Тристан.

— В домах, где живут кошки, люди сами становятся домашними питомцами. Говорю тебе, Тристан, кошки — очень непростые звери. Они себе на уме. Еще хуже, чем девчонки. Если Айви смогла свести тебя с ума... Постой-ка, постой... Так-так, кажется, я что-то припоминаю... — Гарри забарабанил пальцами по столу. — Небольшое объявление на школьной доске.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Тристан, протягивая другу его сумку со спортивным снаряжением. — Ты сказал, что тебе сегодня нужно пораньше быть дома.

Но Гарри бросил сумку на пол. Он уже понял, что к чему.

— Уйти и пропустить самое интересное? Я был с тобой в прошлый раз, когда ты выставил себя полным идиотом, так неужели ты думаешь, что я упущу очередной шанс повеселиться? — С этими словами Гарри с беспечным видом растянулся на коврике перед камином.

— Наслаждаешься моим унижением? — с укоризной спросил Тристан.

Гарри перекатился на спину и заложил руки за голову.

— Тристан, на протяжении трех лет мы с ребятами в бессильном отчаянии смотрели, как ты безжалостно клеил всех девчонок в окрестностях. Да нет, что я говорю, мы смотрели на это целых семь лет! Ты был сердцеедом даже в пятом классе. Так что у меня наконец есть повод немного понаслаждаться!

Поморщившись, Тристан снова уставился на кофейное пятно, которое, казалось, успело трижды увеличиться в размерах с тех пор, как он его заметил. Он понятия не имел, как можно вывести такой кошмар с ковра.

Что если их старый каркасный дом покажется Айви маленьким, ветхим и ужасно захлавленным?

— Ну, и как вы сговорились? — спросил Гарри. — Одно свидание в обмен на то, что ты возьмешь ее кошку? И по свиданию за каждую неделю, что ты продержишь ее у себя?

— Ее подруга Сюзанна сказала, что Айви очень любит эту кошку, — улыбнулся Тристан, страшно довольный собой. — Я предложу ей право навещать свою любимицу.

— А что будет, когда Айви перестанет скучать по своей меховой горжетке? — фыркнул

Гарри.

— Тогда она начнет скучать по мне, — с напускной уверенностью ответил Тристан.

Зазвенел дверной колокольчик. С первым же его ударом уверенность Тристана испарилась, как дым.

— Слушай, Гарри, а что вообще делать с этой киской? Как ее брать?

— Купи ей выпить.

— Дурак, я же серьезно!

— Тогда за хвост.

— Шутишь, что ли?

— Ой, правда! Кажется, шучу.

Колокольчик зазвенел снова, и Тристан бросился к двери. Интересно, это ему только показалось, или Айви в самом деле слегка покраснела, когда он открыл дверь? Во всяком случае, губы у нее точно были розовые. Волосы ее сияли, как золотой нимб, а зеленые глаза снова заставили Тристана вспомнить о теплых тропических морях.

— Я принесла Эллу, — сказала она.

— Эллу?

— Мою кошку.

Опустив глаза, он увидел на крыльце целую грудку кошачьей параферналии.

— Ах, да. Конечно! Элла. Отлично. Отлично.

Неужели в ее присутствии он всегда будет говорить односложными предложениями?

— Ты ведь не передумал, правда? — едва заметная морщинка залегла у Айви между бровей.

— О нет, он не передумал! — ответил Гарри, вырастая за спиной Тристана.

Айви переступила порог и огляделась по сторонам, ища, куда поставить кошачью переноску.

— Я Гарри. Я часто вижу тебя в школе.

Айви кивнула и несколько сухо улыбнулась.

— Ты тоже был на свадьбе.

— Точно. Мы там были с Тристаном. Но я продержался до десерта, а потом меня тоже рассчитали.

Айви снова улыбнулась, на этот раз гораздо теплее, и вернулась к делу.

— Кошачий туалет вот здесь, — сказала она Тристану. — Там еще несколько банок с едой. Корзинку и подушку я тоже принесла, но Элла ими никогда не пользуется.

Тристан молча кивал. Ветерок из полуоткрытой двери шевелил легкие пряди волос Айви. Ему хотелось дотронуться до них. И еще хотелось убрать прядку с ее щеки и поцеловать.

— Ты не против того, чтобы спать вместе? — спросила Айви.

— П-прости? — пролепетал Тристан.

— Да он только об этом и мечтает! — радостно вставил Гарри.

Тристан грозно посмотрел на него.

— Чудесно! — обрадовалась Айви, не заметившая, как Гарри насмешливо подмигивает Тристану. — Вообще-то Элла может попытаться захватить твою подушку, но в этом случае ты просто спихни ее, и все.

Гарри расхохотался, и они с Тристаном внесли сумки внутрь.

— А ты тоже кошатник? — спросила Айви у Гарри.

— Нет, — ответил он, — но, возможно, я еще не совсем безнадежен. — Гарри наклонился и заглянул в переноску. — Уж если Тристан смог так быстро обратиться в новую веру, то и у меня может появиться шанс. Привет, Элла. С сегодняшнего дня у нас с тобой начнется новая жизнь. Вот увидишь, как мы чудесно будем играть с тобой!

— Как жаль, что вам придется подождать до следующего раза, — вздохнул Тристан. — Гарри уже уходит, — пояснил он Айви.

Выпрямившись, Гарри с насмешливым изумлением уставился на своего друга.

— Я уже ухожу? Так быстро?

— Не так уж и быстро, — уточнил Тристан, распахивая перед ним дверь.

— Ладно, ладно. До встречи, Элла. Может быть, однажды мы с тобой поохотимся на мышку вдвоем, только ты и я.

Когда Гарри ушел, в комнате вдруг стало очень тихо.

Тристан не мог придумать, что сказать. Он заранее составил список вопросов, но теперь этот список валялся где-то за диваном, куда он сгреб весь остальной хлам. Но Айви, похоже, и не ждала от него светской беседы. Она распахнула дверцу переноски и вытащила оттуда Эллу.

Это оказалась очень забавная черная кошка с белым носочком на одной лапе, белой кисточкой на хвосте и единственным белым пятнышком на морде.

— Все хорошо, малышка, — выдохнула Айви, прижимая к себе кошку и ласково поглаживая ее за ушами.

Элла смотрела на Тристана прищуренными зелеными глазами, с наслаждением принимая внимание Айви.

«Кто бы мог подумать, что я буду ревновать к кошке!» — подумал Тристан.

Когда Айви, наконец, спустила кошку на пол, Тристан протянул к ней руку, но Элла только презрительно посмотрела на него и отошла в сторону.

— Подожди, пока она сама к тебе подойдет, — посоветовала Айви. — Не обращай на нее внимания — пусть пройдет несколько дней, даже недель, если понадобится. Рано или поздно она почувствует себя одинокой и сменит гнев на милость.

«А ты, Айви?»

Тристан поднял с пола желтую подушечку, повертел ее в руках и спросил:

— Ты оставишь мне какие-то инструкции насчет того, как и чем ее кормить?

Оказалось, что девушка уже напечатала для него все необходимое.

— Вот здесь ее медицинские записи, список прививок, которые ей регулярно делались, и телефон ветеринара.

Казалось, она торопилась поскорее покончить со всем этим.

— А тут ее игрушки, — голос Айви дрогнул.

— Тебе нелегко с ней расстаться, да? — осторожно спросил Тристан.

— А это ее щетка, она любит, чтобы ее чесали.

— Но не купали, — вставил Тристан.

Айви закусила губу.

— Ты ведь совсем ничего не понимаешь в кошках, да?

— Я научусь, обещаю. Мы с ней отлично поладим друг с другом. И, разумеется, ты можешь навещать ее сколько захочешь. Она все равно останется твоей кошкой, Айви. Просто теперь она будет еще и моей тоже. Но ты можешь приходить к ней, когда захочешь.

— Нет, — твердо отрезала Айви. — Нет.

— Нет? — У него оборвалось сердце.

Тристан продолжал сидеть прямо, сжимая в руках грудь кошачьего барахла, но при этом он точно знал, что у него только что произошла остановка сердца.

— Это будет только сбивать ее с толку, — пояснила Айви. — И потом, я не думаю... не думаю, что смогу с этим справиться.

Тристану страшно хотелось протянуть руку, привлечь Айви к себе и взять ее хрупкую ладошку в свои ладони, но он не смел. Вместо этого он делал вид будто внимательно изучает маленькую розовую щетку, и ждал, когда Айви снова соберется с силами.

Элла подошла обнюхать свою щетку, а потом подставила ему голову. Тристан осторожно провел щеткой по ее боку.

— Больше всего она любит, когда ее чешут вокруг головы, — сказала Айви, и, взяв у него из рук щетку, показала, как нужно делать. — Вот тут, под подбородком. И щеки — у нее тут расположены особые железы, при помощи которых она распознает предметы. Знаешь, Тристан, мне кажется, ты ей понравился.

Она убрала руку, а Тристан продолжил почесывать Эллу. Та внезапно перекадилась на спину, подставив ему живот.

Айви радостно рассмеялась.

— Отлично, просто замечательно! Ах ты, маленькая кокетка! Никогда не видела, чтобы она так быстро начинала подлизываться к незнакомым людям.

Одной рукой Тристан почесал Элле живот. Шерсть у нее была длинная и мягкая.

— Интересно, почему кошки не любят воду, — пробормотал он. — Если бросить кошку в бассейн, она поплывет?

— Не смей! — вскрикнула Айви. — Не смей этого делать!

Элла вскочила и шмыгнула под кресло. Тристан изумленно посмотрел на Айви.

— Ты что, я и не собирался! Мне просто интересно.

Айви опустила глаза и мучительно покраснела.

— Что с тобой произошло, Айви?

Когда она ничего не ответила, Тристан предпринял еще одну попытку:

— Почему ты боишься воды? С тобой что-то случилось, когда ты была маленькой?

Айви упрямо избегала смотреть на него.

— Я в огромном долгу перед тобой за то, что ты снял меня с этого страшного помоста, — тихо сказала она.

— Ни в каком ты не долгу передо мной, Айви. Я спрашиваю только потому, что пытаюсь понять. Плавание — моя жизнь. Мне трудно представить, как можно не любить воду.

— Даже не знаю, сможешь ли ты понять, — ответила она. — Для тебя вода все равно, что ветер для птицы. Она позволяет тебе летать. По крайней мере, так это выглядит со стороны. Мне сложно представить, как ты это чувствуешь.

— Что заставило тебя бояться воды? — снова спросил он. — Кто это сделал?

Она ненадолго задумалась.

— Я даже не помню, как его звали. Один из бойфрендов моей матери. У нее их было много, и некоторые из них были весьма славными. Но этот был злой. Он пригласил нас в бассейн своего друга. Мне было тогда года четыре, не больше. Я не умела плавать и не хотела заходить в воду. Сейчас я понимаю, что страшно надоедала им обоим, потому что боялась и ни на шаг не отходила от мамы.

Она сглотнула и подняла глаза на Тристана.

— И? — мягко спросил он.

— Мама ненадолго ушла в дом, сделать сэндвичи или что-то еще. И тогда он меня схватил. Я сразу поняла, что он хочет сделать, поэтому стала брыкаться и визжать, но мама меня не услышала. Он подтащил меня к краю бассейна. «Давай-ка поглядим, как она будет плавать! — сказал он. — Посмотрим, сможет ли кошка плавать!» А потом он высоко-высоко поднял меня и швырнул в воду.

Тристан вздрогнул, словно был там и видел все своими глазами.

— Вода сомкнулась у меня над головой, — продолжала Айви. — Я барахталась изо всех сил, лягала ногами и махала руками, но все равно не могла удержать лицо на поверхности. Я начала захлебываться и глотать воду. И скоро не могла уже даже вздохнуть.

Тристан недоверчиво смотрел на нее.

— И тогда этот парень прыгнул за тобой?

— Нет, — Айви встала и принялась расхаживать по комнате, как встревоженная кошка. Элла высунула голову из-под кресла, наблюдая за своей хозяйкой. Комок пыли повис у нее на усах.

— Я уверена, что он просто был пьян, — сказала Айви. — У меня все поплыло перед глазами. Потом потемнело. Руки и ноги стали тяжелыми, как камни, а грудь болела так, словно вот-вот лопнет. Я молилась. Впервые в жизни я стала молиться своему ангелу-хранителю. И вскоре почувствовала, как кто-то поднимает меня на поверхность и держит над водой. Легкие перестали болеть, зрение прояснилось. Самого ангела я плохо запомнила, помню только, что он был сияющий, разноцветный и очень красивый.

Айви покосилась на Тристана и широко улыбнулась. Потом вернулась к нему, села на пол и заглянула Тристану в лицо.

— Все нормально. Я не ждала, что ты мне поверишь. Никто в это не верит. Когда моя мама вышла из дома, ее дружок повернулся и заговорил с ней, поэтому никто не заметил, как я выбралась на край бассейна. Они просто думали, что если бросить ребенка в воду, он непременно научится плавать, — закончила Айви.

Лицо ее стало задумчивым, и Тристану показалось, будто она не здесь, а где-то далеко, в своих воспоминаниях.

— Я был бы рад поверить в твоего ангела, — сказал он и смущенно пожал плечами. — Извини. — Все дело в том, что он уже не раз слышал такие истории. Его отец время от времени приносил такие байки из больницы. Тристан был уверен, что все подобные чудеса объясняются деятельностью мозга, просто сознание некоторых людей так своеобразно реагирует на кризис.

— Знаешь, в понедельник, когда я едва не свалилась с помоста, я тоже молилась Ангелу воды, — призналась Айви.

— А дождалась всего лишь меня, — улыбнулся Тристан.

— И это было совсем неплохо, — ответила она и тихонько рассмеялась.

— Айви... — Усилием воли он заставил свой голос не дрожать, чтобы она не догадалась, как он сильно надеется на удачу. — Я могу научить тебя плавать.

Она широко распахнула глаза.

— После школы. Тренер разрешит нам пользоваться бассейном.

Ее руки, ее глаза — все в ней замерло, все смотрело на него.

— Это невероятное ощущение, честное слово. Ты даже не представляешь, что такое

плыть по озеру, в кольце зеленых деревьев, когда небо перевернутой голубой чашей парит у тебя над головой! Ты просто лежишь на поверхности воды, а солнце сверкает на кончиках пальцев у тебя на руках и ногах. Ты только подумай, как прекрасно плыть в океане! Сначала ты с силой гребешь руками, а потом волна подхватывает тебя и без малейших усилий возносит...

Забывшись, Тристан схватил ее за обе руки и поднял на ноги. И почувствовал, как ее кожа покрылась мурашками.

— Прости, — пробормотал он, поспешно выпуская ее. — Прости. Я увлекся.

— Все нормально, — ответила Айви, отводя глаза.

Теперь он уже не знал, чего она боится больше — воды или его.

Наверное, все-таки его. И он совершенно не представлял, что с этим делать.

— Вот увидишь, это будет весело. По крайней мере, так думали все малыши, которых я учил в летнем лагере, — заверил ее Тристан. — Просто подумай об этом, ладно?

Айви кивнула.

Очевидно, ей было неуютно рядом с ним. Он хотел извиниться перед Айви за то, что налетел на нее в коридоре, за то, что устроил на свадьбе ее матери и за то, что позвонил ей по поводу кошки. Он хотел пообещать ей, что больше никогда ее не побеспокоит, если только это ее успокоит. Но она выглядела такой усталой и смущенной, что он решил ничего больше не говорить.

— Я буду хорошо заботиться об Элле, — пообещал Тристан. — Если у тебя что-то изменится, и ты захочешь забрать ее, просто позвони. А если решишь навестить ее, я не буду вам мешать. Идет?

Айви задумчиво посмотрела на него.

— Ну вот, — сказал он, вставая. — По вторникам и пятницам я у нас в доме за кухарку. Так что мне пора заняться ужином.

— И что ты готовишь? — спросила Айви.

— Кусочки печенки в густой подливке. Ой, прости, это банка Эллы.

Шутка была так себе, но Айви улыбнулась.

— Если хочешь, оставайся и поиграй с Эллой, — предложил Тристан.

— Спасибо.

Он решительно направился на кухню, чтобы дать ей время немного побыть с кошкой наедине. Но не успел Тристан дойти до двери, как услышал быстрое:

— Пока, Элла.

А потом хлопок входной двери возвестил о том, что Айви ушла.

Когда Айви вышла из раздевалки, Тристан был уже в воде. Тренер разрешил ей пройти в закрытый бассейн. Айви ожидала, что старик недоверчиво уставится на нее с немым вопросом: «Как? Ты не умеешь плавать?!», но длинное и сморщенное, как черносливина, лицо тренера осталось добрым и невозмутимым.

Коротко поздоровавшись с Айви, он скрылся в своем кабинете.

Айви потребовалась целая неделя, чтобы решиться. Каждую ночь она плавала во сне, иногда проплывая целые мили. Когда она сказала Тристану, что хотела бы попробовать, его глаза вспыхнули от радости.

Айви была уверена, что успешно убила малейший романтический интерес, который Тристан когда-либо проявлял к ней; тем более что, по сведениям Сюзанны, он теперь

встречался с двумя девушками сразу. Тем не менее, она относилась к нему, как к другу. Он снял ее с вышки для прыжков, он взял домой Эллу и помог Айви открыто признать свой самый ужасный страх — иными словами, он был рядом всякий раз, когда ей нужна была помощь, и делал для нее то, что мог сделать только настоящий друг.

И вот теперь она стояла у края бассейна и смотрела, как он плавает. Вода стекала с мускулистого тела Тристана, она не просто держала его, а легко поднимала вверх, когда он рассекал ее сильными, стремительными гребками. Когда он плыл баттерфляем, руки его взлетали над водой, как крылья, и Тристан превращался в ожившую музыку — сильную, ритмичную и грациозную.

Несколько минут Айви молча наблюдала за Тристаном, а потом заставила себя вспомнить о цели своего прихода. Подойдя к мелкому краю бассейна, она молча уставилась в воду. Потом села на бортик и осторожно спустила ноги. Вода была теплая. Мягкая. Но Айви все равно было страшно холодно. Стиснув зубы, она соскользнула вниз. В этом месте вода была ей по плечи. Айви представила, как она поднимется ей до горла, потом до рта... Зажмурившись, она вцепилась в край бассейна, пытаясь справиться с подступающим страхом.

«Ангел воды, не оставляй меня! Я вверяю тебе себя, ангел. Я в твоих руках...»

— Ты уже здесь! — воскликнул Тристан. — Уже в воде!

Он выглядел таким довольным, что на какой-то миг Айви забыла о страхе.

— Как дела? — спросил Тристан.

— Отлично. Ты не против, если я немного постою здесь и подрожу?

— Ты быстро согреешься, если будешь двигаться, — сказал он.

Айви испуганно посмотрела на воду.

— Ну, давай. Мы просто пройдемся. — Он взял ее за руку и повел вдоль края бассейна, словно они прогуливались по магазину, только из-за сопротивления воды каждый их шаг получался плавным, как в замедленной съемке.

— Хочешь узнать последние новости об Элле и разгроме, который она учинила в нашем доме?

— Конечно! — обрадовалась Айви. — Она уже отыскала коробку из-под цыпленка, засунутую под телевизор?

Тристан на миг растерялся, но быстро справился с собой.

— Еще бы. Коробкой она занялась сразу после того, как расправилась с бумагами, которые я свалил за диван.

Продолжая водить Айви туда-сюда по мелкому сектору бассейна, Тристан рассказал ей несколько особо забавных историй из жизни Эллы.

Наконец они остановились, и Тристан объявил:

— А теперь мы попробуем немного намочить тебе лицо.

Он набрал полные пригоршни воды и бережно полил ей на лоб и щеки, словно купал ребенка.

— Я уже сделала это в душе, — съязвила Айви.

— Простите, мисс Продвинутость! Немедленно переходим к следующей ступени, — широко улыбнулся Тристан. — Делаем глубокий вдох. Я хочу, чтобы ты посмотрела на меня под водой. Я знаю, что хлор немного щиплет, но мне все равно очень хочется увидеть под водой твои большие зеленые глаза и пузырьки, выбегающие из носа. Итак, вдыхаем над водой, выдыхаем под водой. Все понятно? Раз, два — три!

Он утащил ее под воду следом за собой. Они прыгали вверх и вниз, и каждый раз Тристан удерживал Айви под водой немного дольше, строя ей страшные гримасы.

Кашляя и отплевываясь, Айви вынырнула на поверхность.

— Ну, знаешь! Если ты не можешь выполнить такое просто упражнение...

— Так нечестно! — воскликнула девушка. — Ты меня нарочно смешил, это не считается!

— Ладно, ладно. Шутки кончились. Теперь будем заниматься серьезными вещами. Относительно серьезными, если быть совсем точным.

Он научил ее правильно дышать во время плавания. Оказывается, нужно представить, что вода — это подушка, и чтобы сделать вдох, надо поворачивать голову набок.

Айви тренировалась, держась руками за бортик бассейна. Потом Тристан взял ее за руки и потащил по воде. Айви тут же начала работать ногами, чтобы они не тонули, а плыли вместе с ней. Во время этого урока ее так и подмывало поднять голову и посмотреть на Тристана. Один раз она все-таки не удержалась и увидела, что он ей улыбается.

Потом они учились правильно отталкиваться ногами. После того, как Айви отработала это упражнение на боку, они стали играть «в поезд».

Ухватившись за щиколотки Тристана, Айви плыла за ним по бассейну: он греб руками, а она изо всех сил помогала ему ногами. Просто поразительно, как быстро он тащил ее за собой на одной силе рук!

Когда они остановились, Тристан спросил:

— Ты не устала? Не хочешь немного посидеть и передохнуть?

Но Айви покачала головой.

— Лучше не надо. Боюсь, что если я вылезу, то не смогу заставить себя снова войти в воду.

— Ты очень смелая, — сказал Тристан.

Айви недоверчиво рассмеялась.

— Я стою в воде по плечи, и ты называешь это смелостью?

— Конечно, — подтвердил Тристан, плавая вокруг нее. — У каждого из нас есть свои страхи. Но ты одна из немногих, у кого есть мужество их признать и попытаться преодолеть. Но я и раньше знал, что ты смелая. Я понял это в самый первый день, когда увидел, как ты идешь через столовую, а чирлидерша, которой поручили водить тебя по школе, семенит следом.

— Я просто проголодалась, — смутилась Айви. — Кроме того, это все-таки было представление.

— Но ты его провела достойно!

Айви улыбнулась, и Тристан улыбнулся ей в ответ, блестя карими глазами и смаргивая воду с ресниц.

— Ну что? — спросил он. — Хочешь поплавать на спине?

— Нет. Но попробую.

— Это совсем просто. — Тристан перевернулся на спину и поплыл. Со стороны казалось, что это дается ему без малейшего усилия. — Ты следишь за мной?

«Я тобой люблюсь!» — ответила про себя Айви, поспешно поблагодарив ангелов за то, что Тристан не умеет читать мысли, как Бет.

— Видишь, я слегка приподнимаю бедра и выгибаю спину, а все остальное происходит само собой. Попробуй.

Айви попробовала и тут же ушла под воду. На миг ее охватила прежняя паника.

— Ты не лежала, а сидела, — спокойно сказал Тристан. — Пятая точка утащила тебя на дно. Попробуй еще разок.

Когда она снова легла на воду, Тристан подставил руку ей под спину.

— Расслабься, не сопротивляйся. Выгни спину. Так, правильно!

Он убрал руку.

Айви поспешно подняла голову и снова начала погружаться. Вне себя от злости, она встала на ноги. Мокрые волосы выбились из-под заколки и облепили ей шею.

Тристан весело расхохотался.

— Наверное, если бросить Элли в воду, она бы выглядела так же, как ты сейчас!

— Это умеют даже маленькие дети! — с досадой процедила Айви.

— Маленькие дети много чего умеют, — ответил Тристан, — потому что они доверчивы. Главный секрет плавания в том, чтобы не сопротивляться воде. Плыви вместе с ней. Играй с ней. Доверься ей. — Он плеснул в нее водой. — Попробуешь еще разок?

Айви легла на спину и сразу же почувствовала надежную руку Тристана под своей выгнутой спиной. Правой рукой он осторожно опустил ее голову. Вода плеснула Айви на лоб и подбородок.

Она закрыла глаза и попыталась довериться воде. Она представила, что лежит посреди озера, и солнце сверкает у нее на кончиках пальцев.

Когда Айви снова открыла глаза, Тристан смотрел на нее. Его лицо было словно солнце, согревавшее ее и озарявшее все вокруг.

— Я плыву, — прошептала Айви.

— Ты плывешь, — так же тихо ответил он, склоняясь еще ниже.

— Плыву...

Они читали это слово по губам друг друга, их лица были совсем близко, так близко...

— Тристан!

Он выпрямился, и Айви мгновенно пошла ко дну.

Тренер стоял в дверях своего кабинета.

— Извините, что прерываю, — прокричал он, — но я через десять минут уйду домой.

— Нет проблем, — крикнул в ответ Тристан.

— Завтра я буду здесь допоздна, — добавил старик, делая несколько шагов к бассейну. — Может, тогда и наверстаете упущенное?

Тристан посмотрел на Айви. Она пожалала плечами и кивнула, отводя глаза.

— Может, — ответил он.

Этим вечером Айви ехала домой самой долгой дорогой, которая вела к югу от центра Стоунхилла по лабиринту тенистых улиц, застроенных новыми домами. Она описывала круг за кругом, оттягивая момент окончательного поворота в сторону горы.

Ей нужно было слишком многое обдумать. Зачем Тристан делает это? Неужели он просто жалеет ее? Или хочет стать ее другом? Или рассчитывает на нечто большее, чем просто дружба?

Но вовсе не эти вопросы заставляли ее накручивать мили по дороге. Айви хотелось подольше растянуть роскошь воспоминаний — о том, как он выглядел, когда поднимался из воды, облитый блестками сбегаящих капель, и о том, как он прикасался к ней... Так нежно, бережно.

Дома ей придется выслушивать мамины рассказы об очередной встрече с местными снобами, обсуждать последние взлеты и падения в жизни третьеклассника Филиппа, придумывать новые слова, чтобы поблагодарить Эндрю за непрекращающийся поток подарков и ходить на цыпочках вокруг Грегори. Айви боялась, что во всей этой рутине события сегодняшнего вечера потускнеют и исчезнут навсегда.

Айви снова и снова представляла, как Тристан медленно плавает вокруг нее. Она вспоминала прикосновение его рук, когда он поддерживал ее под спину, и то, как он бережно откинул ее голову на воду. Даже сейчас она снова затрепетала от удовольствия и, совсем чуть-чуть, от страха.

«Ангел, не покидай меня! Пожалуйста, не покидай!»

Это было совсем не похоже на увлечение. Это было нечто другое, такое могучее, что грозило без остатка поглотить все ее мысли и чувства.

Может быть, ей стоит поскорее положить этому конец, пока она совсем не потеряла голову? Да, так и следует сделать. Сегодня же вечером она позвонит Тристану и откажется от завтрашнего урока.

Но тут она вспомнила, как Тристан таскал ее за руки по бассейну и как лицо его светилось от смеха и радости.

Айви не заметила приближающуюся машину. Она так глубоко ушла в свои мысли, что только в самый последний момент заметила темный автомобиль, вылетевший прямо из-за знака остановки.

Айви вдавила педаль тормоза. Послышался отвратительный визг, обе машины слегка занесло в разные стороны, а потом бросило друг к другу так что они слегка оцарапались боками. Затем они разъехались в стороны. Медленно выдохнув, Айви остановилась посреди перекрестка.

Второй водитель рывком распахнул свою дверь. На Айви хлынул яростный поток нецензурной брани. Не поворачивая головы, она подняла боковое стекло и заблокировала двери. Крики внезапно прекратились. Айви обернулась и холодно посмотрела на водителя.

— Грегори!

Она поспешно опустила стекло.

Грегори был мертвенно-бледен, только на щеках горели алые пятна. Несколько мгновений он тупо смотрел на Айви, потом перевел глаза на перекресток. Вид у него был ошеломленный, словно он только что понял, где находится и что случилось.

— Ты в порядке? — спросила Айви.

— Да... да. А ты?

— Все нормально, я уже отдышалась.

— Прости, — пробормотал Грегори. — Я... кажется, я задумался. И я не знал, что это ты, Айви. — Злость его уже прошла, теперь он был просто расстроен и подавлен.

— Все в порядке, — повторила она. — Я и сама замечталась за рулем.

Грегори посмотрел через стекло на мокрое полотенце, валявшееся у нее на пассажирском кресле.

— Что ты тут делала? — резко спросил он.

Айви на миг испугалась, что он может связать мокрое полотенце и плавание с Тристаном. Она даже Бет и Сюзанне не рассказала о своем первом уроке плавания, а уж Грегори это точно не касалось.

— Мне нужно было побыть одной и подумать. Я понимаю, это может показаться странным, ведь в доме столько свободного места, но...

— Тебе нужно было побыть в другом месте, — закончил за нее Грегори. — Что-что, а это я прекрасно понимаю. Ты теперь домой?

— Да.

— Тогда пристраивайся за мной, — он улыбнулся ей быстрой кривой усмешкой. — Так будет безопаснее.

— Ты точно в порядке? — спросила Айви. Ей все еще не нравился его странный взгляд.

Грегори молча кивнул и вернулся в свою машину.

Не успели они доехать до дома, как Эндрю припарковался на подъездной аллее следом за ними и вышел из машины. Он сердечно поздоровался с Айви и повернулся к сыну.

— Как дела у мамы?

— Как обычно, — дернул плечом Грегори.

— Я рад, что ты съездил к ней сегодня.

— А я, в свою очередь, передал ей от тебя привет и наилучшие пожелания, — процедил Грегори. Его лицо стало холодным и бесстрастным, под стать голосу.

Эндрю сделал вид, будто ничего не заметил. Он осторожно обошел валящуюся на дорожке коробку цветных мелков, потом наклонился и внимательно осмотрел то, во что превратилась еще утром ослепительно-белая бетонная площадка перед гаражом.

— Что у нее нового? Есть что-то, о чем мне следует знать? — спросил Эндрю, продолжая изучать художественное творчество Филиппа, выполненное мелком. Поскольку он стоял спиной, то не заметил странного выражения, промелькнувшего на лице Грегори и исчезнувшего так же быстро, как появилось. Но Айви все видела.

— Ничего нового, — сказал Грегори.

— Отлично.

Дождавшись, когда дверь за Эндрю закроется, Айви быстро повернулась к Грегори.

— Ты не хочешь об этом поговорить?

Тот посмотрел на нее с таким удивлением, словно только сейчас вспомнил о ее существовании.

— О чем?

Айви помялась, но потом все-таки сказала:

— Ты только что сказал отцу, что у твоей мамы все в порядке. Но, судя по тому, какой у тебя был вид, когда ты говорил о ней сейчас, и по тому, в каком состоянии ты был на

перекрестке, мне кажется...

Некоторое время Грегори слушал ее, устало поигрывая ключами от машины, потом резко перебил:

— Ты права. Все совсем не здорово. Возможно, будут неприятности.

— С твоей мамой?

— Я не могу об этом говорить. Слушай, я очень благодарен тебе за заботу и все такое, но это мое дело, и я сам с ним разберусь. Если хочешь мне помочь, не рассказывай об этом никому, ладно? И не болтай о нашем маленьком столкновении на перекрестке. Идет? Дай слово, — на этот раз Грегори внимательно посмотрел в глаза Айви.

Ей ничего не оставалось, как согласиться.

— Обещаю, — она пожала плечами. — Но если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

— Посреди перекрестка, — хмыкнул Грегори и, улыбнувшись ей своей кривой ухмылкой, вошел в дом.

Прежде чем пойти следом, Айви внимательно изучила мелкую роспись по бетону, оставленную младшим братом. Она сразу узнала нежно-голубые крылья ее водяного ангела и сильные коричневые линии, обозначавшие Тони. Еще через какое-то время она разглядела Могучих Рейнджеров. Проще всего было узнать драконов — в изображении Филиппа они всегда выглядели так, будто проглотили бочку жидкого пламени, и всегда сражались с Могучими Рейнджерами и с ангелами. Стоп, а это что такое? Круглая голова, смешные зеленые завитки вместо волос и оранжевые палочки, торчащие из каждого уха?

Чтобы развеять все сомнения, сбоку было нацарапано имя. Тристан.

Наклонившись, Айви подобрала кусочек черного мелка и дорисовала зубы-оливки. Теперь перед ней был портрет парня, у которого хватило доброты развеселить незнакомого восьмилетнего мальчика в самый печальный день его жизни. Айви вспомнила, какое лицо сделалось у Тристана, когда она распахнула дверь кладовки. Не выдержав, она запрокинула голову и расхохоталась.

Отказаться от плавания? Позвонить и отменить завтрашний урок? Ангелы-заступники, кого она пытается обмануть?

Тристан не сомневался, что он до смерти напугал Айви во время первого урока, однако она все-таки пришла. И он вел себя очень осторожно. Стараясь не дотрагиваться до нее, он учил ее, как профессиональный инструктор, а сам продолжал встречаться с как-там-ее-зовут и еще одной девочкой.

С каждым днем Тристану становилось все труднее оставаться наедине с Айви, каждый раз тщетно надеясь дождаться хоть какого-то намека на то, что ей нужно от него что-то большее, чем дружба и уроки.

— Кажется, я готов, Элла, — сказал он своей кошке после двух недель мучительных занятий, приносящих одно только разочарование. — Я ей безразличен, и с меня хватит. Я так больше не могу. Сегодня я, наконец, добьюсь от нее выбора между «Да» и «Нет».

Элла одобритительно замурлыкала.

— А после этого начну подыскивать себе монастырь, при котором есть команда пловцов.

На следующий день он принял решение не переодеваться для плавания. Он просто вышел из тренерской в бассейн — и замер.

Айви не было.

«Она забыла! Но нет!»

Он заметил на бортике возле глубокого края бассейна полотенце Айви и ее резинку для волос.

— Айви!

Тристан бросился к краю бассейна, и увидел ее там, в двенадцатифутовой секции, неподвижно лежащей на дне.

— О Боже!

Он нырнул прямо с бортика, погружаясь все ниже, ниже и ниже, чтобы добраться до нее. Он схватил ее, вытащил на поверхность и поплыл к бортику. Это оказалось нелегко, потому что Айви пришла в себя и стала отчаянно вырываться. Одежда сковывала движения, дополнительным весом тащила вниз. Наконец, Тристан выволок Айви на бортик и выпрыгнул следом.

— Какого черта? — пропыхтел он.

Она не кашляла, не отплевывалась, не задыхалась. Она просто смотрела на него, на его вымокший свитер, прилипшие к ногам джинсы, набухшие от воды носки.

Тристан опустил глаза, а потом сбросил с ног отяжелевшие от воды кроссовки, зашвырнув их сразу через несколько рядов трибун.

— Что ты делаешь? — спросила Айви.

— Нет, это ты что делаешь?

Она разжала руку и показала ему блестящий одноцентовик.

— Ныряла за монеткой.

И вот тогда он по-настоящему разозлился.

— Первое правило плавания, Айви, никогда — никогда, слышишь? — не плавать в одиночку!

— Но я должна была это сделать, Тристан! Я должна была проверить, смогу ли справиться со своим страхом без тебя. И я смогла. Понимаешь, смогла! — сказала она, ослепительно улыбаясь.

Ее мокрые волосы рассыпались по плечам. Смеющиеся глаза цвета изумрудного солнечного моря смотрели в глаза Тристана.

Потом Айви моргнула и нахмурилась.

— Послушай, так вот, значит, чего ты добиваешься? Хочешь быть телохранителем? Героем?

— Нет, Айви, — тихо ответил Тристан и встал с бортика. — Только что я снова убедился в том, что могу быть героем для кого угодно, только не для тебя.

— Подожди, — сказала она, но он уже повернулся, чтобы уйти.

— Постой!

Он не остановился, но в мокрой одежде быстро не убежишь, поэтому Айви успела вцепиться ему в ногу.

— Постой, я тебе говорю!

Тристан попытался вырваться, но Айви держала крепко.

— Значит, ты хочешь, чтобы я назвала тебя героем?

Он досадливо поморщился и дернул головой.

— Нет. Не совсем. Просто одно время я думал, что это могло бы дать мне то, чего я по-настоящему хочу. Но я ошибался.

— Чего же ты хочешь? — прямо спросила Айви.

«Какой смысл говорить ей об этом теперь? Никакого».

— Переодеться в сухую одежду, — равнодушно ответил Тристан. — У меня в шкафчике есть свитер и джинсы.

— Ладно, — Айви покорно выпустила его ногу. Но прежде чем он успел сделать хотя бы шаг в сторону, она поймала его за руку. На миг она задержала руку Тристана в своих ладонях, а потом вдруг поднесла к губам и поцеловала кончики его пальцев.

Потом посмотрела на оцепеневшего Тристана, смущенно пожала плечами и разжала ладони. Но теперь уже он схватил ее за руку и переплел свои пальцы с ее пальцами.

Поколебавшись, Айви осторожно опустила голову ему на руку. Тристан оцепенел. Неужели она не чувствует, что делает с ним? Неужели не слышит, как от этого невинного жеста его сердце пустилось вскачь, словно вот-вот выскочит из груди? Он опустился на колени на мокрый бортик бассейна. Взял ее за вторую руку, поцеловал пальцы и прижался щекой к ее ладони.

Она подняла на него глаза.

— Айви, — прошептал Тристан, и это слово было выдохом. — Айви.

И тогда ее имя превратилось в поцелуй...

— Он выиграл! — воскликнул Тристан. — Филипп выиграл два раза подряд!

Айви опустила руки на клавиши рояля, обернулась к Тристану и расхохоталась. Прошла почти неделя после их первого робкого поцелуя. С тех пор она каждую ночь перед сном вспоминала его — как и все следующие.

Она до сих пор не могла в это поверить. Она помнила все — каждое легкое прикосновение Тристана, каждое мимолетное касание. Каждый раз, когда он окликал ее по имени, она отзывалась откуда-то из глубины своего существа. И в то же время ей было необыкновенно легко и просто с ним. Иногда ей казалось, будто Тристан уже много-много лет был неотъемлемой частью ее жизни — вот, скажем, в такой момент, как сейчас, когда он валялся на полу ее музыкальной комнаты и играл в шашки с Филиппом.

— Просто не верю, что он выиграл у меня два раза из трех!

— Почти три из трех! — завопил Филипп.

— Поделом тебе! Будешь знать, как играть против Рыжика! — засмеялась Айви.

Тристан сердито покосился на статуэтку ангела, стоящую на пустой шахматной доске. Филипп всегда ставил его вместо одной из своих шашек.

Раньше эта трехдюймовая китайская фарфоровая статуэтка принадлежала Айви, но когда Филипп был еще совсем маленьким и ходил в детский сад, он решил немножко приукрасить бледного белого ангелочка. Розовый с блестками лак для ногтей пошел на «платье», золотой — на волосы, и ангел полностью преобразился. Увидев результат, Айви с готовностью отдала «Рыжика» Филиппу в безраздельное владение.

— Рыжик очень умный, — с уважением подтвердил Филипп.

Тристан недоверчиво посмотрел на Айви.

— Может быть, в следующий раз Филипп уступит его тебе, и тогда ты выиграешь, — с улыбкой предложила Айви и повернулась к братишке: — Тебе не кажется, что уже поздно?

— Почему ты всегда так говоришь? — надулся Филипп.

Тристан засмеялся.

— Потому что она хочет от тебя избавиться! Идем, дружище! Прочитаем две сказки, как в прошлый раз, а потом погасим свет.

С этими словами он повел Филиппа вниз по лестнице в спальню. Оставшись одна, Айви принялась рассеянно листать ноты, ища песню, которая могла бы понравиться Тристану. Он предпочитал хард-рок, но Айви не могла сыграть его любимые композиции на рояле. Он ничего не знал о Бетховене и Бахе. Его представления о классической музыке ограничивались несколькими мюзиклами из родительской фонотеки. Айви просмотрела несколько песен из мюзикла «Карусель» и со вздохом отложила потрепанный сборник.

Весь этот вечер музыка переполняла ее, серебристой рекой пела в груди. Погасив свет, Айви по памяти заиграла «Лунную сонату» Бетховена.

Тристан вернулся на середине сонаты. Он заметил, как руки Айви на миг замерли над клавишами, и услышал паузу в незнакомой ему музыке.

— Не останавливайся, — попросил он, останавливаясь у нее за спиной.

Айви доиграла до конца. Несколько мгновений после того, как отзвучали последние аккорды, они сидели молча. Никто не произнес ни звука, никто не пошевелился. Все исчезло — остался только неподвижный лунный свет на клавишах рояля, и музыка, которая могла

звучать даже после того, как смолкла.

Потом Айви откинулась назад и прислонилась к Тристану.

— Хочешь потанцевать? — шепотом спросил он.

Она расхохоталась, а он поднял ее с табурета и закружил по комнате. Айви положила голову на плечо Тристана и почувствовала, как его сильные руки обвились вокруг ее талии. Они танцевали медленно, совсем медленно. И ей хотелось, чтобы он никогда не разжимал рук.

— Как ты это делаешь? — прошептал Тристан. — Как ты можешь танцевать со мной и продолжать играть на рояле?

— Продолжать играть? — переспросила она.

— Разве не ты играешь музыку, которую я слышу?

Айви запрокинула голову и посмотрела ему в глаза.

— Тристан, эта шутка совсем...

— Плоская, — засмеялся он. — Но она свое дело сделала — ты посмотрела на меня! — Он наклонился и приник к ее губам долгим, нежным поцелуем.

— Деточка, скажи своему Тристану, чтобы он как-нибудь заглянул к нам в магазин, — попросила Лиллиан. — Мы с Бетти очень хотим его увидеть. Обожаем жеребцов!

— Пловцов, — смущенно поправила Айви. — Тристан — пловец. Он спортсмен.

«Мой пловец, — подумала она. Мой спортсмен». Она взяла с полки коробку, завернутую в коричневую оберточную бумагу.

— Это все, что нужно доставить?

— Да, детка, спасибо тебе огромное. Я знаю, что тебе совсем не по пути.

— Ничего особенного, это не так уж далеко, — бросила Айви, выбегая из магазинчика.

— Уиллоу-стрит, дом пятьсот двадцать восемь, — крикнула Бетти из глубины магазина.

— Пятьсот тридцать, — негромко поправила Лиллиан.

«Ладно, небольшая разница!» — подумала про себя Айви, выходя из магазина «У вас праздник».

Она мельком взглянула на часы. Ну вот, теперь она уже не успеет поболтать с подругами!

Сюзанна и Бет ждали ее в ресторанном дворике.

— Ты должна была освободиться двадцать минут назад! — напустилась на Айви Сюзанна.

— Я знаю, знаю, — вздохнула Айви. — Просто день выдался сумасшедший. Вы не проводите меня до машины? Мне нужно завезти эту коробку, а потом сразу поеду домой.

— Нет, вы слышали? — ахнула Сюзанна, оборачиваясь к Бет. — Она торопится домой! Ей нужно как можно скорее вернуться! — Она *говорит*, что торопится на день рождения! Она *говорит*, что Филиппу сегодня девять лет. Ну-ну так мы и поверили! Правда, подруга?

— Но ведь сегодня двадцать восьмое мая, — непонимающе пробормотала Айви. — Сюзанна, ты же знаешь!

— Насколько мы знаем, — продолжала Сюзанна, по-прежнему обращаясь только к Бет, — там сегодня ожидается обручение! Скромная помолвка в узком кругу. Большой праздник на вершине холма!

Айви закатила глаза, а Бет весело расхохоталась. Сюзанна до сих пор не простила Айви того, что она держала в тайне свои уроки плавания.

— Тристан тоже придет? — спросила Бет, когда они выходили из молла.

— Конечно, ведь он один из двух гостей Филиппа, — ответила Айви. — Сегодня он будет сидеть не со мной, а с Филиппом и весь вечер будет играть не со мной, а только с Филиппом. Тристану пришлось дать слово. Только на таких условиях мой хитрый брат согласился отпустить нас одних на танцы. А где вы припарковались?

Выяснилось, что Сюзанна этого не запомнила, а Бет не заметила. Айви пришлось долго кружить по парковке, выискивая потерявшуюся машину. Все это время Бет помогала ей в поисках, а Сюзанна, не закрывая рта, делилась с подругами советами по теории и практике флирта.

Она успела дать Айви подробнейшую консультацию по всем вопросам — от того, как правильно разговаривать по телефону до того, как постоянно подогревать к себе интерес, не выглядя при этом слишком доступной, а также кратко осветила вопрос об одежде, подчеркнув, что девушка должна неустанно трудиться над тем, чтобы выглядеть небрежно и естественно. Честно говоря, за последние три недели Сюзанна дала Айви столько самых разных советов, что из них легко можно было бы составить несколько томов «Энциклопедии для девушек на все случаи жизни».

— Сюзанна, мне кажется, ты все слишком усложняешь, — наконец не выдержала Айви. — Ты очень увлекаешься этими хитростями и стратегиями. По-моему, все гораздо проще.

«Невероятно просто», — подумала она про себя. И это была правда. Все время, на протяжении этих последних недель — когда они с Тристаном болтали или узнавали друг друга, когда они молча сидели рядышком или одновременно пытались заговорить, что случалось с ними очень часто, — ей было невероятно легко и просто. Все было так, словно так и должно было быть.

— Это потому, что он — твоя половинка, — понимающе кивнула Бет.

Наверное, так оно и было. Тристан понимал и принимал ее всю, с одним лишь исключением. Он не верил в ангелов.

— У тебя была трудная жизнь, — осторожно сказал он Айви однажды ночью. Это было в ночь после школьного бала — вернее, уже наутро, хотя в небе еще не рассвело.

Они шли босиком по траве от дома к дальнему склону холма. Бледный полумесяц забытым рождественским украшением висел на западном краю неба. Одинокая звезда сияла в вышине. Далеко внизу сверкали серебром железнодорожные рельсы, прорезавшие долину.

— Тебе столько пришлось пережить, поэтому я не могу винить тебя за эту веру, — добавил Тристан.

— Ты меня не *винишь*! Не винишь? Что ты этим хочешь сказать? — воскликнула тогда Айви. Но, на самом деле, она все поняла. Для Тристана ангелы были чем-то вроде плюшевых мишек — нечто милое и уютное, но родом из детской.

Он крепко обнял ее и прижал к себе.

— Я не могу в это поверить, Айви. Все, чего я хочу и все, что мне нужно, существует здесь, на земле, — тихо проговорил он. — Прямо здесь. У меня в руках.

— Я рада за тебя, но мне этого недостаточно! — огрызнулась Айви, и даже в сумерках увидела боль в его глазах.

А потом они поссорились. В то утро Айви впервые поняла, что чем сильнее любишь, тем больше ранишь. И, что самое ужасное — ранишь не только его, но и себя. И страдаешь от его обиды не меньше, чем от собственной.

Тристан тогда ушел, и Айви прорыдала все утро. А днем все ее телефонные звонки остались без ответа. Но вечером Тристан вернулся с букетом из пятнадцати нежных бледно-лиловых роз.

«По одной для каждого ангела», — он сам так сказал...

— Айви! Айви, ты меня вообще слушаешь? — воскликнула Сюзанна, возвращая ее к действительности. — Знаешь, честно говоря, я думала, что если мы найдем тебе подходящего парня, ты вернешься, наконец, с небес на землю. Но я ошиблась. Ты опять витаешь в облаках, паришь «в зоне ангелов»!

— Мы не находили ей парня, — тихо, но твердо возразила Бет. — Они сами нашли друг друга. Вот наша машина, Айви. Хорошего праздника. Нам лучше поторопиться, кажется, надвигается гроза.

Они с Сюзанной поспешно выскочили из машины, и Айви снова посмотрела на часы. Вот теперь она уже по-настоящему опаздывала.

Разогнавшись, она пронеслась по боковой дороге и выехала на магистраль. Переезжая по мосту через реку, девушка заметила, что грозовая туча быстро приближается.

Ей нужно было доставить пакет в один из новых домов в южной части города, в тот самый пригород, куда она как-то заехала, замечтавшись после первого урока плавания. В последнее время Айви казалось, будто теперь все на свете напоминает ей о Тристане и заставляет думать о нем.

Когда торопишься, все получается только хуже. Разумеется, Айви заблудилась и принялась бессмысленно кружить по району, с тревогой поглядывая на тучу.

Прогремел гром. Деревья зашумели, показав изнанку листьев, и вдруг просияли испуганной изумрудной зеленью на фоне свинцового неба. Задул ветер. Ветки закачались из стороны в сторону, цветы и нежные листья раньше срока хлынули на землю. Айви подалась вперед и стала всматриваться в дома, торопясь найти нужный до начала ливня.

Но сегодня все было против нее. Даже найти нужную улицу оказалось проблемой. Айви была уверена, что едет по Уиллоу-стрит, но табличка бесстрастно сообщила, что она все еще на Фернуэй, в которую переходит Уиллоу.

Айви вышла из машины, чтобы убедиться, что табличка не перевернута — извечная забава местных ребятишек. В этот момент она услышала громкий звук мотора — по всей видимости, какой-то мотоцикл спускался вниз со склона холма. Айви отошла на тротуар, чтобы дать ему дорогу. На мгновение «Харлей» сбавил скорость, а потом мотор снова взревел, и мотоциклист промчался мимо.

«Ладно, придется полагаться на чутье и удачу. Улицы в этом районе города были очень крутыми, а Лиллиан обмолвилась, что миссис Эбромайтис живет на холме, и к ее дому ведет широкая лестница, с обеих сторон уставленная горшками с цветами».

Айви вернулась в машину и поехала вперед. Она чувствовала, как усиливающийся ветер раскачивает ее машину. Остатки светлого неба над головой стремительно исчезали в пасти черных туч.

Резко затормозив перед двумя домами, Айви вытащила из машины коробку и, пригибаясь от ветра, пошла на разведку. К обоим домам вели одинаковые каменные лестницы. Обе лестницы были обсажены цветами.

Подумав немного, Айви наугад выбрала одну из лестниц, но не успела пробежать мимо первого горшка с растениями, как его опрокинуло ветром, и он с грохотом разбился у нее за спиной. Айви вскрикнула от страха, и тут же нервно рассмеялась.

Добравшись до площадки, она еще раз посмотрела на оба дома. 528 и 530 — выбери любой. За домом 528 стояла машина, почти скрытая кустами, — значит, в доме кто-то есть. Затем Айви заметила в большом окне дома 528 чью-то фигуру — ей показалось, будто кто-то смотрит на нее через стекло, хотя она не могла разглядеть, мужчина это или женщина, машут ей рукой или нет. Она увидела только смутный силуэт за стеклом, превращенном грозой в хаотичный коллаж из колышущихся веток, озаренных вспышками молний.

Айви бегом бросилась к дому. Фигура в окне исчезла. В тот же миг ярко вспыхнуло крыльцо дома номер 530. Решетчатая дверь загрохотала на ветру.

— Айви? Айви? — прокричала женщина из-за двери.

— Да!!

Айви взлетела на крыльцо, вручила коробку и помчалась к своей машине. И тут небеса разверзлись, обрушив на землю потоки дождя. Ну что ж, Тристан уже не раз видел ее вымокшей до нитки.

Айви, Грегори и Эндрю сильно опоздали, поэтому Мэгги была вся на нервах. Зато Филипп даже не заметил их отсутствия. Вместе с Тристаном и своим новым школьным приятелем Сэмми он играл в новую видеоигру — один из многочисленных подарков, которыми завалил его Эндрю на день рождения.

Тристан с улыбкой посмотрел на промокшую Айви.

— Все-таки хорошо, что я научил тебя плавать, — сказал он, вставая, чтобы поцеловать ее.

Вода капала с Айви на паркет.

— Я тебя промочу, — предупредила она.

Тристан крепко обнял ее и привлек к себе.

— Я высохну, — шепнул он. — И еще мне нравится дразнить Филиппа.

— Фу! — завопил Филипп, словно услышав его слова.

— Гадость! — поддержал его Сэмми.

Айви и Тристан еще крепче вцепились друг в друга и расхохотались. Потом Айви побежала наверх, чтобы переодеться и выжать волосы. Она торопливо накрашила губы, и решила обойтись без макияжа — глаза у нее и так сияли, а щеки пылали румянцем. Порывшись в коробке с украшениями, она достала сережки, а потом вихрем сбежала вниз по лестнице и успела как раз к тому моменту, когда Филипп начал разворачивать подарки.

— Гляди, она нацепила свои павлиньи сережки, — доверительно сказал Филипп Тристану, когда Айви уселась за стол напротив них.

— Вот беда! — покачал головой Тристан. — А я, как назло, забыл свои морковные затычки для ушей.

— И креветочные хвостики, — захихикал Филипп. Айви даже не знала, кто в этот момент был счастливее — она или Филипп. Но она знала, что Грегори сейчас не до веселья. У него была очень тяжелая неделя, он как-то признался ей, что все еще тревожится за свою мать, хотя не может сказать почему.

В последнее время Грегори почти не разговаривал с отцом. Мэгги, как могла, пыталась разговорить пасынка, но все ее попытки разбивались о стену его замкнутости.

Вздыхнув, Айви повернулась к Грегори.

— Как здорово ты придумал подарить ему билеты на матч «Янки»! Филипп был так счастлив этому подарку!

— Он выбрал довольно оригинальный способ продемонстрировать это.

Это была правда. Филипп очень вежливо поблагодарил Грегори и тут же с радостным визгом запрыгал по комнате, увидев принесенный Тристаном старый номер «Спорт Иллюстрейтэд», открытый на развороте с фотографией Дона Мэттингли.

За праздничным ужином Айви все время пыталась вовлечь Грегори в разговор. Тристан тоже пытался поговорить с ним о спорте и машинах, но каждый раз получал в ответ сдержанные, односложные реплики. Айви видела, что Эндрю раздражен поведением сына, хотя Тристан ни разу не показал досады.

Генри, старый повар Эндрю — получивший расчет сразу после свадьбы, но с извинениями принятый обратно после шести недель кулинарных подвигов Мэгги — приготовил для них изысканный ужин. Но Мэгги настояла на том, чтобы собственноручно испечь именинный торт для сына, и вот теперь Генри, страдальчески закатив глаза к потолку, внес в столовую тяжелое, кривобокое сооружение, неряшливо политое растопленным шоколадом.

— Ура! Мой домашний торт! — просиял Филипп. Девять свечей, расставленных по разным углам торта, утопали в жирной, комковатой шоколадной глазури. Их тут же зажгли, и гости хором спели песню для Филиппа. Когда отзвучал последний куплет, раздался звонок в дверь. Эндрю нахмурился и встал из-за стола.

С того места, где сидела Айви, ей была видна вся прихожая. Двое полицейских, мужчина и женщина, вошли в дом и что-то негромко сказали Эндрю. Грегори наклонился к Айви, чтобы видеть, что происходит.

— Как ты думаешь, что случилось? — шепотом спросила Айви.

— Наверное, какие-то проблемы в колледже, — хмыкнул Грегори.

Тристан, сидевший напротив, вопросительно посмотрел на Айви, но она пожала плечами. Ее мать, ничего не зная о случившемся, продолжала радостно резать торт.

И тут в комнату вошел Эндрю.

— Мэгги... — Должно быть, она прочла что-то в его глазах, потому что вдруг выронила нож и бросилась к мужу. Эндрю взял ее за руку.

— Грегори, Айви, я прошу вас пройти с нами в библиотеку. Тристан, ты не мог бы остаться здесь, с мальчиками? — попросил он.

Офицеры терпеливо ждали в коридоре. Эндрю, не проронив ни слова, провел всех в библиотеку. Айви догадалась, что случилось нечто серьезное. Если бы дело касалось колледжа, Эндрю вряд ли пригласил бы на разговор ее и Грегори.

Когда все расселись, Эндрю сказал:

— Мне трудно говорить об этом, я не знаю, как начать... Грегори, твоя мать умерла.

— О, нет! — еле слышно охнула Мэгги.

Айви быстро повернулась к Грегори. Он сидел неподвижно, не сводя глаз с отца, и молчал.

— Сегодня, около половины шестого вечера в полицию поступил анонимный звонок о том, что кому-то требуется помощь по адресу, где проживала твоя мать. Когда полицейские прибыли на место, они нашли ее мертвой, с огнестрельным ранением в голову.

Грегори даже бровью не повел. Айви дотронулась до его руки. Она была холодна, как лед.

— Полиция хочет знать... Им нужно... Этого требует стандартная процедура... — запинаясь, проговорил Эндрю. Потом умоляюще повернулся к полицейским: — Может быть,

теперь вы возьмете слово?

— В рамках стандартной процедуры, — начала женщина-офицер, — нам нужно задать вам всем несколько вопросов. Мы продолжаем обыскивать дом погибшей в поисках каких-либо улик, которые могут пролить свет на обстоятельства произошедшего, однако на данный момент представляется практически очевидным, что мы имеем дело с самоубийством.

— О, Боже! — вскрикнула Мэгги.

— Какие у вас доказательства? — сипло спросил Грегори. — Мне известно, что последнее время моя мать находилась в депрессии, это началось у нее с апреля...

— О, Боже! — снова прошептала Мэгги. Эндрю хотел обнять ее, но она отшатнулась.

Айви понимала, о чем думает ее мать. Она вспомнила случай, произошедший на прошлой неделе, когда фотография Каролины и Эндрю, всегда стоявшая на столике в прихожей, вдруг упала на пол и разбилась. Эндрю тогда велел Мэгги выбросить ее на помойку. Но Мэгги этого не сделала. Ей не хотелось думать, что она «вышвырнула Каролину из дома» — сейчас или несколькими годами раньше. Но теперь все стало еще хуже. Если до сегодняшнего дня Мэгги чувствовала себя причиной несчастий Каролины, то теперь она будет считать себя виновницей ее смерти.

— Я хочу знать, — продолжал Грегори, — почему вы полагаете, что она убила себя. Это на нее не похоже. Совершенно не похоже! Она была сильной женщиной.

Айви не верила своим ушам. Как он может говорить так спокойно, четко и взвешенно?

— Во-первых, мы приняли в расчет некоторые косвенные доказательства, — вступил в разговор полицейский. — Умершая не оставила записки, однако вокруг ее тела обнаружены фрагменты порванных в клочья фотографий, — он неуверенно посмотрел на Мэгги.

— Фотографий? — переспросил Грегори.

Эндрю с шумом втянул в себя воздух.

— Мистера и миссис Бэйнс, — ответил офицер. — Газетные фотографии с их свадьбы.

Эндрю беспомощно смотрел на Мэгги. Та согнулась пополам на своем стуле, уронив голову и крепко обхватив руками колени.

Айви выпустила руку Грегори, чтобы броситься к матери, но тот с силой потянул ее назад и усадил обратно.

— Большой палец ее правой руки остался в пистолете. На ее пальцах обнаружены следы пороха и ожоги, идентичные тем, которые остаются при стрельбе из данного типа оружия. Разумеется, мы проверим пистолет на отпечатки пальцев, отправим пулю на экспертизу и непременно сообщим вам, если обнаружим что-либо неожиданное. Но уже сейчас мы можем сказать, что двери дома были заперты, и мы не обнаружили никаких следов насильственного проникновения. Далее, кондиционер был включен, а окна закрыты, следовательно... Грегори с шумом вздохнул.

— Значит, она оказалась не такой крепкой, как я думал, — перебил он. — Когда... когда это случилось?

— Мы полагаем, что между пятью и половиной шестого вечера, незадолго до нашего прибытия.

Жуткий холодок пробежал по спине Айви. Именно в это время она кружила по тому району, где жила мать Грегори. Она смотрела на стремительно темнеющее небо и мечущиеся под ветром кроны деревьев. Может быть, как раз в этот момент она проезжала мимо дома Каролины? Неужели Каролина убила себя именно тогда, в разгар грозы?

Эндрю попросил у полицейских разрешения отлучиться и вывел Мэгги из кабинета.

Грегори остался, чтобы ответить на вопросы о своей матери и обо всех известных ему проблемах в ее жизни.

Айви поднялась, чтобы уйти. Она не хотела слушать о подробностях жизни Каролины, ей нужно было как можно скорее очутиться рядом с Тристаном и спрятаться от этого кошмара в его надежных объятиях.

Но Грегори снова удержал ее. Его рука была холодна и безжизненна, а лицо оставалось бесстрастным. Однако его голос оставался настолько спокоен, что у Айви мурашки побежали по спине. Но она чувствовала, как что-то боролось в душе Грегори, словно какая-то часть его существа понимала весь ужас произошедшего и нуждалась в защите. Вот почему она осталась с ним и просидела в кабинете еще долго после того, как Тристан ушел и все остальные легли спать.

— Но ты же говорил, что Гарри собирается на свидание в пятницу? — переспросила Айви.

— Так он и собирался, — ответил Тристан, растягиваясь рядом с ней на траве. — Но девушка, которую он пригласил, передумала. Я подозреваю, получив более заманчивое предложение.

Айви сокрушенно покачала головой.

— Почему Гарри всегда выбирает недоступных девочек?

— А почему Сюзанна преследует Грегори? — вопросом на вопрос ответил Тристан.

— Наверное, по той же причине, по какой Элла гоняется за бабочками, — улыбнулась Айви, глядя на скачущую по траве кошку.

В саду у преподобного Каррутерса Элла чувствовала себя как дома. И даже лучше. Будь ее воля, она бы сюда переселилась.

Все дело в том, что наряду с львиным зевом, розами, лилиями и душистыми травами отец Тристана посадил в своем саду небольшую грядку кошачьей мяты.

— А почему ты не можешь в субботу? — спросил Тристан. — Если ты работаешь, мы могли бы сходить на поздний сеанс.

Айви села. Как же ему объяснить? Тристан всегда был для Айви на первом месте, здесь у нее не было никаких сомнений. Но они первоначально договаривались на пятницу, а теперь вдруг все переносится на субботу и — нет, лучше сказать все начистоту.

— В субботу Грегори пригласил Сюзанну, Бет и меня погулять с его друзьями.

Тристан не стал скрывать своего удивления и неудовольствия.

— Понимаешь, для Сюзанны это так важно, — поспешно затараторила Айви. — Она уже вовсю готовится к этой субботе. Да и Бет тоже очень рада — ты же знаешь, ее ведь нечасто куда-то приглашают.

— А ты? — спросил Тристан, перевернувшись на бок. Он оперся на локоть и задумчиво теребил в пальцах длинную травинку.

— Я думаю, я тоже должна пойти — ради Грегори.

— Мне кажется, в последние недели ты уже немало сделала для Грегори.

— Тристан, его мать покончила с собой! — воскликнула Айви.

— Я в курсе.

— Я живу с ним под одной крышей, — горячо продолжала Айви. — Я каждый день встречаюсь с ним на кухне, в холле и в гостиной. Я замечаю перепады его настроения, вижу его в радости и в унынии. Чаще всего в унынии, — тихо добавила она, вспомнив, как несколько дней подряд Грегори сидел и читал газеты, лихорадочно листая их в поисках какой-то информации, которую, очевидно, никак не мог найти.

— Мне кажется, он очень озлоблен, — задумчиво сказала Айви. — Он пытается это скрывать, но я думаю, он не может простить матери того, что она убила себя. Прошлой ночью, примерно в половине второго, я видела его на теннисном корте — он в бешенстве лупил мечом о стену.

Той ночью Айви вышла из дома, чтобы поговорить с Грегори. Когда она окликнула его, он резко обернулся — и она увидела, что его лицо перекошено от боли и бешенства.

— Поверь мне, Тристан, я всеми силами стараюсь помочь ему, и буду помогать дальше,

но если ты думаешь, что у меня есть к нему какие-то другие чувства... если ты думаешь, что... Тристан, это же просто глупо! Если ты думаешь — нет, я просто не могу поверить...

— Стоп, стоп, притормози, — он повалил ее на траву рядом с собой. — Ни о чем таком я не думал. Ты сама себя накручиваешь.

— Тогда что тебя раздражает?

— Думаю, две вещи. Во-первых, мне кажется, что ты многое делаешь из чувства вины...

— Вины? — взвилась Айви и, вывернувшись из-под его руки, снова села.

— Мне кажется, ты заразилась настроением своей матери, которая уверена, что она и ее семья стали причиной несчастий Каролины.

— Мы ни в чем не виноваты!

— Я знаю. Я просто хочу убедиться, что ты действительно в это веришь, а не пытаешься доказать свою невиновность человеку, который использует твои переживания в своих интересах.

— Ты просто не понимаешь, о чем говоришь! — воскликнула Айви, в смятении обрывая хохолки травы. — Ты не можешь понять, через что ему приходится пройти! Ты ведь не знаешь Грегори! Ты не был с ним рядом....

— Я знаю Грегори с первого класса, и все это время я был с ним рядом.

— Ты не считаешь, что люди могут измениться после первого класса?

— Считаю. Но я знаю Эрика столько же, сколько Грегори, — невозмутимо продолжал Тристан. — А он до сих пор остается лучшим другом Грегори. И я знаю, какие мерзкие и даже опасные фокусы еще совсем недавно проделывала эта парочка. И это вторая причина, по которой мне все это не нравится.

— Но Грегори никогда не пытался вовлечь меня или моих друзей в свои приключения, — горячо возразила Айви. — Он уважает меня, слышишь? Просто сейчас, впервые за эти три недели, он пытается хоть как-то развеяться.

Тристан продолжал с сомнением смотреть на нее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пожалуйста, пусть это не встанет между нами! — умоляюще попросила Айви.

Он протянул руку и ласково коснулся ее щеки.

— Я не позволю ничему встать между нами, Айви. Ни горам, ни рекам, ни материкам, ни континентам. Нас не разлучат ни войны, ни водопады...

— Ни сама смерть, — со смехом закончила Айви. — Я вижу, ты прочитал последний рассказ Бет?

— Гарри проглотил его в один присест.

— Гарри? Шутишь?

— Он оставил у себя копию, которую ты мне дала, — фыркнул Тристан, — и взял с меня слово, что я скажу тебе, будто потерял свой экземпляр.

Айви расхохоталась и растянулась рядом с Тристаном, положив голову ему на плечо.

— Значит, ты понимаешь, почему я не могу отказать Грегори?

— Нет, но это твой выбор, — ответил Тристан. — Значит, так тому и быть. Как насчет субботы на следующей неделе?

— А у тебя как? — спросила Айви.

— Я обедаю в «Дарни-инн».

— У Дарни? Да ты что? Значит, ты заработал кучу денег, обучая детишек плаванию?

— Достаточно, — ответил Тристан. — У тебя, случайно, нет на примете какой-нибудь

красивой девушки, которая согласилась бы отведать блюда французской кухни при свечах в моем обществе?

— Конечно, есть!

— А она свободна в следующую субботу?

— Может быть. А закуски будут?

— Она может заказать себе сразу три.

— А что на десерт?

— Малиновое суфле. И поцелуи.

— *Поцелуи?*

— Было очень весело, — сухо заметила Айви.

— А мне скучно, — процедил Эрик.

— А мне нет, — воскликнула Бет.

В этот субботний вечер она последней покинула вечеринку в университетском женском клубе. Когда нужно, Бет проявляла чудеса сообразительности. Очутившись в женской общине, она позаимствовала у одной из сестер лист бумаги и принялась деловито интервьюировать участниц вечеринки. В результате, когда всех остальных школьниц бесцеремонно выставили за дверь, Бет разрешили остаться. Падкие на лесть девушки из клуба «Сигма пи ню» были готовы на многое ради призрачной надежды стать героинями следующего романа великой писательницы.

— Эрик, рано или поздно тебе придется научиться вовремя останавливаться! — раздраженно прошипел Грегори. Он как раз уединился в уголке с симпатичной рыженькой девушкой (из-за чего Сюзанна тут же принялась пылко обжиматься с каким-то бородачом), когда Эрик вдруг решил затеять драку с огромным парнем в тенниске университетской футбольной команды. Что тут можно сказать? Это был не самый умный поступок.

Теперь Эрик стоял на широкой лестнице здания с колоннадой и молча рассматривал одну из статуй. Время от времени он качал головой из стороны в сторону, словно о чем-то беззвучно беседовал со скульптурой.

Сюзанна, заливаясь тихим смехом, лежала на спине на каменной скамейке в университетском дворике. Ее голые коленки были подняты вверх, юбка соблазнительно запахнулась. Грегори не сводил с нее глаз.

Айви отвернулась. Они с Уиллом были единственными, кто не пил в этот вечер. Уилл, похоже, чувствовал себя на университетской вечеринке как дома, но при этом весь вечер беспокойно слонялся из угла в угол. Выходит, школьные слухи о нем были справедливы: он все видел, всюду побывал, и ему все давным-давно наскучило.

Уилл, как и Айви, был новичком и появился в школе только в январе. Его отец был телепродюсером в Нью-Йорке, что автоматически давало Уиллу неслыханное преимущество перед остальными ребятами в школе. В первый же день он стал членом самой модной школьной тусовки, однако держался настолько замкнуто, что никто не мог похвастаться близкой дружбой с ним. О нем никто ничего не знал, поэтому о нем легко было распускать самые разные слухи. Большинство тех, с кем общалась Айви, считали его мега-крутым.

— А г-где т-твой с-с-старик? — вдруг крикнул Эрик. Он все еще разглядывал статую, стоящую на лестнице. — Эй, Джи-Би, это т-вой старик?

— Эрик, это старик моего старика, — холодно ответил Грегори.

Айви только сейчас сообразила, что они стоят перед статуей дедушки Грегори. Ну

конечно! Это же Бэйнс-холл!

— А п-почему тогда т-т-тут нет т-твоего па-пашки?

Грегори сел на скамейку напротив Сюзанны.

— Я полагаю, потому, что он еще не умер. — Он запрокинул голову и сделал огромный глоток из бутылки с пивом.

— А п-почему тут нет т-твоей мамыши? Вместо ответа Грегори сделал еще один глоток из бутылки.

Эрик хмуро посмотрел на статую.

— Это нечестно! Я по ней скучаю. Слышишь? Я скучаю по с-старушке Каролине. Ты ведь знаешь это, да, Жи-Би?

— Я знаю, — спокойно ответил Грегори.

— Вот! А раз так, д-давай поставим ее с-сюда! — пьяно усмехаясь, Эрик подмигнул Грегори.

Тот промолчал. Айви бесшумно подошла к нему и, встав за спиной, положила руку ему на плечо.

— Я всегда ношу Каролину с собой, в кармане, — ухмыльнулся Эрик.

Все молча смотрели, как он хлопает себя по карманам, роется в куртке. Наконец, Эрик выудил откуда-то женский бюстгальтер, и на миг прижал его к щеке.

— Еще теплый, а?

Айви положила вторую руку на плечо Грегори. Она чувствовала, что он весь напрягся, как натянутая пружина.

Тем временем Эрик намотал бюстгальтер на руку и начал карабкаться на статую.

— Ты убьешься, — тихо сказал Грегори.

— Как твоя мамаша, — ответил Эрик.

Грегори снова припал к бутылке. Айви взяла его за виски и отвернула от Эрика. Грегори прижался щекой к ее ладони, и она почувствовала, как он немного расслабился. Сюзанна и Уилл пристально смотрели на них, причем в глазах Сюзанны полыхал какой-то недобрый огонек.

Но Айви не убрала руки до тех пор, пока Эрик не закончил напяливать бюстгальтер на статую судьи Бэйна. Когда все было закончено, Айви конфисковала из пакета несколько неоткупоренных бутылок пива и подошла к Сюзанне.

— Боюсь, Грегори снова захочет утешиться этим, — сказала она, кивая на бутылки.

— Даже после того, как ты и рыженькая наперебой утешали его, как могли? — прищурилась Сюзанна.

Айви промолчала. Сюзанна слишком много выпила, не стоит принимать ее слова всерьез.

И тут они услышали дикий вопль Эрика. Обернувшись, они с ужасом увидели, что он съезжает вниз по статуе. Приземлившись на гравийную дорожку, Эрик остался лежать неподвижно, съездившись, как улитка. Уилл бросился к нему. Грегори пьяно расхохотался.

— Ничего не разбил, кроме мозгов, — пробормотал Эрик, когда Уилл поднял его на ноги.

— Мне кажется, нам пора вернуться в машину, — холодно заметил Уилл.

— Но вечеринка только началась! — возразил Грегори, вставая со скамейки. Очевидно, алкоголь ударил ему в голову. — Я не хочу домой. Кто знает, когда мне в последний раз было так здорово!

— Я знаю, — хмыкнул Эрик.

— Вечеринка закончится сразу же после того, как нас застукает полиция кампуса, — заметил Уилл.

— Мой папаша — президент колледжа, — процедил Грегори. — Он отмажет нас от неприятностей.

— И вмажет так, что мало не покажется, — добавил Эрик.

Айви посмотрела на часы. Было без четверти одиннадцать. Интересно, где сейчас Тристан и что он делает? Скучает по ней? Она могла бы сейчас сидеть рядом с ним, наслаждаясь теплой июньской ночью...

— Идем, Бет, — резко сказала Айви, жалея о том, что втянула своих подруг в эту дурацкую историю. — Сюзанна! — рявкнула она.

— Слушаюсь, мамочка, — пропищала Сюзанна.

Грегори расхохотался, и Айви почувствовала себя уязвленной. Но потом она вспомнила, что Сюзанна и Грегори просто напились, и обижаться на них глупо.

Прошло немало времени, прежде чем они отыскали машину Грегори. Когда они вшестером подошли к машине, Уилл повернулся к Грегори и протянул руку за ключами.

— Ты не возражаешь, если я сяду за руль?

— Я сам, — огрызнулся Грегори.

— Только не сейчас, — дружелюбно возразил Уилл, не убирая протянутой руки.

Но Грегори отпихнул его и закричал:

— Я никому не позволю вести мой бимер!

Уилл молча посмотрел на Айви.

— Ну же, Грегори, — ласково сказала она. — Давай я буду твоим «трезвым водителем»?

— Если ты не будешь вести, — добавил Уилл, — то сможешь пить, сколько захочешь.

— Я буду пить столько, сколько захочу, и вести машину столько, сколько захочу! — заорал Грегори. — А кому не нравится, может топтать пешком.

Айви всерьез подумала о том, чтобы прогуляться пешком — до ближайшего телефона, чтобы вызвать такси. Но она понимала, что Сюзанна в любом случае останется с Грегори и не могла ее бросить.

В конце концов, это она пригласила подруг на эту дурацкую вечеринку!

Уилл попросил у Айви свитер, завернул его в свою куртку и расстелил между двумя передними креслами, соорудив нечто вроде третьего сидения спереди. Эрика он посадил рядом сбоку, так что теперь впереди сидели трое. Айви села сзади, между Сюзанной и Бет.

— Слушай, Уилл, — протянул Грегори, задумчиво глядя, как тот протискивается через Эрика в центр. — Мне кажется, ты что-то напутал. Сюзанна, иди сюда!

Айви решительно усадила подругу назад.

— Иди сюда, я сказал! Пусть Уилл сядет сзади, рядом с девушкой своей мечты.

Айви со вздохом покачала головой.

— Те, кого может стошнить, сидят возле окон, — невозмутимо отрезал Уилл.

Айви пристегнула Сюзанну ремнем.

Грегори пожал плечами и завел двигатель. Он ехал быстро — слишком быстро. Шины визжали на поворотах, пахло паленой резиной, машину сильно заносило. Бет закрыла глаза. Когда машину стало резко бросать из стороны в сторону, Сюзанна и Эрик дружно высунули головы в окна. Айви смотрела прямо перед собой, напрягаясь всем телом каждый раз, когда Грегори притормаживал или поворачивал, словно вела машину вместо него. Но реально

Грегори помогал Уилл. Только теперь Айви поняла, для чего он сел на это опасное место, где даже пристегнуться было нельзя.

Они двигались куда-то на юг, бесконечно плутая по узким проселочным дорогам, и когда наконец пересекли мост и повернули к городу, Айви не смогла сдержать вздох облегчения. Но тут Грегори снова резко свернул на север и поехал по дороге, бегущей между рекой и горами, мимо железнодорожного вокзала, куда-то за город.

— Куда мы едем? — спросила Айви, когда они понеслись по узкой дороге, озаряя фарами плотные ряды деревьев.

— Увидишь.

Эрик с трудом оторвал голову от двери машины.

— Цып-цып-цып, — пропел он. — Кто у нас цыпа-цыпа?

Высокие темные горы вздымались справа от них; с каждой секундой они все сильнее наступали на дорогу, оттесняя ее к железнодорожному полотну, проходившему слева. Айви догадалась, что они приближаются к железнодорожному мосту через реку.

— Двойной мост, — шепнула ей на ухо Бет, когда они съехали с дороги. Грегори выключил двигатель и фары. Они очутились в кромешной тьме.

— Кто у нас цыпа-цыпа? — проблеял Эрик, раскачивая головой из стороны в сторону.

Айви замутило от запахов алкоголя и выхлопного газа. Они с Бет поспешно вылезли из машины. Сюзанна распахнула дверь со своей стороны, но осталась сидеть внутри. Грегори открыл багажник. Еще одна спайка пива.

— Где ты его взял? — резко спросила Айви. Грегори с ухмылкой обнял ее и притянул к себе.

— Вот тебе еще один повод поблагодарить нашего старика Эндрю.

— Эндрю купил тебе пива? — недоверчиво переспросила Айви.

— Нет. Это сделала его покладистая кредитка. Они с Эриком вытащили себе по бутылке из пачки.

Айви понимала, что Грегори необходимо выпустить пар, она помнила, что он еще не оправился после гибели матери, но уже ничего не могла с собой поделаться и с каждой минутой все сильнее злилась. Но сейчас ее гнев впервые уступил место страху.

Река была совсем близко — Айви слышала, как волны накатывали на берег. Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела высоко над головой провода электропоездов.

Теперь она поняла, зачем Грегори приехал сюда: они с Эриком хотят сыграть в «цыпленка на железнодорожном мосту»^[4]. У Айви не было ни малейшего желания идти следом за Грегори, который уже вел их притихшую компанию к мостам, но она не могла остаться у машины, потому что отвечала за напившуюся до чертиков Сюзанну.

Эрик подтолкнул ее в спину и снова запел высоким, срывающимся голосом:

— Кто у нас цыпа-цыпа?

Маленькие камешки с сухим шорохом катились у них из-под ног. Эрик и Сюзанна то и дело спотыкались на шпалах. Они вшестером молча шагали по обсаженной деревьями дороге, предназначенной для поездов, связывающих Нью-Йорк с северными пригородами.

Наконец, дорога закончилась, и Айви увидела два моста, висящих параллельно друг другу — стальные рельсы нового моста посверкивали в каких-нибудь семи футах от старого. Здесь не было ни перил, ни ограждений. Ажурные металлические конструкции внизу казались злобещей темной паутиной, раскинувшейся над черной рекой. Старый мост обвалился прямо посередине. Два покореженных пролета были похожи на две руки, которые

мучительно тянулись друг к другу с противоположных берегов, растопырив пальцы из металла и гнилого дерева, но никак не могли сойтись в рукопожатии. Далеко внизу, под обоими мостами, бурлила и шипела вода.

— Идите за вожаком, идите за вожаком, — запел Эрик и побежал впереди всех, нелепо выкидывая ноги. Он направлялся к новому мосту.

Айви просунула два пальца за пояс юбки Сюзанны.

— Ты никуда не пойдешь.

— Пусти меня! — завопила Сюзанна.

Она попыталась побежать за Эриком на мост, но Айви ее удержала.

— Пусти!

Какое-то время они молча боролись, а Грегори глупо хохотал над ними обеими. Затем Сюзанна все-таки ухитрилась вырваться. Айви в отчаянии бросилась за ней, ухватила за голую ногу и дернула на себя, так что Сюзанна споткнулась о рельс и покатила по насыпи вниз, в кусты. Здесь она попыталась подняться, но не смогла. Потрепыхавшись какое-то время, Сюзанна неуклюже осела на землю и, сжав кулаки, злобно уставилась на Айви.

— Бет, сходи, посмотри, как она там, — попросила Айви, снова поворачиваясь к Эрику. Тот был уже на мосту и над водой. Теперь он скакал и кривлялся на рельсах, так что в темноте его тощее длинное тело было до жути похоже на танцующий скелет.

— Цып-цып-цып, мои цыплятки, — дразнил он остальных. — Да вы все цыплята, цыпочки, цыпы!

Грегори хохотал, привалившись к дереву. Уилл молча смотрел на Эрика, лицо его было мрачно.

А потом все разом повернули головы, услышав громкий свист над рекой.

Они узнали свисток ночного поезда, который Айви так часто слышала из дома на вершине холма — леденящий кровь звук, от которого у нее каждый раз обрывалось сердце, как будто этот ночной вопль окликал ее, чтобы забрать с собой.

— Эрик! — одновременно закричали они с Уиллом. Бет держала за пояс согнувшуюся пополам Сюзанну, которую рвало в кустах.

— Эрик!

Уилл бросился к нему, но Эрик, словно безумный, поскакал от него по шпалам. Уилл побежал за ним.

«Они оба погибнут», — подумала Айви.

— Уилл, вернись! Уилл! Не надо, Уилл!

Поезд влетел на мост, его ослепительные глаза прорезали ночь, превратив фигуры двух парней в черные силуэты, вырезанные из тонкой бумаги.

Айви видела, как Эрик приплясывает на самом краю моста. Далеко внизу, под ним, зловеще блестели вода и скалы.

«Он хочет перепрыгнуть на старый мост! — догадалась Айви. — Но ведь он пьян вдрызг! Он не сумеет».

«Ангелы, помогите нам! — беззвучно взмолилась она. — Ангел воды, где ты? Тони! Я взываю к тебе!»

Эрик наклонился и вдруг рухнул вниз.

Айви закричала. Ей казалось, что они с Бет кричали целую вечность.

Тем временем Уилл уже бежал по мосту назад, спотыкаясь и снова бросаясь вперед. Поезд неся, не замедляя ход. Он был огромный и черный. Он был гигантский, как ночь, и в

центре его горел один чудовищный, слепящий глаз. Двадцать футов, пятнадцать — нет, Уиллу ни за что не успеть! Он казался мотыльком, которого беспомощно тянет на смертельный свет.

— Уилл, Уилл! — надрывалась Айви. — Ангелы небесные...

И тут он прыгнул.

Поезд промчался мимо, земля содрогнулась под его стремительной тяжестью, в воздухе запахло горячим металлом. Айви бросилась вниз с насыпи, пробираясь через кусты в ту сторону, куда спрыгнул Уилл.

— Уилл! Уилл, отзовись! Уилл!

— Я здесь, здесь. Я цел.

Он стоял прямо перед ней.

«Ангелы спасли тебя!» — подумала Айви.

Они бросились друг к другу, обнялись и замерли. Айви не знала, кто из них дрожит сильнее, он или она.

— А Эрик? Он...

— Я не знаю, — быстро ответил Уилл. — Здесь можно спуститься к реке?

— Давай попробуем с другой стороны.

Они начали вместе карабкаться вверх по склону. Когда они выбрались на вершину, то остановились и замерли, не веря своим глазам. Эрик — живой и невредимый — шел им навстречу по новому мосту, толстая веревка и амортизирующий трос болтались у него на плече.

Им потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что произошло. Потом Айви резко обернулась и посмотрела на Грегори. Значит, это была всего лишь шутка? И он с самого начала знал об этом?

Грегори широко улыбался.

— Отлично, — сказал он Эрику. — Просто отлично.

— Знаешь, чего я никак не могу понять? — сказал Грегори, склонив голову набок и внимательно рассматривая Айви, стоявшую перед ним в коротенькой шелковой юбке. На лице его играла коварная усмешка. — Я не понимаю, почему ты больше никогда не надеваешь то прелестное платье, в котором произвела такой фурор на свадьбе.

Мэгги подняла глаза от тарелки с закусками, которую несла наверх в комнату Эндрю. Этим вечером все собирались ужинать в городе.

— Ах, милый, мне кажется, это платье было бы слишком роскошным для ужина в «Дарни Инн», — ласково проворковала она. — Но ты совершенно прав, Грегори. Айви непременно должна придумать, куда бы его надеть.

Айви ослепительно улыбнулась матери и сурово посмотрела на Грегори. Тот еще шире ухмыльнулся.

Когда Мэгги вышла из кухни он, снисходительно бросил:

— Выглядишь роскошно, — Грегори сказал это небрежно, но при этом так и пожирал ее глазами. Айви уже давно перестала ломать голову над странными замечаниями Грегори — вот и сейчас она не знала, смеется он над ней или говорит всерьез. В последнее время она все чаще пропускала его слова мимо ушей. Может быть, она просто привыкла к нему, вот и все.

— Ты привыкла искать для него оправдания, — резко сказал Тристан, когда она рассказала ему о субботнем происшествии.

Отчасти это была правда. В ту ночь Айви страшно рассердилась на Эрика за его идиотскую шутку. Однако Грегори так и не признал, что имел какое-то отношение к этому розыгрышу. Он только пожал плечами и хмыкнул:

— Никогда не знаешь, что Эрик затеет в следующий раз. За это я его и ценю. Он забавный.

Разумеется, Айви была зла и на Грегори тоже. Но ведь она жила с ним под одной крышей и видела, как он мучается.

После смерти матери он порой часами сидел на одном месте, погруженный в свои мысли. Айви помнила, как однажды Грегори предложил ей прокатиться на машине и привез в тот район, где жила его мать. Она тогда рассказала ему, что была здесь в тот грозовой вечер. После этого Грегори вдруг замолчал и всю дорогу обратно старался не смотреть на нее.

— Нужно быть каменной, чтобы не сочувствовать ему, — сказала тогда Айви Тристану и положила конец этому разговору.

Она не могла не заметить, что Грегори и Тристан старательно избегают друг друга. Вот и теперь, как только Тристан подъехал к крыльцу, Грегори словно ветром сдуло.

Тристан всегда старался приехать пораньше, чтобы немного поиграть с Филиппом. Но сегодня Айви с непривычным удовлетворением заметила, что Тристан никак не может сосредоточиться, хотя хозяева поля в решающем матче серии уступали гостям два очка, несмотря на все усилия блистательного Дона Мэттингли. Вторая база была проиграна, потому что питчер во время игры все время косился на Айви.

Когда Тристан в третий раз не смог вспомнить, сколько аутов уже было в этом иннинге, терпение Филиппа лопнуло, и он отправился на поиски Сэмми. Тристан и Айви

воспользовались этим, чтобы тихонько улизнуть из дома.

По дороге к машине Айви заметила, что Тристан сегодня непривычно молчалив.

— Как дела у Эллы? — спросила она, пытаясь его разговорить.

— Хорошо.

Айви подождала. Обычно Тристан рассказывал ей какую-нибудь забавную историю из жизни Эллы, но теперь этого не последовало.

— Просто хорошо?

— Очень хорошо.

— Ты купил ей новый бубенчик на ошейник?

— Да.

— Тристан, что-то случилось? Он помедлил с ответом.

«Все дело в Грегори! — сокрушенно подумала Айви. — Он до сих пор не может смириться с Грегори и тем, что произошло в прошлую субботу...»

— Расскажи мне, пожалуйста.

Тристан посмотрел ей в лицо. Потом медленно провел пальцем по ее затылку и шее. Этим вечером Айви заколола волосы в высокую прическу. На ней был простой топик с маленькими пуговками спереди, оставлявший плечи совсем открытыми, если не считать двух тоненьких бретелек.

Тристан погладил ее по шее, скользнул рукой по обнаженному плечу.

— Иногда мне сложно поверить в то, что ты настоящая, — сказал он.

Айви сглотнула. Тристан все так же бережно поцеловал ее в шею под подбородком.

— Может быть... может, нам лучше сесть в машину, — прошептала она, испуганно оглядываясь на окна дома.

— Конечно.

Он открыл перед ней дверцу. На пассажирском сиденье лежали розы — целая охапка хрупких, нежно-лиловых роз.

— Ой, я совсем про них забыл, — спохватился Тристан. — Занести их в дом?

Айви сгребла розы и зарылась в них лицом.

— Нет. Пусть будут со мной.

— Они завянут, — предупредил Тристан.

— Мы поставим их в воду в ресторане.

— Это сразу покажет метрдотелю, какие мы важные птицы! — улыбнулся Тристан.

— Они такие красивые.

— Да, — тихо согласился Тристан. Он снова окинул ее взглядом с головы до ног, словно хотел запомнить навсегда. Потом поцеловал в лоб и взял у нее из рук розы, чтобы она могла сесть в машину.

По дороге они болтали о планах на остаток лета. Айви была рада, что Тристан выбрал дорогу в объезд, вместо того, чтобы мчаться по трассе.

Зеленые деревья, пропитанные запахами июня, дарили тень и прохладу. Их кроны сияли на солнце, словно на них пролился дождь золотых монет, выпавших из пальцев ангелов. Тристан вел машину по петляющим проселочным дорогам, держа одну руку на руле, а второй касаясь Айви, как будто боялся, что она может исчезнуть.

— Я хочу поехать на Можжевеловое озеро, — говорила Айви. — Заплыву в самое глубокое место, буду плыть и плыть, целый час, и чтобы солнце сверкало на пальцах моих рук и ног...

— Пока к тебе не подплывет большая-пребольшая рыба, — засмеялся Тристан.

— И при луне тоже буду плавать, — заявила Айви.

— При луне? Уж не собираешься ли ты плавать в темноте?

— С тобой — запросто! В темноте можно купаться голыми...

Тристан посмотрел на нее и не сразу отвел глаза.

— Наверное, мне лучше не смотреть на тебя, когда я за рулем, — пробормотал он.

— Тогда остановись, — тихо попросила Айви.

Он бросил на нее быстрый взгляд, и она испуганно прижала ладошку к губам. Но слова уже были сказаны, и она вдруг почувствовала страшный стыд и смущение. Приличные парочки, нарядившиеся для похода в дорогой ресторан, не должны съезжать на обочину, чтобы целоваться в машине.

— Мы можем опоздать к назначенному времени, — пролепетала Айви. — Лучше поедем поскорее.

Тристан съехал с дороги.

— Здесь рядом река, — сказал он. — Не хочешь прогуляться к ней?

— Хочу.

Она переложила розы на заднее сиденье, а Тристан распахнул ей дверь.

Айви встала. Ее высокие каблуки тут же ушли в глину.

Она рассмеялась, и Тристан легко подхватил ее на руки.

— Я тебя отнесу, — шепнул он.

— Не надо, ты уронишь меня в грязь!

— Не раньше, чем мы вернемся обратно, — захохотал он и, подняв ее повыше, схватил за ноги, так что Айви оказалась перекинутой через его плечо, словно мешок.

Она со смехом забарабанила его кулачками по спине. Заколки градом посыпались с ее волос на землю.

— Мои волосы! Моя прическа! Поставь меня сейчас же!

Он слегка потянул ее за ноги вниз, и Айви заскользила по его груди — при этом юбка у нее поехала вверх, а волосы упали вниз.

— Айви.

Тристан с такой силой прижал ее к себе, что она почувствовала дрожь, сотрясавшую его тело.

— Айви? — еще тише шепнул он.

Она открыла рот — и прижалась губами к его шее.

А потом они одновременно потянулись к ручке задней двери машины.

— Никогда не думала, что на заднем сиденье может быть, так романтично, — сказала Айви спустя неизвестно сколько времени. Она откинулась на спинку сиденья и с улыбкой посмотрела на Тристана. Потом перевела взгляд на кучу мусора, валявшегося на полу машины. — Знаешь, по-моему, твоему галстуку нечего делать в использованном стаканчике из «Бургер Кинг».

Брезгливо сморщившись, Тристан выудил галстук из стакана. Перекинул мокрую тряпку в переднюю часть машины и снова плюхнулся на сиденье рядом с Айви.

— Ой!

В салоне запахло раздавленными цветами. Айви весело расхохоталась.

— Что смешного? — проворчал Тристан, вытаскивая из-под себя изуродованные розы.

Потом не выдержал и тоже рассмеялся.

— Ты не забыл, что мы сидим в машине твоего отца? — спросила Айви. — Вдруг кто-нибудь пройдет мимо и заметит на бампере пасторскую наклейку?

Тристан перебросил цветы на переднее сиденье и снова притянул Айви к себе. Сдвинул шелковую бретельку ее платья, нежно поцеловал в плечо и прошептал:

— Придется сказать им, что я был в машине с ангелом.

— Ну, ты даешь!

— Айви, я люблю тебя, — сказал Тристан, мгновенно посерьезнев.

Несколько секунд она молча смотрела на него, потом прикусила губу.

— Для меня это не игра. Я люблю тебя, Айви Лайонс, и когда-нибудь ты в это поверишь.

Тогда она обняла его и крепко прижала к себе.

— Люблю тебя, Тристан Каррутерс, — еле слышно шепнула Айви ему в шею. Она верила ему, доверяла ему, как никому на свете. Когда-нибудь она решится сказать все это вслух, в полный голос.

Да-да, когда-нибудь она так и скажет: «Я люблю тебя, Тристан Каррутерс!» Или даже не скажет, а прокричит из окна. Или напишет огромными буквами на перетяжке и вывесит над школьным бассейном.

Им понадобилось несколько минут, чтобы привести себя в порядок и снова пересесть на передние сиденья. Айви снова тихонько рассмеялась.

Тристан повернулся к ней и тоже улыбнулся, глядя, как она пытается привести в порядок золотистую пряжу своих тонких волос. Напрасные старания! Он завел мотор и поехал по корням и камням, выруливая на узкую дорогу.

— Бросим последний взгляд на реку, — предложил Тристан перед крутым поворотом.

Июньское солнце, опускаясь за отроги далеких гор на западе сельских просторов Коннектикута, бросало косые лучи на верхушки деревьев, осыпая их хлопьями расплавленного золота. Петляющая дорога вскоре влилась в тенистый туннель кленов, тополей и дубов.

Айви почудилось, будто они с Тристаном нырнули под воду: закатное солнце сверкало где-то высоко вверху, а они вдвоем плыли в глубоком ущелье, пестревшем синими, алыми и темно-зелеными красками. Тристан включил фары.

— Не торопись, — сказала Айви. — Мне уже расхотелось есть.

— Я испортил тебе аппетит?

Она покачала головой.

— Наверное, я просто слишком счастлива, — тихо сказала она.

Машина понеслась быстрее, потом резко вильнула.

— Тристан, не надо торопиться.

— Забавно, — пробормотал Тристан. — Не пойму, почему... — Он обескураженно посмотрел вниз, на педали. — Такое впечатление, что...

— Помедленнее, пожалуйста! Ничего страшного, если мы немного опоздаем, ведь... Ой! — вскрикнула Айви, указывая рукой вперед. — Тристан!

Что-то выскочило из кустов прямо на дорогу. Она не успела разглядеть, что это было — просто какое-то движение в темноте. В следующий миг олень замер. Он повернул голову и уставился на яркие фары машины.

— Тристан!

Теперь они мчались прямо в сияющие глаза оленя.

— Тристан, ты что, не видишь?

Машина продолжала нестись.

— Айви, тут что-то...

— Олень! — закричала она.

Глаза оленя сверкнули. Внезапно за его спиной полыхнул свет, и ослепительная вспышка на миг высветила черный силуэт животного. Навстречу неслась машина. Со всех сторон стеной высились деревья. Свернуть было некуда.

— Остановись! — надрывалась Айви.

— Я...

— Остановись, почему ты не тормозишь? — умоляюще прорыдала она. — Остановись, Тристан!

Лобовое стекло взорвалось ливнем осколков.

Впоследствии Айви не могла вспомнить ничего, кроме водопада битого стекла.

Это было, словно во сне: глаз оленя вдруг превратился в черный туннель, в центре которого горел ослепительный свет. Тристан снова и снова давил на тормоз, но ничто не могло остановить безумного разбега, ничто не могло спасти их от гонки по длинной воронке тьмы к финальной вспышке света.

На миг он почувствовал страшную тяжесть, словно деревья и небеса обрушились на него сверху. Потом последовала ослепительная вспышка — и тяжесть исчезла. Он освободился.
Ты нужен ей.

«Айви!» — закричал Тристан.

Тьма снова завихрилась вокруг него, и дорога вдруг превратилась в бешено крутящийся волчок, где черные спирали переходили в алые, а темноту ночи прорезали пульсирующие огни скорой помощи.

Ты нужен ей.

Он не слышал этих слов, но понимал их. Слышат ли другие? Понимают ли?

«Айви! Где Айви? Вы должны помочь Айви!»

Она лежала совершенно неподвижно. Вся в чем-то красном.

«Помогите ей, кто-нибудь! Вы должны ее спасти!» Но он почему-то не смог остановить санитаров, не смог даже дернуть его за рукав.

— Пульса нет, — произнес женский голос. — Все кончено.

«Помогите ей!»

Спираль красного света вдруг вытянулась, расслоилась, стала прерывистой. Ленты света и тьмы помчались следом за ним, держась рядом, но не сливаясь друг с другом. Она здесь? Она с ним?

Ай-вишии, Ай-вишии... — выла сирена.

Потом он очутился в квадратной комнате. Здесь был день или просто ярко горел свет. Вокруг суетились люди. «Больница», — догадался Тристан. Лицо его было чем-то накрыто, поэтому он не видел света. Тристан не знал, как долго это продолжалось.

Кто-то склонился над ним.

— Тристан... — произнес дрожащий срывающийся голос.

«Папа?»

— О Боже... Господи, почему ты это допустил?

«Папа, где Айви? Она в порядке?»

— Боже мой, Боже мой... Сынок! — бормотал отец.

«Они ей помогают?»

Отец ничего не ответил.

«Ответь мне, папа! Почему ты молчишь?»

Отец держал его лицо в своих ладонях. Он склонился над ним, его слезы падали на лицо Тристана...

«На *мое* лицо? — с недоумением переспросил себя Тристан. — Это же мое лицо!»

Но почему тогда он смотрит на себя и на отца словно со стороны?

— Мне очень жаль, мистер Каррутерс, — сказала женщина в медицинской форме, стоявшая рядом с его отцом.

Но отец даже не посмотрел на нее.

— Умер на месте? — глухо спросил он.

Женщина кивнула.

— Мне очень жаль. Мы ничего не могли сделать.

Тристан почувствовал, как тьма снова обступает его со всех сторон. Он изо всех сил напрягся, пытаясь остаться в сознании.

— Что с Айви? — спросил его отец.

— Многочисленные порезы и ушибы, сейчас пребывает в шоке. Зовет вашего сына.

Тристан должен был найти ее. Он посмотрел на дверь, сосредоточил все свои силы — и прошел через нее. Потом сквозь еще одну, и еще — с каждым разом он чувствовал себя все сильнее и увереннее.

Он несся по коридору. Люди, словно не замечая его, шли прямо навстречу.

Тристану то и дело приходилось уворачиваться, отшатываясь то вправо, то влево. Похоже, он бежал намного быстрее их всех, но почему-то никто даже не думал уступить ему дорогу.

Медсестра шла ему прямо навстречу. Тристан остановился, чтобы спросить ее, где Айви, но она равнодушно прошла мимо.

Он свернул за угол и едва не налетел на тележку с бельем. В следующий миг он увидел прямо перед собой мужчину, катившего эту тележку. Тристан обернулся — тележка и мужчина были уже у него за спиной.

Юноша понял, что они прошли сквозь него, словно его здесь не было. Он слышал, что сказала врач его отцу. И все-таки его разум продолжал искать какое-то другое — какое угодно! — объяснение. Но другого объяснения не было.

Он умер. Никто его не видит. Никто не знает, что он здесь. И даже Айви его не увидит. И не узнает.

Тристан почувствовал такую боль, какой никогда не испытывал в жизни. Он сказал Айви, что любит ее, но ему не хватило времени доказать ей это. А теперь у него вообще не осталось времени. Она никогда не поверит в его любовь так, как верит в своих ангелов.

— Я не могу говорить громче! Ты слышишь меня?

Тристан поднял голову. Он стоял в дверях какой-то палаты. Внутри, на больничной кровати лежала незнакомая старушка. Она была совсем маленькая, словно высохшая, и вся седая; длинные тонкие трубки соединяли ее с какими-то аппаратами. Она была похожа на паука, попавшегося в собственную паутину

— Подойди, — попросила старуха.

Тристан оглянулся, чтобы посмотреть, к кому она обращается.

Позади никого не было.

— Мои старые глаза совсем сдали, я уже давно не вижу собственной руки, даже если поднесу ее к самому носу, — проговорила старая женщина. — Но я вижу твой свет.

Тристан снова оглянулся. Голос старухи звучал твердо и уверенно. Он казался намного больше и сильнее ее маленького слабого тела.

— Я знала, что ты придешь за мной, — сказала она. — Я была очень терпелива и все время ждала тебя.

«Она кого-то ждала! — с облегчением понял Тристан. — Наверное, сына или внука, и теперь принимает меня за кого-то из них. Но почему она видит меня, когда другие не видят?»

Лицо старушки сияло радостью.

— Я всегда верила в тебя, — проговорила она, протягивая тонкую высохшую руку к Тристану. Забыв о том, что его рука сейчас пройдет сквозь руку старухи, он потянулся к ней. Старушка закрыла глаза.

В следующее мгновение включилась сигнализация. Три сестры опрометью вбежали в палату. Когда они столпились над кроватью, Тристан тихо отошел в сторону. Он понял, что они пытаются вернуть старую женщину к жизни, но знал, что их усилия окажутся тщетными. Он не ломал себе голову над тем, откуда к нему пришло это знание, он просто знал и все. И еще он был уверен в том, что старая женщина не хочет возвращаться.

Может быть, она что-то знала о нем?

Но что она могла знать?

Тристан почувствовал, как на него снова надвигается тьма. Он боролся с ней, как мог. Он не хотел во тьму. Что если он уже не сможет вернуться обратно? Он должен был вернуться, он должен был в последний раз увидеть Айви.

Отчаянно сражаясь с подступающим беспамятством, Тристан обшаривал глазами палату, стараясь задержать внимание на каждом предмете. И вот тогда он впервые заметил то, что стояло на выдвижном столике перед кроватью, рядом с лежащей там же книгой: маленькая статуэтка с рукой, протянутой к старушке, и с ангельскими крыльями за спиной.

Много-много дней после этой ночи Айви помнила только ливень битого стекла, хлынувший в машину. Авария была словно сон, который продолжал ей сниться, но стирался из памяти. Он мог нахлынуть на нее в любой момент, как во сне, так и наяву. Тогда все ее тело напрягалось, а сознание начинало отматываться назад, но она не могла вспомнить ничего, кроме звука треснувшего ветрового стекла и водопада осколков, брызнувшего внутрь, словно в замедленной съемке.

Каждый день какие-то люди приходили и уходили из дома.

Сюзанна, Бет, другие ученики и учителя из школы. Гарри пришел всего один раз, и это был слишком мучительный визит для них обоих. Время от времени заглядывал Уилл.

Посетители приносили ей цветы, сладости и свое сочувствие. Айви не могла дожидаться, когда они уйдут, когда оставят ее одну, когда настанет ночь и можно будет уснуть. Но по ночам она лежала без сна в своей постели, и ей приходилось целую вечность ждать наступления очередного дня.

На похоронах они все стояли вокруг нее — мама и Эндрю с одной стороны, Филипп с другой. Айви позволила Филиппу выплакать все слезы вместо нее.

Грегори стоял сзади и время от времени клал руку ей на плечо. В какой-то момент Айви прислонилась к нему. Он единственный из всех не приставал к ней с расспросами и не просил поговорить о случившемся. Похоже, он единственный понимал всю глубину ее горя и не твердил, как попугай, что она должна все вспомнить, чтобы исцелиться.

Мало-помалу она вспоминала — или ей рассказывали — о том, что случилось. Доктора и полицейские дали ей все необходимые подсказки.

Ее руки были покрыты многочисленными порезами. Ей сказали, что она, скорее всего, закрывала руками лицо, пытаясь защититься от осколков. Невероятно, но кроме этих порезов у нее на теле остались только синяки от ремня безопасности. Должно быть, Тристан в последний момент выкрутил руль, потому что машина была развернута вправо, и столкновение с оленем произошло со стороны водителя.

«Он сделал это, чтобы спасти меня», — поняла Айви, хотя полицейские этого не

говорили. Айви рассказала полицейским, что Тристан пытался затормозить, но не смог. Уже смеркалось. Олень появился неожиданно.

Больше она ничего не помнила. Потом кто-то сказал ей, что машина Тристана была разбита в лепешку, но Айви отказалась даже взглянуть на фотографию в газете.

Через неделю после похорон ее навестила мать Тристана и принесла портрет сына. Она сказала, что это ее любимая фотография.

Айви бережно взяла ее в руки. Тристан улыбался. На нем была старая бейсболка, надетая, как всегда, козырьком назад, и потертый школьный пиджак, и он смотрел на Айви так, как сотни раз смотрел при жизни. Казалось, он сейчас спросит ее, не хочет ли она еще разок поплавать с ним в бассейне. И тогда, впервые после аварии, Айви разрыдалась.

Айви не слышала, как Грегори вошел в кухню, где они сидели с матерью Тристана. Увидев доктора Каррутерс, Грегори грубо спросил, что она тут делает.

Айви показала ему фотографию Тристана, и Грегори сердито повернулся к миссис Каррутерс.

— Все уже кончено! — процедил он. — Айви пытается пережить это и забыть. Ей не нужны лишние напоминания!

— Если ты любил кого-то, то ничего не заканчивается, — тихо ответила миссис Каррутерс. — Ты продолжаешь жить дальше, потому что ничего другого не остается, но несешь любимого с собой, в своем сердце.

Она снова повернулась к Айви и сказала:

— Ты должна говорить и вспоминать, Айви. Тебе нужно как следует поплакать. Выплакаться. И еще тебе нужно рассердиться. Дать волю своему гневу. Я это сделала. И делаю.

— Знаете, что, — снова перебил ее Грегори. — Я уже устал выслушивать всю эту чушь. Все кругом только и делают, что советуют Айви вспомнить и поговорить о том, что случилось. У каждого есть своя доморощенная теория насчет того, как нужно горевать, но я очень сомневаюсь в том, что хоть кто-то из вас способен понять, каково сейчас Айви!

Доктор Каррутерс несколько мгновений молча смотрела на него. Потом медленно произнесла:

— А я сомневаюсь, что ты действительно горевал о своей утрате.

— А вы кто — психоаналитик?

Мать Тристана покачала головой:

— Нет. Я просто человек, который, как и ты, потерял того, кого любил всем сердцем.

Перед уходом доктор Каррутерс спросила, не хочет ли Айви забрать обратно свою кошку.

— Я не могу ее взять, — глухо ответила Айви. — Мне не разрешают держать в доме кошку!

С этими словами она бросилась в свою комнату, с грохотом захлопнула за собой дверь и заперла ее на замок. Это несправедливо! У нее отнимают всех, кого она любила!

Айви схватила статуэтку ангела, которую недавно принесла ей Бет, и с силой швырнула ее в стену.

— Почему? — рыдая, закричала она. — Почему я не умерла вместе с ним?

Она подобрала ангела с пола и снова бросила его.

— Тебе повезло гораздо больше, Тристан! Я ненавижу тебя за то, что тебе повезло! Ты отлично устроился! Ты ведь теперь не тоскуешь по мне, правда? Нет, не тоскуешь, ведь ты

больше ничего не чувствуешь!

С третьей попытки ангел разлетелся на куски. Еще один ливень стекла.

Айви и не подумала подбирать осколки.

Вернувшись в свою комнату после ужина, она увидела, что стекло убрано, а фотография Тристана стоит у нее на комодке.

Айви не стала спрашивать, кто это сделал. Она не хотела ни с кем разговаривать. Когда Грегори попытался войти к ней в комнату, она захлопнула дверь у него перед носом. На следующее утро она снова с грохотом закрыла перед ним свою дверь.

В этот день Айви с трудом заставляла себя быть вежливой с покупателями в магазинчике «У вас праздник». Приехав домой, она сразу же отправилась в свою комнату. Открыв дверь, девушка заметила Филиппа, сидевшего над разложенными бейсбольными карточками. Айви отметила про себя, что ее братишка больше не комментирует свои игры вслух, а просто молча передвигает игроков с базы на базу.

Но когда Филипп повернул к ней голову, Айви впервые за долгое время увидела на его лице улыбку. Он кивнул на кровать.

— Элла! — ахнула Айви. — Элла!

Она бросилась к ней и упала на колени перед кроватью. Кошка тут же заурчала. Айви зарылась лицом в ее мягкую шерсть и разрыдалась.

Потом она почувствовала, как маленькая рука дотронулась до ее плеча. Вытерев мокрые щеки об Эллу, Айви повернулась к Филиппу.

— Мама знает, что она здесь?

— Знает, — серьезно кивнул Филипп. — Все в порядке. Грегори так сказал. Это он привез Эллу домой.

Когда Тристан очнулся, то первым делом попытался вспомнить, какой сейчас день недели и какие у него занятия в летнем плавательном лагере. Судя по тусклому свету в комнате, было еще слишком рано для того, чтобы вставать и одеваться. Перевернувшись на спину, он стал мечтать об Айви — об Айви с рассыпавшимися по плечам волосами.

И так замечтался, что не сразу осознал, что из-за двери то и дело доносятся торопливые шаги и поскрипывание, как будто по полу катят что-то на колесиках.

Тристан вскочил. Что он делает здесь? Почему лежит на полу в больничной палате какого-то незнакомого мужчины? Мужчина зевнул и рассеянно обвел глазами комнату. Он нисколько не удивился присутствию Тристана; честно говоря, он вел себя так, словно в упор его не видел.

И тогда Тристан все вспомнил: аварию, поездку на скорой, слова врача.

Он умер. Но при этом он может думать. Может наблюдать за другими людьми. Значит, он стал привидением?

Тристан вспомнил вчерашнюю старушку. Она сказала, что видит его свет, значит, она приняла его за...

«Нет, нет! — громко воскликнул Тристан, но мужчина его не услышал. — Уж это точно не для меня!»

Тристан пока не знал, кем он стал, но одно не вызывало сомнений — он был существом, способным смеяться. Поэтому он хохотал и хохотал, без умолку, без остановки, до истерики. И плакал тоже.

Внезапно дверь за его спиной резко распахнулась. Тристан затих, но это оказалось лишним. Сестра, вошедшая в палату, не замечала его, хотя подошла так близко, что проткнула его локтем, заполняя листок на кровати мужчины.

Девятое июля. 3:45 утра.

Девятое июля? Этого не может быть! Когда они с Айви попали в аварию, был июнь! Неужели он провалялся в беспомощности целых две недели? И что будет дальше? Вдруг он снова отключится? И почему он снова очнулся?

Тристан снова вспомнил старушку, которая протянула к нему руки. Почему она увидела его, а вот эта молоденькая сестра и другие люди ничего не видят? Сможет ли Айви его увидеть?

Безумная надежда охватила Тристана. Если он сможет разыскать Айви до того, как снова потеряет сознание, у него будет еще один шанс доказать ей свою любовь. Он будет всегда любить ее, вечно.

Сестра вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Тристан протянул руку, чтобы открыть ее, но его пальцы беспомощно прошли сквозь ручку. Он попытался снова и снова. Его руки были бессильны, словно тени. Значит, ему придется ждать, когда сестра придет и откроет дверь. Но вся беда заключалась в том, что Тристан не знал, как долго он может остаться в сознании, и не растает ли он с первыми лучами солнца, как это делали все порядочные призраки из старых сказок.

Чтобы убить время, Тристан попытался вспомнить, как попал сюда, и живо представил себе длинный коридор, по которому шел из отделения скорой помощи.

Он ясно видел угол, за которым на него наехал санитар с тележкой. Внезапно Тристан

понял, что идет по коридорам к этому самому месту. Значит, вот как это делается! Нужно в точности представить себе маршрут и сосредоточиться на месте, в которое хочешь попасть.

Вскоре он вышел из больницы и очутился на улице. Оказывается, он успел забыть, что попал в окружную больницу, расположенную довольно далеко от Стоунхилла. Хорошо еще, что он много раз ездил сюда на машине, подвозя родителей.

При мысли о родителях Тристан вдруг споткнулся и замер. Он вспомнил отца, который стоял над ним в отделении скорой помощи, обнимал и плакал. Тристану страшно захотелось забежать домой и сказать папе, что с ним все нормально, но он не знал, сколько ему отпущено времени. В конце концов, его родители были вдвоем, а Айви — совсем одна.

Ночное небо только-только начало бледнеть в преддверии рассвета, когда он добрался до ее дома. Два желтых прямоугольника слабо светились в западном крыле. Должно быть, Эндрю работал у себя в кабинете.

Тристан обошел дом кругом и нашел французское окно, распахнутое в ночную прохладу. Эндрю сидел за своим столом, погруженный в раздумья. Тристан незамеченным проскользнул внутрь.

Он увидел распахнутый кожаный портфель Эндрю и рассыпанные по столу бумаги с грифом колледжа. Но Эндрю читал не их, а полицейский отчет. Тристан невольно содрогнулся, когда понял, что это отчет об аварии, в которую попали они с Айви. Рядом лежала газета, открытая на заметке о происшествии.

Наверное, газетный шрифт должен был заставить его поверить, наконец, в собственную смерть, но этого не случилось. Скорее наоборот, сухие слова репортажа вдруг сделали все, что было когда-то важным для Тристана — его внешность, спортивные рекорды, школьные достижения — пустым и ничтожным. Сейчас для него имела значение только Айви.

Она должна узнать, что он любил ее и всегда будет любить.

Тристан оставил Эндрю размышлять над отчетом (хотя ему было совершенно непонятно, что интересного он мог там найти), а сам направился к задней лестнице. Проскользнув мимо комнаты Грегори, расположенной прямо над кабинетом, он пересек открытую галерею и свернул в коридор, ведущий к спальне Айви.

Скорее бы увидеть ее, скорее бы она увидела его! Тристан заметил, что весь дрожит, как перед их первым уроком плавания. Смогут ли они поговорить друг с другом?

Если кто-то и может увидеть и услышать его, то только Айви — ведь она так умеет верить! Тристан представил себе ее комнату, сосредоточился — и прошел сквозь стену.

Элла тут же села. Она спала на кровати Айви, свернувшись в тугий черный клубочек рядом с золотоволосой хозяйкой. Но теперь кошка проснулась, моргнула и уставилась прямо на Тристана, вернее, на пустоту, в том месте, где он стоял.

«Что ж, кошки часто пристально смотрят перед собой», — подумал Тристан. Но когда он, обогнув постель Айви, подошел к ней с другой стороны, кошка проводила его внимательным взглядом своих зеленых глаз.

«Элла, что ты видишь? Скажи, Элла?» — тихо спросил Тристан.

В ответ кошка громко заурчала, и Тристан рассмеялся.

Теперь он стоял возле Айви. Рассыпавшиеся волосы закрывали ее лицо. Он протянул руку, чтобы убрать их. Больше всего на свете Тристану хотелось увидеть ее, но его руки были совершенно беспомощны.

«Жаль, что ты не можешь мне помочь, Элла», — вздохнул Тристан.

Кошка встала и пошла к нему по подушкам. Тристан замер, гадая, что она задумала.

Подойдя ближе, Элла наклонила голову, словно хотела потереться о его руку. В следующий миг она с недовольным мяуканьем свалилась с кровати.

Айви пошевелилась, и Тристан тихо окликнул ее.

Айви перевернулась на спину, и ему показалось, что она сейчас ему ответит.

Ее лицо было похоже на луну, красивое, но бледное. Сияние, когда-то исходившее от нее, теперь осталось лишь в золотистых ресницах и длинных волосах, рассыпавшихся, как лучи, вокруг ее лица.

Айви нахмурилась. Тристану захотелось разгладить морщинку у нее на лбу, но он не мог. Айви начала ворочаться и метаться.

— Кто здесь? — вдруг спросила она. — Кто здесь?

Тристан наклонился над ней.

«Это я, Тристан».

— Кто здесь? — снова спросила она.

«Тристан!»

Морщинка между ее бровей стала глубже.

— Я не вижу.

Он положил руку ей на плечо, в надежде, что она сейчас проснется, уверенный, что она увидит и услышит его.

«Айви, посмотри на меня! Я здесь».

На миг она открыла глаза. Потом он увидел, как исказилось ее лицо, и понял, что она испугалась. Это был даже не страх, а ужас. Айви закричала.

«Айви!»

Но она кричала и кричала.

«Айви, не бойся!»

Тристан пытался ее успокоить. Он обнимал ее, но их тела проходили друг через друга, словно сквозь воду. Он ничем не мог ее утешить.

А потом дверь спальни распахнулась. Первым вбежал внутрь Филипп. За ним влетел Грегори.

— Проснись, Айви, проснись! — затряс ее Филипп. — Ну же, Айви, пожалуйста!

Она широко открыла глаза. Посмотрела на Филиппа, потом обвела взглядом комнату. Она ни на миг не задержалась взглядом на Тристане, глядя сквозь него.

Грегори легко взял Филиппа за плечи и отстранил. Он сел на кровать и прижал Айви к себе. Тристан видел, что та вся дрожит.

— Все будет хорошо, — сказал Грегори, приглаживая ее растрепанные волосы. — Это был всего лишь сон.

«Страшный сон, — с горечью подумал Тристан. — А он не смог помочь ей, утешить ее!»

Зато Грегори мог. Тристан почувствовал, что сейчас взорвется от ревности.

Он не мог смотреть, как Грегори обнимает ее и прижимает к себе.

Но не мог видеть Айви такой испуганной и несчастной. При одном взгляде на ее дрожащие плечи он начинал испытывать к Грегори уже не ревность, а благодарность, причем столь же сильную. Потом его снова охватывала ревность.

От этой мучительной борьбы чувств у Тристана снова потемнело в глазах, и он попятился назад, к полке, на которой стояли ангелы Айви. Элла с любопытством направилась за ним следом.

— Тебе приснилась авария? — спросил Филипп.

Айви кивнула, потом уронила голову и беспомощно пробежала руками по смятым простыням.

— Хочешь поговорить об этом? — спросил Грегори.

Айви хотела что-то сказать, но потом покачала головой и беспомощно повернула руку ладонью вверх. Тристан увидел, что вся ее рука покрыта шрамами, похожими на следы молний. На миг тьма вновь обступила его, но он прогнал ее прочь.

— Я здесь, с тобой. Все хорошо, — сказал Грегори и стал терпеливо ждать.

— Я... я посмотрела на окно, — запинаясь, начала Айви. — Я увидела там высокую тень, но я не знаю, кто это был... или что. Я спросила: «Кто здесь?» Потом снова спросила...

Стоя в противоположном конце комнаты, Тристан молча смотрел на Айви, с каждым мгновением ее боль и страх все сильнее сжимали его сердце.

— Мне показалось, что это кто-то, кого я знаю, — продолжала Айви. — Да-да, эта тень показалась мне знакомой. Поэтому я подошла ближе... и еще ближе. Но я никак не могла разглядеть... — Она замолчала и затравленно обвела глазами комнату.

— Ты не могла разглядеть, — мягко напомнил ей Грегори.

— Там были другие отражения на стекле, поэтому было трудно разобрать. Я подошла ближе. И приблизила лицо почти к самому стеклу. И тут оно вдруг взорвалось! Тень превратилась в оленя. Он выскочил через окно и убежал.

Айви замолчала. Грегори взял ее за подбородок и, повернув к себе, заглянул в глаза.

Не выдержав, Тристан громко закричал из своего угла:

«Айви! Айви, посмотри на меня!»

Но она смотрела на Грегори, и губы ее мелко дрожали.

— На этом сон закончился? — спросил Грегори. Она кивнула.

Грегори нежно коснулся ее щеки тыльной стороной ладони.

Тристан хотел, чтобы она успокоилась, но...

— Ты помнишь что-нибудь еще? — спросил Грегори.

Айви покачала головой.

«Открой глаза, Айви! Посмотри на меня!» — крикнул Тристан.

Потом он заметил Филиппа, который смотрел на коллекцию ангелов — или на него, он точно не разобрал. Тристан провел рукой по статуэтке ангела воды. Если бы он только мог как-нибудь передать его Айви! Если бы он только мог подать ей какой-нибудь знак...

«Подойди ко мне, Филипп, — позвал он. — Подойди и возьми статуэтку. Отнеси ее Айви!»

Филипп, словно загипнотизированный, пошел к стеллажу. Дойдя до полок, он положил свою руку на руку Тристана.

— Смотри! — закричал Филипп. — Смотри, Айви!

— Куда? — устало спросила Айви.

— На своего ангела. Он светится!

— Не сейчас, Филипп, — сказал Грегори.

Филипп схватил ангела с полки и понес к кровати.

— Хочешь взять его с собой, Айви?

— Нет.

— Может быть, он прогонит все плохие сны? — не отставал мальчик.

— Это всего лишь статуэтка, — равнодушно ответила Айви.

— А мы с тобой помолимся, и настоящий ангел услышит наши молитвы!

— Нет никаких настоящих ангелов, Филипп! Неужели ты до сих пор не понял? Если бы они были, они спасли бы Тристана!

Филипп провел пальцем по статуэтке. Потом сдвинул брови и тихо, но упрямо, прошептал:

— Ангел света, ангел небесный, храни меня этой ночью, храни всех, кого я люблю.

«Скажи ей, что я здесь, Филипп, — умоляюще попросил Тристан. — Скажи ей, что я здесь!»

— Смотри, Айви! — закричал Филипп, указывая статуэткой туда, где стоял Тристан. — Они все светятся!

— Довольно, Филипп, — резко сказал Грегори. — Иди спать.

— Но...

— Сейчас же!

Когда Филипп проходил мимо него, Тристан вытянул руку, но мальчик больше не подошел. Он только посмотрел на него с удивлением, но без тени узнавания.

Что увидел Филипп? Может быть, то же, что увидела старушка в больнице: свет, мерцание, но никакой фигуры.

А потом Тристан почувствовал приближение тьмы. Он пытался сопротивляться. Он хотел остаться с Айви. Он не мог снова потерять ее. Он не мог оставить ее раньше, чем это сделает Грегори.

Что, если это его последняя возможность побыть с ней? Что если он потеряет Айви навсегда?

Тристан отчаянно боролся против тьмы, но она обступала его со всех сторон, как черный туман — вот она сомкнулась над его головой, и он утонул.

Когда Тристан снова вынырнул из своей бессонной тьмы, в окнах Айви ярко горело солнце. Белье на ее кровати было заправлено и накрыто легким покрывалом. Айви ушла.

Впервые после аварии Тристан увидел дневной свет. Он подошел к окну и, словно зачарованный, долго любовался прелестью лета, причудливыми узорами листвы и тем, как ветер пробегает по траве, гоня зеленую волну по вершине холма.

Ветер. Занавески колыхались от дуновения, но Тристан не чувствовал никакой прохлады. Комната была залита солнцем, но он не ощущал тепла.

Зато Элла чувствовала все. Она лежала на футболке Айви, валявшейся в уголке.

Когда Тристан обернулся к ней, кошка приветствовала его, приоткрыв глаза и замурлыкав.

«Бедняга, тут маловато грязного белья для тебя, да?» — спросил Тристан, вспомнив о странном пристрастии Эллы к самым «пахучим» его носкам и футболкам.

Тишина в доме заставила его понизить голос, хотя он знал, что может орать хоть благим матом — и все равно никто не услышит.

Это одиночество становилось невыносимым. Тристан боялся, что теперь он навсегда остался один и будет вечно скитаться по миру живых — невидимый, неслышимый, неузнанный. Почему он не встретил старушку из больницы после того, как она умерла? Куда она подевалась? И почему он не ушел вместе с ней?

«Мертвые отправляются на кладбище, — подумал он, направляясь по коридору к лестнице. Внезапно он остановился, как вкопанный. — Ведь у него теперь тоже есть могила! Наверное, его похоронили рядом с бабушкой и дедушкой».

Тристан торопливо помчался по лестнице, ему не терпелось увидеть, что ему уготовано. Может быть, там он найдет старушку из больницы или каких-нибудь других недавно умерших, которые объяснят ему, какие тут порядки.

В детстве Тристан несколько раз бывал на кладбище Риверстоун-райз. Это место никогда не наводило на него тоску и уныние, может, потому, что возле могил бабушки и дедушки, отец всегда рассказывал какие-нибудь забавные истории из их жизни.

Пока мама возилась с сорняками и сажала цветы, Тристан бегал по кладбищу, забирался на надгробия и перепрыгивал через могилы. Для него кладбище было чем-то вроде детской площадки или полосы препятствий. Теперь ему казалось, что это было много-много веков тому назад.

Было очень странно проскользнуть через высокие чугунные ворота, на которых он когда-то раскачивался, как мартышка — так всегда со смехом говорила мама, — и отправиться на поиски собственной могилы. Тристан не знал, что вело его, память или инстинкт, однако он быстро нашел нижнюю аллею и нужный поворот, обозначенный тремя соснами.

Он знал, что могила находится в пятнадцати футах от этого места, и заранее приготовился к потрясению, неизбежно ожидающему его при виде собственного имени, выбитого на надгробии рядом с именами бабушки и дедушки.

Но вышло так, что он даже не взглянул на могильный камень. Он был слишком потрясен при виде девушки, уютно развалившейся на пяточке недавно разрытой земли.

— «Простите, — сказал Тристан, хотя отлично знал, что люди его не слышат. — Вы

лежите на моей могиле».

Девушка подняла голову, и ему на миг показалось, что он снова превратился в мерцающий свет. На вид девушка была его ровесницей и ее лицо показалось Тристану смутно знакомым.

«Ты, наверное, Тристан, — сказала она. — Я знала, что рано или поздно ты сюда придешь».

Тристан в ошоломлении уставился на нее.

«Ты ведь он, да? — спросила девушка, садясь и тыкая в его сторону большим пальцем. — Недавно умерший?»

«Недавно живой», — ответил Тристан. Было в этой девушке нечто такое, что вызывало желание поспорить.

«У каждого свое мнение», — покладисто согласилась девушка.

Сейчас Тристана больше всего интересовало то, что она может его слышать.

«А ты, — спросил он, внимательно разглядывая странную девушку. — Ты тоже?»

«Тоже. Не очень давно».

«Понимаю. Это поэтому у тебя волосы такого цвета?»

Девушка машинально дотронулась рукой до своей головы.

«Что, *прости!*»

Короткий ежик ее темных волос имел довольно странный оттенок фуксии и даже немного отливал в пурпур, словно окраска волос не была доведена до конца.

«Просто они были такого цвета, когда я умерла».

«Ох, я не подумал. Прости».

«Садись, — сказала девушка, кивая на свежий холмик земли. — В конце концов, это твоя могила. Я так, ненадолго прилегла».

«Значит, ты... привидение?» — спросил Тристан.

«Что, *прости?*»

Ее снисходительный тон действовал ему на нервы.

«Ты сказал — „привидение“? Ну что ж, тебе простительно, ты же *новенький*. Нет, мы не привидения, милый». — Она побарабанила по его руке своим длинным, острым ноготком, покрытым черным лаком с лиловым отливом.

Тристан не был уверен, что «новенький» означает «недавно умерший», но не решился переспрашивать из опасения, что девушка проткнет его своим ногтем.

«*Проткнет?* — Только сейчас он заметил, что рука девушки не проходит сквозь его руку. — Значит, мы оба сделаны из одного теста!»

«Мы ангелы, милый. *Серьезно*. Маленькие помощники небес».

Ее покровительственный тон и неприятная манера выделять голосом самые простые слова начали всерьез его раздражать.

Девушка указала рукой на небо.

«У кого-то там довольно оригинальное чувство юмора. Там всегда выбирают наименее подходящих».

«Я в это не верю, — отрезал Тристан. — Не верю!»

«Значит, ты сегодня впервые увидел свое новое жилище? Пропустил собственные похороны, да? Между прочим, *напрасно*. Я тебе так скажу — ты сделал очень большую ошибку. Лично я наслаждалась *каждой минутой* своих похорон».

«А где ты похоронена?» — спросил Тристан, озираясь по сторонам.

С одной стороны от его могилы высилось надгробие с изображением агнца, что вряд ли подходило этой странной девушке. С другой стороны стояла каменная статуя женщины с кротким лицом, молитвенно сложенными руками и лицом, запрокинутым к небесам. Тоже не то.

«Я не похоронена. Поэтому снимаю уголок у тебя».

«Не понял», — пробормотал Тристан.

«Разве ты меня не узнал?»

«Н-нет», — смущенно сказал он, заранее опасаясь, что она окажется какой-нибудь его дальней родственницей или, еще хуже, девочкой, за которой он ухаживал в шестом классе.

«Посмотри с этой стороны», — предложила девушка, поворачиваясь к нему в профиль.

Тристан бессмысленно уставился на нее.

«Бедный мальчик, я смотрю, ты *не успел* как следует пожить, когда у тебя была такая возможность», — снисходительно заметила девушка.

«Что ты имеешь в виду?»

«То, что ты мало гулял».

«Да нет, достаточно».

«И в кино не ходил».

«Постоянно ходил», — возразил Тристан.

«Но никогда не смотрел фильмы с Лэйси Ловитт?»

«Смотрел, конечно! Все их смотрели, пока она не... Стой, значит, ты Лэйси Ловитт?»

Девушка устало закатила глаза.

«Я надеюсь, что когда дело дойдет до твоей миссии, ты будешь посообразительнее».

«Наверное, я не узнал тебя из-за цвета волос».

«Кажется, мы уже обсудили мои волосы?» — фыркнула Лэйси, вставая с могилы. Она выглядела очень странно на фоне кладбищенских деревьев. Ветви плакучих ив трепетали и раскачивались на ветру, но волосы у Лэйси оставались неподвижными, как на фотографии.

«Теперь я вспомнил, — сказал Тристан. — Твой самолет разбился над океаном. Твое тело так и не нашли».

«Представь, как мне было приятно вылезать из Нью-Йоркской гавани!»

«Но ведь авиакатастрофа произошла два года назад?»

Лэйси кивнула.

«Ну да, просто...»

«Я читал о твоих похоронах, — продолжал Тристан. — На них присутствовало множество знаменитостей».

«И еще больше почти-знаменитостей. Людям только дай повод *посветиться* перед камерами! — с неожиданной горечью заметила Лэйси. — Жаль, что ты не видел мою мамочку, уж как она рыдала и причитала! — Лэйси бросила быстрый взгляд на соседний ряд надгробий и очень похоже спародировала позу мраморной статуи, изображавшей безутешно рыдающую женщину. — Можно было подумать, что она действительно потеряла горячо любимого человека!»

«Но ведь так оно и было? — не понял Тристан. — Ведь ты была ее дочерью».

«А ты, оказывается, наивный, — фыркнула Лэйси. — Если бы ты посетил мои похороны, то смог бы многое узнать о *людях*. Хотя, может быть, ты и теперь еще сумеешь чему-нибудь научиться. Сегодня утром будут похороны в восточной части кладбища. Идем!»

«Куда? На похороны? Тебе не кажется, что посещать похороны незнакомых людей это

патология?»

Лэйси с хохотом обернулась к нему через плечо.

«Милый Тристан, после того, как ты *умер*, для тебя уже не существует патологий! И вообще, похороны исключительно любопытны. А если попадутся скучные, то я всегда смогу превратить их в незабываемое шоу, а у тебя такой вид, что немного веселья тебе не повредит. Идем!»

«Знаешь, наверное, я все-таки откажусь».

Лэйси обернулась и несколько мгновений внимательно смотрела на него.

«Ладно, как знаешь. Давай придумаем что-нибудь еще. Слушай, я тут недавно заметила стайку девчонок, направлявшихся в шикарную часть нашего кладбища. Может быть, это тебя *позабавит*? Понимаешь, хорошая публика — это большая редкость, особенно, когда ты мертвый, и живые тебя не слышат и не видят».

Она начала возбужденно бегать кругами по могилам.

«Точно, это гораздо лучше! — бормотала Лэйси себе под нос. — Это даст мне определенные преимущества. — Тут она посмотрела на Тристана и пояснила: — Понимаешь, шутки на похоронах тут не особенно одобряют. А это — другое дело. Можно сказать, что я оказываю полезную услугу обществу. Научу этих пигалиц *уважению* к мертвым! В следующий раз они трижды подумают, прежде чем шутить шуточки на кладбище».

Еще совсем недавно Тристан надеялся, что, встретив кого-то, похожего на себя, он сможет получить ответы на свои вопросы, но...

«Выше нос, Нытик!» — крикнула Лэйси, бросаясь на кладбищенскую аллею.

Тристан медленно побрел следом, пытаясь припомнить, не читал ли он где-нибудь о том, что у Лэйси Ловитт были серьезные проблемы с рассудком.

Она привела его в старую часть кладбища, где издавна располагались семейные участки богатых и почтенных жителей Стоунхилла. С одной стороны аллеи высились пристроенные к склону горы роскошные склепы с фасадами в виде миниатюрных храмов. Напротив шли засаженные цветами и зеленью участки с памятниками из полированного камня и разнообразными мраморными статуями.

Тристан никогда здесь не бывал, но знал, что, по требованию Мэгги, Каролину похоронили в семейном склепе Бэйнсов.

«Шикарно, да?»

«Не понимаю, почему ты решила подселиться ко мне», — хмыкнул Тристан.

«Ой, да ведь я в свое время тоже зарабатывала миллионы, — простодушно призналась Лэйси. — *Миллионы!* Но в душе я простая нью-йоркская девчонка из нижнего Ист-Сайда. Если ты помнишь, я начинала с мыльных опер, а потом... ладно, не будем углубляться. Раз ты меня узнал, значит, знаешь обо мне все».

Тристан не стал ее разочаровывать.

«Как ты думаешь, что задумали эти девчонки?» — спросила Лэйси, останавливаясь и озираясь по сторонам. Они стояли в пустынном месте, среди молчаливых надгробий, ярких цветов и моря зеленой травы.

«Понятия не имею, — ответил Тристан. — Я не знаю даже того, что ты задумала».

«Не бери в голову! Думаю, мне придется импровизировать. От тебя, как я понимаю, все равно помощи не *дождешься*. Ты еще не успел ничему научиться. Думаю, ты пока умеешь только стоять и *мерцать*, как дурацкая рождественская гирлянда, поэтому тебя могут видеть».

только верующие, а их на свете не так много».

«Только верующие?»

«Ты что, и этого еще не понял?» — недоверчиво покачала головой Лэйси.

Нет, *это* он как раз понял. Он просто не хотел этого признавать, не хотел допускать, что это может быть правдой. Старушка в больнице была верующей. И Филипп, по-своему, тоже. Оба они видели его мерцание. Но Айви не увидела. Айви перестала верить.

«А ты умеешь что-нибудь еще, кроме мерцания?» — с надеждой спросил Тристан.

Лэйси посмотрела на него, как на недоумка.

«Как ты думаешь, чем я занималась все эти два года?»

«Понятия не имею», — честно ответил Тристан.

«Только не говори мне — *по-жа-луй-ста*, только не говори! — что мне придется рассказывать тебе о том, что такое миссия и с чем ее едят!»

На этот раз Тристан пропустил мимо ушей ее мелодраматические завывания и прочие штучки. Сейчас ему было не до этого.

«Я помню, ты уже упоминала об этом раньше. Что за миссия?»

«Твоя миссия, моя миссия, его миссия... — пропела Лэйси. — У каждого из нас она своя. И мы должны ее выполнить, если хотим уйти туда, куда все уходят», — она снова пошла вперед, на этот раз так быстро, что ему пришлось прибавить шаг, чтобы догнать ее.

«А в чем моя миссия?»

«Откуда я знаю?»

«Но ведь кто-то должен рассказать мне об этом! Как я смогу выполнить ее, если не знаю, в чем она состоит?» — озадаченно пробормотал Тристан.

«Только не надо мне жаловаться на несправедливость мироздания! — огрызнулась Лэйси. — Это твоя *работа*, а не моя. Ты должен сам понять, что нужно сделать. — Немного успокоившись, она миролюбиво добавила: — Чаще всего это какое-нибудь незавершенное дело. Иногда это человек, которому нужна твоя помощь».

«Значит, у меня в запасе, по крайней мере, два года, чтобы...»

«Нет, не так. Тут все по-другому», — перебила Лэйси, забавно дернув головой в сторону.

Тристан еще раньше заметил у нее этот жест.

Обогнав его, Лэйси прошла через черную чугунную ограду, ржавые гнутые прутья которой бросали причудливые тени на стены старой каменной часовни.

«Давай разыщем наших деток».

«Постой, — попросил Тристан, протягивая к ней руку. Благо, Лэйси была единственным в мире объектом, который он мог схватить и удержать. — Ты собиралась мне объяснить. Как обстоят дела с этой миссией?»

«Ну... понимаешь, вообще-то, ты должен понять, в чем заключается твоя миссия и выполнить ее как можно быстрее. У некоторых ангелов на это уходит несколько дней, другим требуется несколько месяцев».

«А ты тут уже два года, — закончил за нее Тристан. — И сколько тебе осталось до завершения?»

Лэйси нервно провела языком по зубам.

«Не знаю».

«Здорово, — выдохнул Тристан. — Нет, отлично! Я понятия не имею, что мне делать, теряюсь в догадках и наконец мне посылают гида, который всем хорош, да только выполняет

свою задачу в десять раз дольше, чем все остальные!»

«Не в десять, а всего в два, — поправила Лэйси. — Однажды я встретила ангела, у которого на все про все ушел целый год. Понимаешь, Тристан, дело в том, что я часто отвлекалась. Ну вот представь, иду я выполнять миссию, и вдруг вижу возможность, которой грех не воспользоваться. Между прочим, некоторые мои поступки получали одобрение».

«Некоторые? Интересно знать, какие? — недоверчиво спросил Тристан».

«Ну, например, однажды я уронила театральную люстру на голову моему кошмарному бывшему режиссеру. Чуть-чуть промахнулась, разумеется, — поспешно поправилась Лэйси. — Он всегда обожал «Призрака оперы», понимаешь? Вот такие штуки я и имела в виду, когда говорила о возможностях, которыми грех не воспользоваться. Из-за всего этого я и торчу тут, как второгодница. Только окажусь на два хода ближе к цели, как что-то происходит, и вот я уже на три хода позади, и никак не могу приступить к исполнению своей миссии. Но ты не переживай, мне кажется, ты гораздо более дисциплинированный, чем я. Для тебя это будет пара пустяков, вот увидишь!»

«Я сейчас проснусь, — подумал Тристан. — Это просто кошмар, я сплю, а сейчас проснусь. И Айви будет лежать у меня в объятиях, и мы...»

«Спорим, эти девчонки забрались в часовню?»

Тристан внимательно посмотрел на серое каменное здание. Сколько он себя помнил, двери часовни всегда были крепко закрыты на железную цепь.

«А там есть какой-то другой вход?»

«Нам с тобой входы не нужны. А для девчонок и всех остальных есть разбитое окно сзади. Особые пожелания имеются?»

«Что?» — растерянно переспросил Тристан.

«Хочешь, чтобы я сделала что-нибудь особенное?»

«Разбуди меня!» — подумал про себя Тристан.

«Нет», — сказал он вслух.

«Знаешь, Трист, я, конечно, не знаю, что у тебя на уме, но ведешь ты себя мертвее мертвого!»

С этими словами Лэйси сердито просочилась сквозь стену. Тристан последовал за ней.

В часовне было темно, единственным источником света был зеленоватый прямоугольник, зиявший на месте выбитого окна. Пол был усыпан сухой листвой и гипсовой крошкой, всюду валялись окурки и битые бутылки. Деревянные скамьи были сплошь изрезаны инициалами и почерневшими нечитаемыми надписями.

Девочки, которым на вид было лет по одиннадцать-двенадцать, сидели кружком в алтаре и нервно пересмеивались.

— Ладно, кого вызовем первым? — спросила одна из них. Девочки растерянно переглянулись, потом посмотрели куда-то вверх.

— Джеки Онассис, — предложила девочка с каштановым хвостиком на затылке.

— Курта Кобейна, — высказалась другая.

— Мою бабушку.

— Моего двоюродного дедушку Лени.

— Я знаю! — пискнула маленькая веснушчатая блондинка. — Давайте вызовем Тристана Каррутерса?

Тристан вытаращил глаза.

— Нет, я боюсь, — решительно заявила девочка, которая, судя по всему, была у них

заводилой.

— Вот именно, — поддержала брюнетка, нервно разделив свой хвост на два крысиных хвостика. — У него, наверное, оленьи рога до сих пор торчат из затылка!

— Фу, замолчи!

— Гадость какая!

Лэйси прыснула.

— Моя сестра была в него влюблена, — призналась веснушчатая девочка.

Лэйси быстро-быстро заморгала, глядя на Тристана.

— Представляете, однажды, когда мы носились вокруг бассейна, он — представляете? — свистнул на нас в свой свисток! Нет, представляете? Это было так круто!

— Да, он был крутой.

Лэйси ткнула себя пальцем в горло и закатила глаза.

— Все равно, сейчас он, наверное, страшный, — заявила рыженькая. — Кого еще можно вызвать?

— Лэйси Ловитт.

Девочки переглянулись. Кто это сказал?

— Я ее помню. Она играла в «Восстании Черной луны»!

— В «Восходе Черной луны».

Тристан узнал голос Лэйси. Он звучал похоже, но немного по-другому, подобно тому, как голос в телевизоре звучит иначе, чем в жизни. Каким-то чудом Лэйси удалось сделать так, чтобы ее слышали не только мертвые, но и живые.

Девочки начали испуганно озираться.

— Давайте возьмем за руки, — предложила та, что была у них за главную. — Мы вызываем Лэйси Ловитт. Если ты здесь, Лэйси, дай нам знак.

— А мне она никогда не нравилась.

Тристан заметил, как глаза Лэйси засверкали.

— Шшшш. Сейчас нас окружают духи, они могут услышать.

— Я их вижу! — воскликнула щуплая блондинка. — Я вижу их свет! Их двое.

— Я тоже вижу!

— А я нет, — пробормотала девочка с каштановым хвостиком.

— Давайте вызовем кого-нибудь другого, я не хочу видеть Лэйси Ловитт!

— Правильно, она противная! Самоуверенная ломака!

Теперь настала очередь Тристана прыснуть в кулак.

— Мне нравится новая девушка в «Черной луне». Та, которую взяли вместо Лэйси.

— Мне тоже, — согласилась рыженькая.

— Она лучше играет. И прическа у нее красивее.

Тристан перестал смеяться и с опаской посмотрел на Лэйси.

— Но ведь она живая! — напомнила предводительница. — Мы вызываем Лэйси Ловитт. Лэйси, если ты здесь, дай нам какой-нибудь знак!

Сначала с пола поднялась пыль. Потом густой пылевой столб завертелся в воздухе, и Тристан на миг потерял Лэйси из виду. Но вот вертящаяся воронка сдвинулась в сторону, и он снова увидел Лэйси — она бегала мимо сидевших кружком девочек и безжалостно дергала их за волосы.

Девочки с визгом схватились за головы. Тогда Лэйси принялась щипать их, а потом схватила сразу двух верещащих глупышек за свитера и стала трясти из стороны в сторону.

На этот раз девочки вскочили на ноги и, не переставая орать, бросились к разбитому окну.

Пустые бутылки, пущенные им в головы, с грохотом разбились о стену часовни.

Через несколько мгновений девочки выскочили наружу и пустились наутек; их пронзительные крики, удаляясь, напоминали звонкую птичью переключку.

«Ну что ж, — сказал Тристан, когда вокруг снова воцарилась тишина, — я думаю, всем нам очень повезло, что здесь не было люстры. Полегчало?»

«Маленькие паршивки!»

«Как ты это делаешь?» — спросил Тристан.

«Да видела я эту новую актрису! Дура бесталанная!»

«Не сомневаюсь, — кивнул Тристан. — Уверен, ей далеко до твоего драматизма. Ты ведь вся такая потрясающая и поражающая. Как ты это делаешь? У меня вообще не получается пользоваться руками».

«Сам догадайся! — в бешенстве огрызнулась Лэйси. — Прическа у нее лучше, скажите пожалуйста! — Она дернула себя за отливающие пурпуром прядки. — Что вы понимаете, пищалки! Это мой личный стиль». — Она свирепо уставилась на Тристана.

Он улыбнулся.

«Что касается использования рук, — прошипела Лэйси, — то неужели ты думаешь, что я буду тратить *мое* драгоценное время на то, чтобы учить *тебя*?»

«Конечно, — кивнул Тристан. — Ведь благодарная публика — это большая проблема, особенно, когда ты мертвый, и живые тебя не слышат и не видят».

С этими словами он ушел, оставив ее дуться в часовне. Он решил, что Лэйси знает, где его искать, и непременно разыщет, когда остынет.

Снова очутившись на полуденном солнце, Тристан зажмурился от света. Он больше не ощущал перепадов температуры, зато стал очень чувствителен к свету и тьме. В темноте часовни Тристан видел слабое сияние, окружавшее девочек, а здесь, в тени деревьев, солнечный свет казался ему болезненно ярким.

Возможно, именно поэтому он обознался, приняв посетителя кладбища за Грегори. Походка, темные волосы, рост, форма головы — все это заставило его поверить, будто Грегори идет по аллее прочь от фамильного склепа Бэйнсов. Но через несколько шагов посетитель, словно почувствовав чей-то взгляд, обернулся.

Он был гораздо старше Грегори, лет сорока или около того, и лицо его было искажено страданием. Тристан протянул к нему руку, но незнакомый мужчина отвернулся и пошел дальше.

Тристан тоже продолжил свой путь, но успел заметить на свежей могиле Каролины одинокую алую розу на длинном стебле.

Лэйси разыскала Тристана вечером этого же дня. Она окликнула его, когда он брел вдоль вершины горы. Тристан поднял голову и увидел ее, сидящей на ветке дерева.

«Отличный вид!» — сказала Лэйси.

Тристан кивнул и снова посмотрел вниз с каменистого склона. Земля под его ногами круто обрывалась на высоту двухсот или трехсот футов. Он вспомнил, что ранней весной отсюда видны серебристые рельсы и крыша маленького железнодорожного вокзала на дне долины, но сейчас все было скрыто густой зеленью. Только река голубыми пятнами просвечивала то тут, то там сквозь кроны деревьев.

«Не знаю, почему меня так притягивает это место».

Лэйси склонила голову набок.

«Разумеется, это *абсолютно* не связано с тем, что здесь живет Айви», — насмешливо заметила она.

«Откуда ты знаешь об Айви?»

Лэйси сделала безупречный горизонтальный вис сзади и спрыгнула с дерева.

«Прочитала, откуда же еще? — Она подошла к ошеломленному Тристану. — Перечитала все заметки об аварии, в которой ты разбился. Видишь ли, у меня есть привычка каждое утро забегать на станцию и читать газеты из-за плеча у пассажиров. Люблю быть в курсе событий. Кроме того, это позволяет следить за календарем».

«Сегодня десятое июля, воскресенье», — сказал Тристан.

«Бр-р-р-рт! — прогудела Лэйси, изображая звук зуммера в телевикторине, и отломилась от дерева ветку. — Ответ неправильный. Сегодня двенадцатое».

«Не может быть», — помотал головой Тристан.

Он протянул руку, но не смог даже оторвать листок, не говоря уже о том, чтобы сломать ветку.

«Ты в последние пару дней терял сознание?»

«Прошлой ночью», — признался Тристан.

«Не прошлой, а три ночи назад, — поправила Лэйси. — Это еще не раз будет происходить, но постепенно ты наберешься сил, и будешь все меньше нуждаться в отдыхе. Разумеется, это не касается тех случаев, когда ты будешь делать сложную работенку».

«Сложную работенку? Какую, например?»

Лэйси помолчала, дожидаясь, когда он сконцентрирует на ней все свое внимание, а потом сказала:

«Посмотри на меня». «А что я, по-твоему, делаю?» «Помолчи и посмотри внимательнее. Чего у меня нет?»

«А ты обещаешь не дергать меня за волосы?»

Лэйси сурово сдвинула брови. Она выглядела очень сердитой, но через мгновение ее лицо снова разгладилось — ведь это была только маска. Лэйси Ловитт играла.

«Посмотри на кошку», — приказала она.

Тристан бросил взгляд через плечо.

«Элла!»

«Посмотри на траву возле кошки и на траву возле меня».

Теперь он увидел.

«У тебя нет тени!»

«Как и у тебя».

«Ты говоришь громко, — продолжал Тристан. — Я слышу звук и вижу, как Элла поворачивает уши в твою сторону».

«А теперь посмотри на траву у меня за спиной», — велела Лэйси, закрывая глаза.

И тогда Тристан увидел, как медленно-медленно, словно как вода, просачивающаяся сквозь землю, у нее стала отрастать тень. Так же медленно Лэйси стала утрачивать свое мерцание.

Элла с любопытством обошла ее кругом, потом описала еще один круг. После этого она умиротворенно потерлась о ногу Лэйси — и не упала.

«Ты не прозрачная! — закричал Тристан. — Ты настоящая! Тебя все могут увидеть! Научи меня, как это делать. Если я смогу стать непрозрачным, Айви меня увидит, она узнает, что я остался здесь ради нее, она поймет...»

«Стоп-стоп, — оборвала его Лэйси. Потом ее гулкий голос стал таять, растворяясь в воздухе. — Подожди минуточку, я сейчас вернусь».

Ее тень исчезла. А потом исчезла и она сама — вся. Целиком и полностью.

«Лэйси? — Тристан обернулся и посмотрел себе за спину. — Лэйси, ты где? Ты в порядке?»

«Да, просто устала, — донесся до него ее тихий голос. Потом ее тело появилось снова, но теперь оно было почти прозрачным. Она свернулась клубочком на земле и закрыла глаза. — Дай мне несколько минут».

Тристан принялся расхаживать туда-сюда по траве, то и дело обеспокоенно поглядывая на нее.

Внезапно Лэйси вскочила на ноги. Она снова выглядела совершенно нормально.

«Ну вот, теперь ты знаешь, как это выглядит, — сказала она. — Только учти, что у временных ангелов, типа нас с тобой, на это дело уходит вся отпущенная нам энергия. Кроме того, чтобы полностью материализоваться, нужен немалый опыт. А уж разговаривать при этом могут только профи».

«Типа тебя», — улыбнулся Тристан.

«Обычно я материализуюсь только частично. Скажем, я проявляю свои пальцы, если мне нужно что-нибудь *сделать* — схватить кого-нибудь за волосы или перевернуть страницу киножурнала».

«Научи меня! — взмолился Тристан. — Ты ведь покажешь мне, как это делается?»

«Может быть».

Разговаривая, они вышли к тому месту, откуда был виден весь дом. Тристан посмотрел на мансардное окно музыкальной комнаты Айви.

«Значит, тут живет твоя девушка? — спросила Лэйси. — Думаю, я должна удивиться тому факту, что современный парень может так втрескаться».

Тристан заметил, что, говоря это, она брезгливо скривила губы.

«С какой стати ты вообще должна об этом думать? — миролюбиво спросил он. — Это ведь совсем тебя не касается. Ты будешь меня учить или нет?»

«Ах да, почему бы нет? Мне все равно некуда время девать».

Они отыскали укромный уголок в тени деревьев и сели на траву.

Элла осторожно подошла к ним. Лэйси тут же принялась ее тискать, на что Элла ответила вежливым мурлыканьем. Присмотревшись, Тристан заметил, что кончики пальцев

Лэйси не светятся. Они были абсолютно реальными.

«Все, что тебе нужно, это концентрация, — объявила Лэйси. — Очень сильная концентрация. Посмотри на кончики своих пальцев, сфокусируй на них все свое внимание. Ты должен всем своим существом пожелать, чтобы они стали настоящими».

Тристан протянул руку к Элле. Выбросив из головы все мысли, он сосредоточился на кончиках своих пальцев.

Вскоре он почувствовал слабое пощипывание, едва заметное покалывание, которое бывает, когда отлежишь руку во сне. С каждым мгновением это ощущение становилось все сильнее. Потом он почувствовал такое же покалывание в голове, и это ему совершенно не понравилось. Он начал терять сознание. Ему показалось, что все его существо, кроме кончиков пальцев, стало медленно уплывать куда-то. Усилием воли Тристан вернул себя в реальность.

«Сдрейфил», — захихикала Лэйси.

«Я попробую еще раз!»

«Лучше передохни немного».

«Мне не нужен отдых!»

Это было невыносимо унизительно. Всю свою жизнь Тристан был сильным и умным — не зря же он подрабатывал инструктором по плаванию и репетитором по математике! — и вот теперь какая-то заносчивая девчонка учила его самого, как погладить кошку!

«Кажется, не я одна успела при жизни отрастить большое самолюбие», — торжествующе заметила Лэйси.

Тристан пропустил ее замечание мимо ушей.

«Что со мной происходило?» — спросил он.

«Вся твоя энергия ушла в кончики пальцев, — охотно объяснила Лэйси. — Потому все твоё остальное тело начало таять, как будто ты растворился или что-то в этом роде».

Тристан понимающе кивнул.

«Это пройдет, когда ты накопишь достаточно сил, — добавила Лэйси. — Если ты когда-нибудь достигнешь такого уровня, что сможешь материализовать все свое тело и воссоздать голос — в чем я искренне сомневаюсь — ты научишься черпать энергию из окружающего мира. Я делаю именно так».

«Ты говоришь, как пришелец из дурацкого фантастического триллера».

«Ага, — кивнула Лэйси. — „Уста планеты Индиго“. Знаешь, я ведь едва не получила Оскара за этот фильм».

Самое смешное, что Тристан помнил, как этот фильм с треском провалился в прокате.

«Хочешь попробовать еще разок?»

Тристан снова протянул руку. Это было немного похоже на поиск пульса или на то, что он лежит на кровати и прислушивается к стуку собственного сердца: сейчас он не только всем существом ощущал проходившую по его телу энергию, но осторожно направлял ее поток в кончики пальцев. Вскоре они перестали мерцать.

В следующий миг он почувствовал ее — нежную, густую, шелковистую шерсть. Элла громко заурчала, когда он принялся почесывать ее в тех местах, где она особенно любила.

Кошка перевернулась на спину, и Тристан громко рассмеялся. Когда он стал чесать ей живот, кошачий мотор заработал с громкостью игрушечного вертолетного пропеллера.

Внезапно он потерял это ощущение. Солнечный свет вдруг стал серым. Элла перестала мурлыкать. Тристан оцепенел. Он стоял и ждал, судорожно втягивая в себя воздух, словно

пытался выровнять дыхание, которого у него уже не было.

«Отлично! — одобрила Лэйси. — Никогда не думала, что я такая классная учительница».

Трава и деревья медленно обрели цвет. Небо вновь стало ярко-голубым. Только Элла, вскочив на лапы, недоверчиво принюхивалась, давая понять, что здесь все-таки что-то не так.

Тристан устало повернулся к Лэйси.

«Я никогда не смогу до нее достучаться. Если это все, на что я способен, она никогда меня не услышит».

«Мы опять говорим о твоей подружке?»

«Ты знаешь, как ее зовут».

«Айви. Символ верности и неумирающей любви^[5]. Ты хочешь передать ей что-то важное?»

«Я должен убедить ее в том, что люблю ее».

«И все? — скорчила гримаску Лэйси. — Это все?»

«Может быть, в этом и заключается моя миссия», — сказал Тристан.

«Нет, только не это!»

«Знаешь, я уже устал от твоего сарказма», — резко заявил Тристан.

«А мне не по душе твоя тупость, — парировала Лэйси. — Тристан, если ты думаешь, что наш Главный Режиссер взял на себя труд превратить тебя в ангела только для того, чтобы ты мог признаться в любви своей подружке, то ты еще глупее, чем кажешься. Миссия не может быть такой простой и такой идиотской».

Тристан хотел огрызнуться, но вовремя заметил, что на этот раз Лэйси говорит с ним без мелодраматических модуляций и жестов. Она была серьезна.

«Я все равно ничего не понимаю, — упрямо ответил он. — Как я могу догадаться, в чем заключается моя миссия?»

«Наблюдай. Слушай. Будь рядом с людьми, которых знал при жизни или рядом с теми, к кому тебя тянет, — возможно, именно им ты послан на помощь».

Нечего сказать, хорошее объяснение! Тристан не имел ни малейшего представления о том, кому на всем белом свете могла понадобиться его сверхъестественная помощь.

«Это немного похоже на детектив, — пояснила Лэйси. — Только в обычном детективе ищут ответ на вопрос „кто сделал это“, а мы с тобой должны выяснить „кто сделал неизвестно что“. Чаще всего ты не знаешь, какую проблему тебя послали решать. А иногда этой проблемы вообще еще нет — ты должен спасти неизвестно кого от того, что случится с ним в будущем».

«Ты права, — вздохнул Тристан. — Это все непросто».

Они прошли мимо теннисного корта и, обогнув дом, вышли к фасаду. Элла, сопровождавшая их всю дорогу, вырвалась вперед и взлетела по ступенькам.

«Но даже в том случае, когда событие должно произойти в будущем, — продолжала Лэйси, — ключ к нему, скорее всего, спрятан в твоём прошлом. Не случайно же ангелом сделали именно тебя! К счастью, нам совсем нетрудно путешествовать во времени».

Тристан остановился и поднял брови.

«Путешествовать во времени?»

Лэйси легко вскочила на машину Грегори, брошенную на дорожке перед домом.

«Я имела в виду, в воображении. Понимаешь, многое забывается. В нашем прошлом

могли быть какие-то зацепки, на которые мы в свое время не обратили внимания, но эти зацепки до сих пор там, и их можно найти, вернувшись обратно».

Лэйси говорила все это, растянувшись на капоте машины. Потом подняла голову и посмотрела на Тристана взглядом крутой модели Аддамс, рекламирующей автомобиля.

«Возможно, — интригуяюще протянула она, — когда-нибудь я научу тебя путешествовать во времени. Но учти, что путешествие в *чужом* сознании, это занятие не для дилетантов, вроде тебя. Это тебе не игрушки. Честно говоря, это может быть довольно опасно, — пояснила она и тут же воскликнула: — Эй, Нытик, перестань киснуть!»

«Я не кисну. Я думаю».

«Тогда подними глаза», — усмехнулась Лэйси.

Тристан посмотрел на крыльцо дома и увидел Айви. Она стояла в дверях и смотрела на дорогу, словно ждала кого-то.

«*О милая! О жизнь моя! О радость! Стоит, сама не зная, кто она!*» — нараспев произнесла Лэйси.

Тристан, не отрываясь, смотрел на Айви.

«Шекспир, „Ромео и Джульетта“. Действие второе, сцена вторая. Кстати, я пробовалась на роль для постановки „Шекспир в парке“. Режиссер по подбору актеров хотел дать мне роль».

«Здорово, — рассеянно ответил Тристан. Ему хотелось, чтобы она замолчала, а еще лучше — исчезла. Он хотел остаться один, чтобы любоваться Айви — прекрасной, золотоволосой Айви, которая легкой походкой подошла к ступеням и наклонилась, чтобы взять на руки Эллу».

«Между прочим, этот режиссер сказал, что за такой талант, как у меня, не жалко жизнь отдать».

«Отлично, — небрежно бросил Тристан. — Почему кошки не разговаривают? Элла, скажи ей! Расскажи ей все, что ты знаешь...»

«А главный режиссер — весь такой из себя, представляешь? — заявил, что ему нужно „более классическое“ лицо и более правильный голос, без нью-йоркского диалекта. Нет, ты можешь в это поверить?»

Айви все еще стояла на крыльце, глядя кошку и глядя прямо на Тристана. Может быть, она все-таки верит? Может быть, она ощущает его присутствие?

«Этот режиссеришка сейчас в Нью-Йорке, остановился там ненадолго, готовит гастрольное представление. Я собираюсь навестить его».

«Здорово», — повторил Тристан.

Словно загипнотизированный, он повернул голову в ту же сторону, куда посмотрела Айви, услышав звук небольшого автомобиля, взбиравшегося на вершину горы.

«Может, убить его? — как ни в чем не бывало, продолжала Лэйси. — Подстроить аварию, чтобы он умер на месте?»

«Отлично».

«Ты безнадежен! — заорала Лэйси. — Просто жалок! Неужели ты и при жизни был таким восторженным идиотом? Страшно представить, каким чучелом ты выглядел, когда в тебе бурлили гормоны!»

На этот раз Тристан сердито обернулся к ней.

«Слушай, — сказал он, — ведь ты ничем не лучше меня. Я без ума от Айви, а ты — от самой себя. Мы оба одержимы, так что отвяжись от меня».

На миг Лэйси растерялась. На миг лицо у нее вытянулось. Никакая камера не успела бы поймать выражение обиды, промелькнувшее в ее глазах, но Тристан все заметил. Он сразу понял, что на этот раз она не притворялась, и пожалел о своих словах.

«Извини».

Лэйси молча отвернулась. Тристан испугался, что она может уйти, оставив его в одиночестве разбираться со своей миссией.

«Прости, Лэйси».

«Ладно, проехали», — буркнула она.

«Понимаешь, просто...»

«Кто это? — перебила она. — Труляля и Траляля пришли поскорбеть вместе с твоей возлюбленной?»

Обернувшись, Тристан увидел Бет и Сюзанну, вылезавших из машины.

В самом деле, обе они были в черном. Впрочем, Сюзанна всегда любила этот цвет, особенно в сочетании со смелыми фасонами, вот и теперь на ней было очень стильное открытое черное платье. Что касается Бет, то она была одета, как Бет — в свободный черный балахон в мелкий белый цветочек, оборка которого развевалась в нескольких дюймах от ее красных пластиковых босоножек.

«Это ее подруги, Бет и Сюзанна».

«Одна из них, определенно, передатчик», — заметила Лэйси.

«Передатчик?»

«Я говорю о той, которая завернута в занавеску для душа».

«Это Бет. Она писательница», — пояснил Тристан.

«Что я тебе говорила? Прирожденный передатчик».

Тристан смотрел, как Айви здороваются с подругами и ведет их в дом.

«Идем, — воскликнула Лэйси, вскакивая с капота. — Это будет весело!»

Тристан заколебался. Он уже видел ее веселье, и ему абсолютно не хотелось стать свидетелем очередного представления.

«Слушай, ты хочешь рассказать ей о своей великой любви или нет? Тебе предоставляется отличная возможность потренироваться! Нельзя упускать такой шанс, ведь эта чокнутая — абсолютный передатчик. Готовое радио! Понимаешь, хорошим передатчикам даже верить не обязательно, — тараторила Лэйси. — Они исключительно восприимчивы ко всем странным явлениям, в том числе и к ангелам. Можешь говорить через нее или, по крайней мере, писать через нее. Ты ведь знаешь, что такое автоматическое письмо, правда?»

Тристан что-то слышал об этом. Кажется, этим занимаются медиумы: их рука, подчиняясь чужой воле, автоматически записывает послания от умерших.

«Ты думаешь, что Бет — медиум?»

«Только необученный. Природный транслятор. Она непременно передаст твои слова — если не сегодня, так завтра. Нам нужно только установить с ней связь и проникнуть в ее сознание».

«Проникнуть в сознание?» — переспросил Тристан.

«Это очень просто, — успокоила его Лэйси. — Все, что тебе нужно — это думать, как она. Видеть мир ее глазами, чувствовать то, что она чувствует, любить того, кого она любит и желать того, чего она желает».

«У меня нет шансов», — уныло ответил Тристан.

«Да брось! Проще говоря, тебе нужно настроиться на ее радиоволну, и ты автоматически влезешь к ней в голову».

«Ты просто не знаешь, что такое Бет и что у нее в голове. Я ведь уже сказал, что она писательница? Так вот, она пишет знойные любовные романы».

«Ого... Те, в которых герой страстно смотрит на свою возлюбленную, его глаза подергиваются томной поволокой, а сердце так разрывается от любви, что он не видит и не слышит ничего вокруг?»

«Они самые».

Лэйси кивнула головой и ухмыльнулась.

«Ты прав. У вас с Бет абсолютно нет ничего общего».

Тристан пропустил ее шпильку мимо ушей.

«Знаешь, что я тебе скажу? Если ты действительно любишь свою Айви, то попытаешься. Я уверена, что герои романов Бет не спасовали бы перед первым препятствием».

«Может быть, лучше попробовать через Филиппа? — предложил Тристан. — Это младший брат Айви, и он видел мое свечение».

«Ага! Значит, ты уже нашел одного верующего?» — уточнила Лэйси.

«Наверное, он тоже передатчик», — заметил Тристан.

«Вовсе не обязательно. Верующие и передатчики — это абсолютно разные материи. Одно от другого не зависит».

«Может, сначала попробуем Филиппа?»

«Ну конечно, почему бы не потратить время впустую?» — хмыкнула Лэйси, проходя в дом.

Филиппа они нашли на кухне, где он пытался испечь шоколадные кексы в микроволновке. На стойке рядом с миской валялись замызганные бейсбольные карточки и каталог, открытый на странице с фотографиями детских горных велосипедов. Тристан не сомневался в успехе. Мысли этого «передатчика» не представляли для него никакой загадки.

«Встань у него за спиной, — посоветовала Лэйси. — Если он заметит твое свечение, это его отвлечет. Он начнет искать причину, будет пытаться понять. Короче говоря, сосредоточится на этом так сильно, что не сможет открыться для нас».

Тристан последовал этому совету и вскоре убедился, что позиция за спиной у Филиппа дает ему дополнительные преимущества. Заглядывая через плечо Филиппа, он прочитал инструкцию на пачке. Потом он стал думать о том, что нужно сделать дальше, представил себе восхитительный запах готовящихся кексов и то, какие они будут вкусные, теплые, рыхлые, только-только из печки. Ему захотелось облизать ложку, вымазанную сырым, липким шоколадным тестом. На его глазах Филипп облизал ложку.

Тристан оставался собой, но в то же время стал кем-то еще, как бывает, когда читаешь какую-нибудь хорошую книгу. Все оказалось проще простого.

«Филипп, это я...»

Бац! Тристан отлетел назад, словно с разбегу врезался в стеклянную стену. Он не видел эту преграду и даже не догадывался о ее существовании, пока не врезался в нее лицом. На миг он ослеп и оглох, ошеломленный ударом.

«Иногда это бывает больно, — вздохнула Лэйси, глядя на него. — Думаю, теперь ты все понял. Филипп не хочет тебя впускать».

«Но мы с ним были друзьями!»

«Он не знает, что это ты».

«Если бы он дал мне заговорить, то узнал бы!» — огрызнулся Тристан.

«Нет, так не получится, — покачала головой Лэйси. — Я же тебя предупреждала. За эти два года я научилась с первого взгляда отличать передатчики от не-передатчиков. Ты, конечно, можешь попробовать еще раз, но учти, что теперь он будет готов, поэтому отреагирует еще сильнее. Тебе не нужен передатчик, который с тобой сражается. Попробуй настроиться на Бет».

Тристан принялся нервно расхаживать по кухне.

«Почему бы тебе не попробовать настроиться на Бет?»

«Что?»

«Ты же... — пробормотал Тристан, лихорадочно соображая. — Ты ведь такая великая актриса, Лэйси. У тебя такие вещи должны получаться совершенно естественно, как дыхание. Актрисам положено играть роли, это их профессия. А великие актрисы, *такие, как ты*, даже не играют. Нет, они просто перевоплощаются в других людей, становятся ими. В этом секрет их гениальности».

«Хорошая попытка, — кивнула Лэйси. — Но Бет — это *твой* передатчик. Она должна связать *тебя* с девушкой, которой ты хочешь передать послание. Так что придется тебе, дружок, все сделать самому. А по-другому это не действует».

«Мне кажется, тут вообще ничего не действует так, как мне хочется», — пожаловался Тристан.

«Хорошо, что ты это вовремя заметил, — хмыкнула Лэйси. — Полагаю, ты в курсе, где комната твоей возлюбленной?»

Тристан повел ее в спальню Айви. Дверь была приоткрыта. Элла, которая снова хвостом ходила за ним и Лэйси, просунула голову в щелку и вошла. Тристан и Лэйси просочились сквозь стены.

Сюзанна сидела перед зеркалом Айви, рылась в коробке с ее украшениями и примеряла разные бусы и сережки. Айви лежала на своей постели и читала какую-то кипу листов — очевидно, очередной шедевр Бет. Сама Бет возбужденно расхаживала по комнате.

— Слушай, если ты и впредь собираешься закалывать волосы карандашом, — едко заметила Сюзанна, — то купи себе, хотя бы, карандаш со стразами.

Бет машинально подняла руку к узлу волос на затылке и выудила из него карандаш.

— Ой, а я и забыла.

— Знаешь, Бет, с головой у тебя становится все хуже и хуже.

— Понимаешь, это же просто невероятно интересно! Представь, Кортни клянется, что ее младшая сестренка говорит правду. А когда самые смелые из них вернулась в ту часовню, они нашли там свитер одной из девочек. Он так и висит там, на канделябре высоко под потолком.

— Подумаешь, загадка! Эти девчонки сами его туда и закинули, — заявила Сюзанна.

— Ммммм. Слушай, может быть, — пробормотала Бет, вытаскивая из сумки блокнот.

Лэйси повернулась к Тристану.

«Твой выход. Она думает о том, что произошло сегодня утром в часовне. Не знаю, что может быть проще?»

Бет задумчиво крутила карандаш между пальцев. Тристан подошел к ней. Догадавшись, что она пытается нарисовать себе место происшествия, он постарался как можно точнее вспомнить внутренность часовни и резкий переход от яркого дневного света к полумраку под высоким сводом. Потом он представил себе девочек, сидевших кружком в алтарной

части. В произведениях Бет всегда было множество подробностей.

Наморщив лоб, Тристан вспомнил хруст мусора под ногами и представил, как сырой камень холодит голые ноги девочек, как они ежатся от ветра, задувающего в разбитое окно, или передергиваются от ужаса при мысли, что по ногам у них ползают пауки.

Он перенесся в часовню, очутился там и — *бац!*

Бет не захлопнула перед ним свое сознание, как это сделал Филипп, но быстро и сильно отшвырнула его прочь. Потом она быстро отошла в сторонку и с недоумением посмотрела на то место, где только что стояла.

«Она меня увидела? — спросил Тристан у Лэйси. — Она видит мое мерцание?»

«Не думаю... По крайней мере, на меня она не обращает никакого внимания. Но она что-то почувствовала. Ты был слишком напорист».

«Я просто пытался подумать о том, о чем она думает, дать ей кое-какие детали. Она любит подробности».

«Ты действовал слишком поспешно. Она поняла, что здесь что-то не так. Пережди немного. Дай ей расслабиться».

Бет принялась лихорадочно строчить в блокноте, описывая девочек в часовне. Тристан узнал некоторые детали — то ли подсказанные им, то ли созданные воображением самой Бет — и не удержался, чтобы попробовать еще разок.

Бабах! На этот раз удар был такой сильный, что он опрокинулся навзничь.

«А я тебя предупреждала», — сказала Лэйси.

— Бет, ты сегодня нервная, как кошка, — заметила Сюзанна.

Айви подняла глаза от бумаг.

— Нервная, как Элла? Она сегодня весь день ведет себя как-то странно.

Лэйси повернулась к Тристану и потрясла пальцем у него перед носом.

«Слушай, что я тебе скажу. Ты должен действовать осторожно. Представь, что ты вор, и тебе нужно пробраться в дом Бет так, чтобы она этого не заметила. Как тут нужно действовать? Правильно, с умом. Не спешить. Быть, как тень. Прятаться. Взять все, что нужно в подвале, то есть в ее подсознании, но ни в коем случае не потревожить хозяйку, которая сидит наверху. Все понял?»

Он все понял, но ему очень не хотелось предпринимать еще одну попытку. Дело в том, что сознание у Бет было намного сильнее, чем у Филиппа, и в меткости ей тоже нельзя было отказать.

Тристан был в отчаянии от того, что ему никак не удастся передать Айви самое простое послание. Она была так близко, так близко, но... Его рука проходила сквозь ее руку, но он не мог до нее дотронуться. Он мог лечь рядом с ней, но был не в силах утешить. Мог пошутить, чтобы она улыбнулась, но она никогда его не услышит. Ему больше не было места в ее жизни. Наверное, для нее так было лучше, но для него это было страшнее смерти.

— Круто! — сказала вдруг Бет. — Просто круто, надеюсь, вы простите меня за нескромность. Как вам такое начало моего нового романа: «Ему больше не было места в ее жизни. Наверное, для нее так было лучше, но для него это было страшнее смерти...»

Тристан увидел эти слова так ясно, как будто сам держал в руках страницу из ее блокнота. А когда Бет перевела взгляд на его фотографию, стоявшую на комодике Айви, он повернулся вместе с ней.

«Если бы ты только могла знать!» — подумал он.

— Если бы только, — застрочила карандашом Бет. — Если бы только, если бы только,

если бы... — Похоже, тут она застряла.

— Хорошее начало, — сказала Айви, откладывая распечатку. — А дальше что?

— Если бы только.

— Что? — переспросила Сюзанна.

— Не знаю, — ответила Бет.

Тристан видел комнату ее глазами — красивую комнату, залитую солнечным светом. Он видел, как Элла внимательно смотрит на Бет, как Сюзанна переглядывается с Айви, как они обе непонимающе пожимают плечами.

«Если бы только Айви знала, как я люблю ее!» — как можно отчетливее подумал он.

— «Если бы только я мог освободиться...» — Бет перестала писать и нахмурилась.

Тристан почувствовал ее недоумение, как занозу в собственном мозгу.

«Айви, Айви, Айви, — повторил он. — Если бы только Айви...»

— Бет, ты что-то побледнела, — заметила Айви. — Ты в порядке?

Бет поморгала. Потом зажмурилась.

— У меня такое ощущение, будто кто-то диктует мне слова.

Сюзанна тихонько присвистнула.

— Я не чокнутая! — обиделась Бет.

Вскочив с постели, Айви подошла к Бет и посмотрела ей в глаза — прямо в глаза Тристана. Но он знал, что она его не видит.

— «Но она его не видела...», — записала Бет. Она вычеркнула эти слова, потом записала их снова и перечитала вслух то, что получилось: «Ему больше не было места в ее жизни. Наверное, для нее так было лучше, но для него это было страшнее смерти... Если бы только она могла освободить его из темницы любви. Но она ничего не знала, она не видела ключа, который все это время был у нее в руках...», — Бет радостно подняла карандаш. — Кажется, меня посетило вдохновение! — громко воскликнула она и принялась строчить дальше. — «В ее нежных, любящих, ласковых и ласкающих руках, в руках, которые могли удержать, исцелить и дать надежду...»

«О нет! — взмолился Тристан. Довольно!»

— Заткнись, — процедила Бет.

— Что? — спросила Айви, изумленно поднимая брови.

— Ты светишься.

Все удивленно повернулись к Филиппу, который стоял в дверях комнаты Айви.

— Ты светишься, Бет, — повторил мальчик. Айви отвернулась от него.

— Филипп, я уже говорила тебе, что не желаю больше об этом слышать.

— О чем? — переспросила Бет. — О том, что я свечусь?

— Он имеет в виду весь этот бред об ангелах, — пояснила Айви. — Филипп твердит, будто видит необычные цвета и разные явления, и уверяет, будто это ангелы. Я не могу больше этого выносить, я не желаю больше этого слышать! Сколько раз тебе повторять это?

У Тристана оборвалось сердце. Все эти упражнения и так измотали его до предела, он держался одной только надеждой. Но теперь и она исчезла.

Бет резко дернула головой — и Тристан покинул ее сознание. Филипп продолжал в упор разглядывать его, а когда Тристан подошел к Лэйси, мальчик повернул голову к ним.

— Кто бы мог подумать! — пропела Сюзанна, подмигивая Бет. — Просто ума не приложу, кто мог рассказать Филиппу об ангелах!

— Ангелы помогали тебе раньше, Айви, — мягко напомнила Бет. — Может быть, они

придут к тебе на помощь и сейчас?

— Они не помогли мне! — закричала Айви. — Если бы ангелы существовали, если бы они были нашими хранителями и защитниками, Тристан был бы сейчас жив! Но он погиб. Его больше нет! Как я могу после этого верить в ангелов?

Тристан видел, как она судорожно сжимает кулачки. Ее грозные глаза стали вдруг пронзительно-зелеными, и он прочитал в них уверенность, не оставлявшую места ангелам.

Ему показалось, будто он снова умирает.

Сюзанна посмотрела на Бет и пожала плечами. Филипп промолчал, но Тристан заметил, что он крепко стиснул зубы.

«Настырный маленький барсучишка», — заметила Лэйси.

Тристан кивнул. Филипп не перестал верить. Его упрямая вера вернула Тристану частицу надежды.

Но тут Айви подбежала к мусорной корзине и вытащила оттуда пакет. Бросившись к полкам, она принялась швырять в него своих ангелов.

«Не надо, Айви!»

Но разве его слова могли ее остановить? Филипп подошел к сестре и потянул ее за рукав.

— Можно я возьму их себе?

Она не обратила на него внимания.

— Айви, можно мне их забрать?

Тристан слышал, как хрупкое стекло бьется в мешке. Рука Айви уверенно и методично двигалась вдоль полки, однако она еще не успела добраться до Тони и Ангела воды.

— Пожалуйста, Айви.

На этот раз она остановилась.

— Хорошо. Забирай их, — сказала она, — но дай мне слово, что ты больше никогда не заговоришь со мной об ангелах. Обещай, Филипп.

Филипп задумчиво посмотрел на две оставшиеся фигурки.

— Ладно. Но что, если...

— Нет, — оборвала его Айви. — Никаких но.

Филипп бережно взял с полки Тони и Ангела воды.

— Обещаю.

У Тристана почернело в глазах.

Когда Филипп ушел, Айви глухо сказала:

— Уже поздно. Скоро все вернутся. Мне нужно переодеться.

— Я помогу тебе выбрать что-нибудь подходящее, — встрепелась Сюзанна.

— Нет. Спускайтесь вниз. Я приду через несколько минут.

— Но ты же знаешь, как я люблю подбирать для тебя одежду...

— Мы уже уходим, — сказала Бет, пихая Сюзанну к двери. — Не торопись, Айви. Если кто-нибудь захочет к тебе подняться, мы их задержим. — Она вытолкнула Сюзанну за порог и закрыла дверь.

Айви смотрела на фотографию Тристана. Она стояла неподвижно, как статуя, и слезы медленно катились по ее щекам.

«Тристан, тебе нужно отдохнуть, — тихо сказала Лэйси. — Ты не сможешь ничего сделать, пока не восстановишь силы».

Но он не мог покинуть Айви. Тристан обнял ее, но она выскользнула из-под его руки,

подошла к комоду, где стояла фотография, и взяла ее в руки. Тристан снова обнял Айви, но она только еще сильнее разрыдалась.

Внезапно Элла очутилась на комодe. Это Лэйси незаметно поставила ее туда. Кошка подошла к Айви и ласково потерлась щекой о ее голову.

— Ох, Элла. Я не знаю, как отпустить его...

«Не отпускай меня, Айви», — умоляюще прошептал Тристан.

«Но когда-нибудь ей придется это сделать», — тихо напомнила Лэйси.

— Элла, я знаю, что потеряла его. Тристан умер. Он больше не может обнять меня. Не может думать обо мне. Больше не хочет меня увидеть. Любовь заканчивается со смертью.

«Неправда, — крикнул Тристан. — Клянусь, я обниму тебя снова, и ты узнаешь, что моя любовь никогда не закончится!»

«Ты устал, Тристан», — предупредила Лэйси.

«Я обниму тебя, я буду любить тебя вечно».

«Если ты сейчас же не отдохнешь, — сказала Лэйси, — то совсем запугаешься. Тебе будет трудно отличить реальное от нереального, ты не сможешь сопротивляться тьме. Тристан, послушай меня...»

Но прежде чем она успела закончить, Тристана поглотила тьма.

— Ну вот, — сказала Сюзанна, когда они вышли из кинотеатра. — За последние недели мы посмотрели фильмов не меньше, чем Сискель и Эберт^[6].

— Я не уверен, что они пошли бы на этот шедевр, — скривился Уилл.

— А мне только этот и понравился по-настоящему, — сказал Эрик. — Жду не дождусь, когда они снимут «Кровавую бойню-4».

Грегори посмотрел на Айви. Та отвернулась.

Каждый раз, когда Айви предлагали куда-нибудь сходить, а в последнее время ей то и дело это предлагали, она неизменно выбирала кино. Будь на то ее воля, она бы ходила на три сеанса подряд. Иногда происходящее на экране захватывало ее, но даже если этого не происходило, посещение кинотеатра позволяло Айви выглядеть общительной, не вступая в разговоры. К сожалению, теперь самая простая часть вечера подошла к концу. Айви невольно поморщилась, когда они вышли из темной прохлады кинотеатра в жаркую, залитую неоновыми огнями, ночь.

— По пицце? — спросил Грегори.

— Я бы выпила, — сказала Сюзанна.

— Пусть Грегори покупает, раз он не дал мне загрузить багажник, — ответил ей Эрик.

— Грегори покупает пиццу, — напомнил Грегори.

Айви подумала, что в последнее время Грегори все чаще напоминает ей водителя в лагере, который приглядывает за их компанией и отвечает за то, чтобы все было в порядке. Странно только, что Эрик мирится с этим, ведь, насколько Айви было известно, они с Грегори и Уиллом частенько проводят вечера без нее и девочек, в компании гораздо более отвязных парней и девушек.

Во время поездок в город Айви играла сама с собой в недавно придуманную игру, проверяя, сколько времени она сможет не думать о Тристане или, по крайней мере, не скучать по нему так мучительно. Чтобы отвлечься, она заставляла себя обращать внимание на то, что ее окружало. Жизнь продолжалась, пусть и не для нее.

Этой ночью они всей компанией отправились в популярную пиццерию под названием «У Челентано».

Здесь были расшатанные стулья и неровно оторванные куски бумаги вместо скатертей. На этих скатертях можно было писать и рисовать — объявление при входе гласило, что всем посетителям бесплатно выдаются карандаши и мелки. При этом владельцы заведения, Пэт и Дэннис, были настоящими волшебниками своего дела. Бет, обожавшая шоколад во всех видах, была без ума от их знаменитых десертных пицц.

— Ну-с, что выберешь сегодня? — лукаво спросил ее Грегори. — Опять шоколадные кексы и сыр?

Бет смущенно улыбнулась, два красных пятна выступили на ее скулах. Айви подумала, что часть очарования Бет заключалась в ее искренности, в том, как открыто она улыбалась людям.

— Нет, на этот раз попробую что-нибудь другое, — решила Бет. — Что-нибудь более здоровое и полезное. Вот! Бри с абрикосами и стружкой из горького шоколада!

Грегори расхохотался и положил руку ей на плечо. Айви невольно вспомнила то время, когда она ломала голову над загадочными замечаниями Грегори и была уверена в том, что

он может только зло смеяться над ней и ее подругами.

С тех пор все изменилось. Теперь ей было с Грегори легко и просто. Он был абсолютно предсказуем, никаких загадок. От отца он унаследовал сильный характер, но постоянно нуждался в похвале и одобрении. В данный момент Бет и Сюзанна были от него в полном восторге, причем Сюзанна то и дело бросала на Грегори пылкие взгляды поверх своего меню.

— А я хочу пепперони и ничего, кроме пепперони, — бормотал Эрик. — Только пепперони! — Его палец нервно метался туда-сюда по списку пицц, словно обезумевший мышонок, который никак не может найти выход из лабиринта.

Уилл уже принял решение. Отложив закрытое меню, он принялся разрисовывать мелкими свою скатерть.

— Ну вот и наш Рембрандт пожаловал, — сказала Пэт, подходя к их столику и ласково кивая Уиллу. — Он обедает у нас трижды в неделю, — пояснила она остальным. — Мне приятно думать, что его привлекает наша стряпня, но подозреваю, все дело в бесплатных материалах для творчества!

Уилл ответил ей улыбкой, но Айви видела, что его карие глаза улыбаются гораздо заметнее, чем губы.

«А вот его не так просто понять», — подумала про себя Айви.

— Эй, О'Лири, — окликнул Уилла Эрик, когда хозяйка отошла. — Ты что, втрескался в старушку Пэт?

— Ему нравятся зрелые женщины, — засмеялся Грегори. — Взять хотя бы ту дамочку из Университета Лос-Анджелеса, которая уехала в Европу вместо того, чтобы продолжить учебу...

— Правда? — с живым интересом переспросила Сюзанна.

Уилл поднял глаза от рисунка.

— Мы просто друзья, — ответил он, возвращаясь к рисованию. — К тому же я работаю рядом, в фотолаборатории.

Это небрежное замечание стало абсолютной неожиданностью для Айви. Она знала, что никто из друзей Грегори нигде не работал.

— Между прочим, наш Уилл нарисовал вон тот портрет Пэт, — сообщил девушкам Грегори.

Портрет, о котором он говорил, висел на стене пиццерии — простой лист дешевой бумаги, испещренный разноцветными шприхами мелков. Тем не менее, это была Пэт с ее прямыми, черными волосами, удлиненными карими глазами и роскошным ртом. Художнику удалось очень точно раскрыть и передать ее красоту.

— Ты отлично рисуешь, — сказала Айви.

Уилл поднял на нее глаза, на миг задержал взгляд, а потом снова вернулся к рисунку. Айви так мало знала его, что не могла сказать, равнодушен он или застенчив.

— Знаешь, Уилл, — вдруг сказала Бет, — Айви никак не может понять, равнодушен ты или просто застенчив.

Уилл удивленно поднял голову.

— Бет! — воскликнула Айви. — Что ты несешь?

— То есть ты об этом не думала? Ой, тогда, может быть, это Сюзанна? Или я сама... Не знаю, Айви, у меня что-то неладное с головой. После того, как мы уехали из твоего дома, у меня вдруг началась дикая мигрень. Кажется, мне срочно нужна лошадиная доза кофеина.

— Шоколадная пицца исцелит тебя! — расхохотался Грегори.

— К твоему сведению, — спокойно сказал Уилл, обращаясь к Бет, — я совсем не равнодушный.

— Вы мне надоели, — объявил Грегори.

Айви откинулась на спинку стула и посмотрела на часы. Целых восемь минут она думала только о других людях. Целых восемь минут она не думала о том, что Тристан мог бы сейчас сидеть здесь рядом с ней. Это был прогресс.

Пэт пришла принимать заказ. Поставив на стол тарелки, она порылась в кармане и протянула Уиллу несколько анкет.

— Я вручаю тебе их при свидетелях, так что не отвертись! — заявила хозяйка. — Знаешь, я ведь храню все разрисованные тобой скатерти — планирую продать их, когда твои картины будут висеть в музее Метрополитен. Но если ты не пожелаешь выставить свои рисунки на фестивале, я сама выставлю твои скатерти, так и знай.

— Спасибо, что оставила мне выбор, Пэт, — сухо заметил Уилл.

— А у вас есть еще анкеты? — поинтересовалась Сюзанна. — Айви тоже хочет заполнить.

— Но я не рисую на скатертях, — сказала Айви.

— Ты занимаешься музыкой, детка, — объявила Сюзанна. — На фестивале в Стоунхилле будут представлены все виды творчества. Там устраиваются специальные открытые площадки для представлений. Ты непременно должна принять участие. Это пойдет тебе на пользу.

Айви прикусила язык. Она смертельно устала от того, что все кругом лучше ее знали, что именно пойдет ей на пользу. Каждый раз, слыша эти слова, Айви мысленно отвечала: «Мне пойдет на пользу только Тристан. И ничего больше».

На этот раз всего две минуты. Две минуты без мыслей о нем.

Пэт принесла еще несколько анкет и пиццы. Все стали хором вспоминать о прошлых фестивалях.

— Мне нравилось смотреть на танцоров, — сообщил Грегори.

— В детстве я тоже танцевала, — призналась Бет.

— Но неожиданное происшествие положило конец ее карьере, — заметила Сюзанна.

— Мне было шесть лет, — начала Бет, — и я была без ума от танцев. Это было словно во сне — я кружилась по сцене в расшитом блестками платье, и мне казалось, будто тысячи звезд сверкают вокруг меня. К несчастью, я настолько увлеклась, что свалилась со сцены.

Уилл громко рассмеялся. Айви впервые услышала его смех.

— А помните, как Ричмонд играл на аккордеоне?

— Мистер Ричмонд? Наш директор?

— Он самый, — кивнул Грегори. — Сам мэр отодвинул ему стул.

— И мистер Ричмонд возьми, да и сядь. Мимо, — добавил Эрик.

— Ой!

Айви смеялась вместе со всеми, но это было притворство. Даже в тех случаях, когда ее что-то интересовало или смешило, она оживлялась только на одну секунду, а потом думала: «Нужно непременно рассказать Тристану».

На этот раз прошло четыре минуты.

Уилл рисовал на скатерти смешные сценки: вот Бет кружится на носочках по сцене, вот мистер Ричмонд падает на пол, задрал ноги. Он располагал сценки друг за другом, как в

комиксах. Айви заметила, что он рисует очень быстро, сильными, уверенными штрихами. Несколько мгновений она с интересом наблюдала за ним.

А потом Сюзанна громко зашипела. Айви посмотрела на нее, но лицо Сюзанны уже превратилось в приветливую маску.

— Сюда идет твоя подружка, — пропела она, обращаясь к Грегори.

Все обернулись. Айви с трудом проглотила комок в горле. Это была Твинки Хэммонд, «мелкая брюнетка», как когда-то окрестила ее Сюзанна. Та самая, с которой Айви впервые познакомилась на соревнованиях по плаванию, где впервые увидела Тристана в воде. А рядом с Твинки шел Гарри.

Он смотрел прямо на Айви. Потом перевел глаза на сидевшего рядом с ней Уилла, посмотрел на Эрика и Грегори. Айви нахмурилась. Она была не на свидании, и все-таки ей показалось, что Гарри ее осуждает.

— Привет, Айви.

— Привет.

— Развлекаешься? — спросил он.

Она покрутила в пальцах мелок, потом кивнула.

— Да.

— Давно тебя не видел.

— Да, — ответила она, хотя несколько раз видела Гарри — один раз в молле, а еще раз на улице. Тогда она быстро юркнула в первую попавшуюся дверь.

— Ты теперь часто гуляешь? — спросил он.

— Даже очень часто.

Стоило ей увидеть Гарри, как она машинально начинала искать глазами Тристана.

Стоило ей увидеть Гарри, как она снова и снова терпела эту пытку.

— Я так и знал, что найду тебя здесь. Твинки мне сказала.

— Тебя это как-то тревожит? — спросил Грегори.

— Я разговариваю не с тобой, а с Айви, — холодно ответил Гарри. — Просто интересуюсь, как она поживает. — Он переступил с ноги на ногу. — Родители Тристана просили, чтобы ты как-нибудь заехала к ним.

Айви опустила голову.

— Я навещаю их время от времени.

— Хорошо, — выдавила Айви. Она сотни раз давала себе слово заехать к отцу и матери Тристана.

— Им очень одиноко, — продолжал Гарри.

— Я понимаю, — прошептала Айви, чертя мелком маленький черный крест на скатерти.

— Им хочется с кем-нибудь поговорить о Тристане.

Айви молча кивнула. Она не могла снова приехать в этот дом, не могла, не могла! Айви отложила мелок.

— В его комнате до сих пор стоит твоя фотография. Они не убирают ее.

Ее глаза остались сухими, только дыхание стало хриплым и прерывистым. Айви пыталась вдохнуть и выдохнуть медленнее, чтобы никто ничего не заметил.

— Представляешь, за твою фотографию засунута какая-то записка, — с нервным смешком продолжал Гарри. — Ну, ты же знаешь, какие у него родители... были. Они всегда уважали Тристана и его право на личную жизнь. Даже сейчас они так и не прочитали эту

записку, они знают только, что ее написала ты и что Тристан ее зачем-то сохранил. Видимо, она была ему дорога. Они решили, что это любовное послание, и засунули его под твою фотографию.

Что она ему написала? Ничего важного, что стоило бы хранить. Скорее всего, уточняла время их следующего занятия в бассейне. Но Тристан хранил даже такой пустяк...

Айви пыталась справиться со слезами. Ей не нужно было сегодня выезжать из дома в компании. Она еще не научилась так долго сдерживаться...

— Ты придурок! — раздался над ее головой громкий крик Грегори.

— Все в порядке, — глухо ответила Айви.

— Убирайся отсюда, придурок, пока я тебя не вышвырнул! — приказал Грегори.

— Все в порядке, — повторила Айви. Это была правда. Гарри, как и она, просто не мог справиться со своими чувствами. Он не виноват.

— Я же говорила тебе, Гарри, — пропела Твинки, — что она не из тех, кто будет год носить траур.

Стул Грегори с грохотом упал на пол, он вскочил и отшвырнул его ногой.

Но Дэннис Челентано в последний момент схватил Грегори за воротник, не дав броситься на Гарри.

— В чем дело, ребята?

Айви сидела, не поднимая головы. Раньше она взмолилась бы своим ангелам, прося послать ей силы вынести все это, но это время прошло. Поэтому теперь она просто застыла, обхватив себя руками.

Она прогнала все мысли, заглушила все чувства, отгородилась от всех грубых слов, летавших в воздухе вокруг нее. Она застыла и оцепенела. Если бы только она могла оцепенеть навсегда!

Почему она не погибла вместо него? Почему все случилось так, как случилось? Тристан был единственным сыном у родителей. Он был для них всем. Он был всем для нее. Никто и никогда не сможет занять его место. Это она должна была умереть, а не он!

Внезапно в зале все стихло, вокруг нее воцарилась мертвая тишина. Может быть, она сказала это вслух?

Гарри ушел. Айви не слышала ничего, кроме скрипа карандаша по бумаге. Рука Уилла двигалась очень быстро, сильные штрихи решительно ложились на бумагу.

Айви в оцепенении смотрела на скатерть. Наконец, Уилл убрал руку. Айви смотрела на рисунки. Ангелы, ангелы, ангелы. Один ангел был похож на Тристана, он с любовью обнимал ее, Айви.

Слепая ярость захлестнула ее.

— Как ты смеешь! — прошептала Айви. — Как ты посмел, Уилл?

Их взгляды встретились. Она увидела смущение и страх в его глазах. Но ей было все равно. Сейчас она не чувствовала ничего, кроме бешенства.

— Айви, я не понимаю, почему... Я не хотел... Я совсем не хотел, Айви, клянусь, я бы никогда...

Она сорвала со стола исчерканный листок. Уилл изумленно смотрел на нее.

— Я совсем не хотел сделать тебе больно, — тихо сказал он.

Это было так просто. Тристану понадобилась всего лишь доля секунды, чтобы пробраться в сознание Уилла. Он не встретил никакого сопротивления: рисунки ангелов,

один за другим, ложились на бумагу, как будто они с Уиллом думали об одном и том же. Они пережили одинаковое изумление при виде рисунка, вышедшего из-под карандаша Уилла. Если бы только Уилл мог каким-то чудом оживить изображение, чтобы Тристан смог обнять и утешить Айви. Но чуда не произошло.

«Что мне теперь делать, Лэйси? — спросил Тристан. — Как я могу помочь Айви, если все, что я делаю, причиняет ей страдания?»

Но Лэйси не было рядом, чтобы прийти ему на помощь.

После того как Айви и ее друзья уехали домой, Тристан еще долго бродил по улицам притихшего ночного города.

Ему нужно было подумать. Он уже боялся предпринимать новую попытку. Статуэтки ангелов, изображения ангелов, само упоминание об ангелах — все это вызывало у Айви только боль и гнев. Но что он мог поделать, если превратился в ангела? В *ее* ангела.

Все его новые возможности были бесполезны, абсолютно бессмысленны. И он до сих пор не имел никакого представления о своей миссии. Самое печальное, что он не мог даже думать об этом, потому что все его мысли были заняты Айви.

«Что же мне теперь делать, Лэйси?» — снова спросил Тристан.

Возможно, Лэйси, как всегда, преувеличивала, когда сказала, что его миссия может заключаться в спасении кого-то от беды. Но что если это правда? Вдруг кто-то погибнет из-за того, что он способен думать только о своем горе и страданиях Айви?

Лэйси посоветовала ему держаться ближе к людям, которых он знает, поэтому, очнувшись от забытья, Тристан сразу же разыскал Гарри и отправился вместе с ним к Челентано. Еще Лэйси говорила, что ключ к его миссии может находиться в прошлом, в какой-то проблеме, которую он видел, но не придавал значения. Значит, придется выяснить, как отправиться в прошлое.

Тристан представлял себе время в виде вращающейся сети, в которую попадают все мысли, чувства и действия людей. Совсем недавно он и сам находился в этой сети, а потом выпал из нее. Наверное, проще всего будет войти в сеть в том месте, где она порвалась, дав ему выход? Может быть, нужно отправиться на место происшествия?

Тристан быстро помчался над темными петляющими дорогами. Было уже очень поздно, ему не встретилось ни единой машины.

Тристану вдруг стало не по себе, даже почудилось, будто олень может снова выскочить перед ним на дорогу. Он невольно замедлил свой полет, но тут же взял себя в руки.

Просто удивительно, как легко он нашел нужное место и как сразу понял, что это именно оно, хотя все повороты дороги были похожи друг на друга.

Полная луна была не в силах пробиться сквозь густую листву. Лунного серебра не было видно, только воздух слабо светился призрачным, сероватым светом. Но даже в темноте Тристан все-таки нашел розы.

Не те, что он подарил Айви, но похожие. Они лежали на краю дороги — мертвые, увядшие. Когда Тристан поднял цветы, их лепестки, как хлопья пепла, осыпались на дорогу. Осталась только алая шелковая лента, которой они были перевязаны.

Тристан посмотрел на дорогу, пытаясь мысленно перенестись в ту ночь.

Он попробовал вспомнить последние минуты своей жизни. Свет.

Неземной свет и голос или послание — нет, он не был уверен, что слышал этот голос и не запомнил ни единого слова. Но знал, что это случилось после вспышки света.

Тристан снова вернулся к свету и сосредоточился на нем.

Маленькая точка света — да-да, перед туннелем, перед слепящим сиянием конца, он увидел точку света, горевшую в глазу оленя.

Тристан содрогнулся. Сжался в комок. Потом всем своим существом почувствовал страшный удар. Все его тело как будто вмялось внутрь. Он опрокинулся навзничь. Машину тоже понесло назад как в парке аттракционов, когда кабинки вдруг начинают резко идти задним ходом. Он пытался остановить это: каждой частицей своего существа, всей своей оставшейся энергией он пытался остановить это безжалостно отматывающееся назад время.

А потом он оказался рядом с Айви. Они сидели абсолютно спокойно, словно на стоп-кадре в кино. Они были в машине, которая медленно ехала вперед.

— Бросим последний взгляд на реку, — предложил он, увидев впереди крутой поворот дороги.

Июньское солнце, опускаясь за отроги далеких гор на западе сельских просторов Коннектикута бросало косые лучи на верхушки деревьев, осыпая их хлопьями расплавленного золота. Петляющая дорога вскоре влилась в тенистый туннель кленов, тополей и дубов. Они словно нырнули под воду, в толщу темно-зеленых волн.

— Не торопись, — сказала Айви. — Мне уже расхотелось есть.

— Я испортил тебе аппетит? Она покачала головой.

— Наверное, я просто слишком счастлива, — тихо сказала она.

Машина понеслась быстрее, потом резко вильнула.

— Тристан, не надо торопиться.

— Забавно, — пробормотал он. — Не пойму, почему... — Он обескураженно посмотрел вниз, на педали. — Такое впечатление, что...

— Помедленнее, пожалуйста! Ничего страшного, если мы немного опоздаем, ведь... Ой! — вскрикнула Айви, указывая рукой вперед. — Тристан!

Тристан увидел промельк движения в темноте. Что-то выскочило из кустов прямо на дорогу... олень замер, повернул голову и уставился на яркие фары машины.

— Тристан!

Он сильнее вдавил педаль тормоза. Они неслись прямо в сияющие глаза оленя.

— Тристан, ты что, не видишь? Машина продолжала нестись.

— Айви, тут что-то...

— Олень!

Он давил и давил на тормоз, педаль вжалась в пол, но машина не сбавляла скорость.

Глаза оленя сверкнули. Внезапно за его спиной полыхнул свет, и ослепительная вспышка на миг высветила черный силуэт животного.

Навстречу неслась машина. Со всех сторон стеной высились деревья. Свернуть было некуда.

— Остановись! — надрывалась Айви.

— Я...

— Остановись, почему ты не тормозишь? — умоляюще прорыдала она. — *Остановись, Тристан!*

Тристан хотел остановиться, он отчаянно хотел вернуться в настоящее, но полностью потерял контроль, и уже ничто не могло остановить безумного разбега, ничто не в силах было спасти его от безумной гонки по длинной воронке тьмы. И тьма поглотила его.

Когда он снова открыл глаза, над ним стояла Лэйси.

«Тяжелая поездочка?»

Тристан огляделся по сторонам.

Он находился на той же обсаженной деревьями дороге, только сейчас было раннее утро: легкая паутина золотистого света просачивалась сквозь полог листвы.

Нахмурившись, Тристан попытался вспомнить, что с ним случилось.

«Ты позвал меня — это было несколько часов тому назад. Спрашивал, что тебе делать дальше, — напонила Лэйси. — Я так понимаю, ты не стал дожидаться моего ответа».

«Я вернулся в прошлое, — медленно произнес Тристан, и вдруг все вспомнил. — Лэйси, это был не просто олень. Если бы не олень, это была бы стена. Или дерево, река или мост. Это могла бы быть другая машина».

«Стоп-стоп, Тристан! О чем ты говоришь?»

«Не было никакого сопротивления, никакой жидкости... Она просто ушла в пол».

«Кто?» — буркнула Лэйси.

«Педаль. Тормоз. Так не должно было быть, — Тристан взволнованно схватил Лэйси за руку. — Что если... что если это была не авария? Что если это только так выглядело?»

«А ты только выглядишь мертвым, — хмыкнула Лэйси. — Хватит морочить мне голову. Как это не авария, если ты разбился насмерть?»

«Выслушай меня, Лэйси. Я знаю, что тормоза у моей машины были в полном порядке. Возможно, кто-то с ними что-то сделал! Кто-то перерезал тормозной шланг! Лэйси, ты должна мне помочь!»

«Я? Но я не умею водить машину. Я не знаю даже, как на газ давить».

«Ты должна помочь мне достучаться до Айви!» — ответил Тристан, бросаясь бегом по дороге.

«Лучше уж я тормозами займусь, — крикнула ему вслед Лэйси. — Полегче, Тристан! Не забодай еще одного оленя!»

Но уже ничто не могло его остановить.

«Айви должна снова поверить! — лихорадочно бормотал Тристан. — Мы должны поговорить с ней. Она должна узнать, что это была не просто авария. Кто-то хотел убить меня — или Айви!»

Продолжение следует.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

hors d'oeuvres (*фр.*) — закуски.

tres certaine (*фр.*) — точно уверены?

Старое английское стихотворение, в оригинале «O Western wind, when wilt thou blow».

Игра в цыпленка чаще всего заключается в том, что двое участников разгоняют свои автомобили и на бешеной скорости едут навстречу друг другу. Тот, кто первым свернет в сторону, считается проигравшим и, соответственно, цыпленком.

Ivy (*англ.*) — плющ. В мифологии плющ символизирует бессмертие, верность и вечное возрождение жизни.

Сискель и Эберт — известные американские кинокритики.